

Карл Ф.Г. ШПИТТЕЛЕР

ОЛИМПИЙСКАЯ ВЕСНА

**ЛАУРЕАТЫ НОБЕЛЕВСКИХ ПРЕМИЙ
на русском языке**

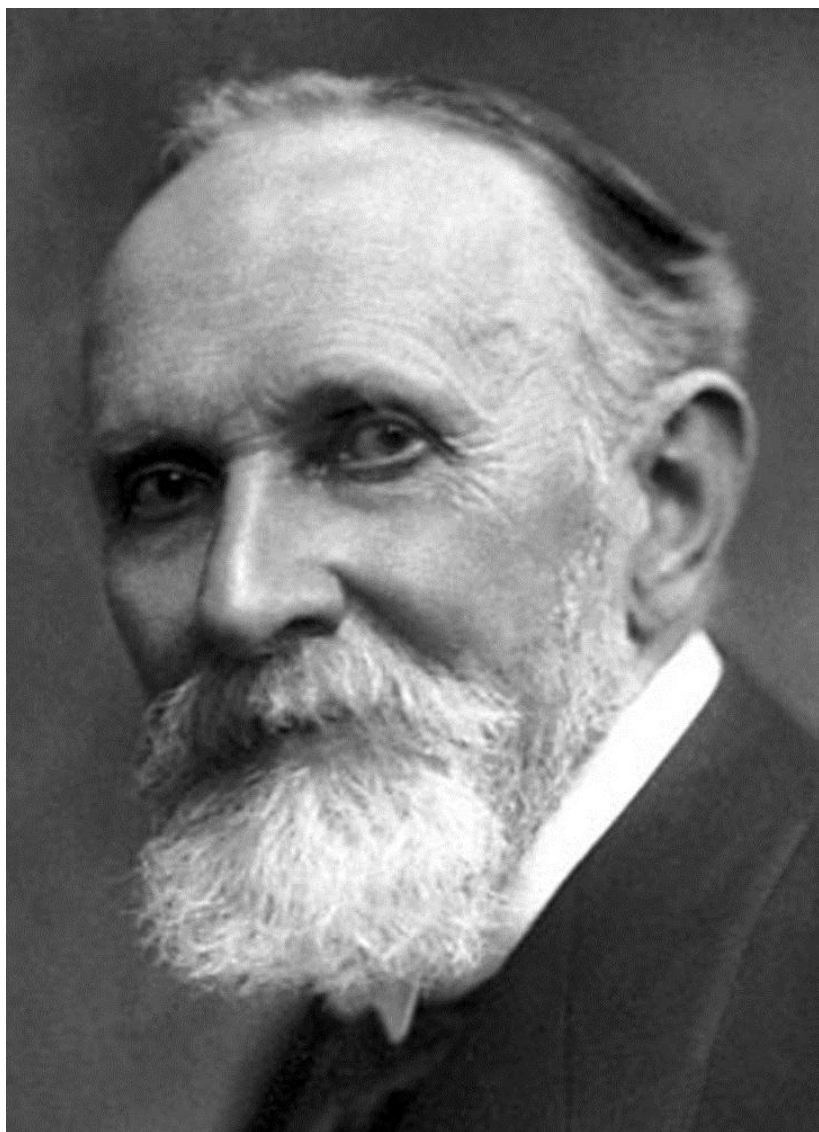
*Проект издательства
Международного Информационного
Нобелевского Центра (МИНЦ)
«Нобелистика»*

**Лауреаты Нобелевских премий
на русском языке**

Серия «Литература»

**Под общей редакцией
Президента МИНЦ профессора В.М.Тютюнника**

***Издательство МИНЦ «Нобелистика» выражает
глубокую благодарность Андрею Николаевичу Красильникову,
который разыскал в архиве рукопись перевода А.В.Луначарским
данного произведения на русский язык, инициировал издание,
написал предисловие и выполнил литературное
редактирование текста.***

Карл-Фридрих Георг ШПИТТЕЛЕР
(24.04.1845 – 29.12.1924)

Международный Информационный Нобелевский Центр

Карл Шпиттелер

ОЛИМПИЙСКАЯ ВЕСНА

Перевод с немецкого А.В.Луначарского

МЕЖДУНАРОДНОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО МИНЦ
"НОБЕЛИСТИКА"

Тамбов – Москва – С.-Петербург – Баку – Вена – Гамбург – Стокгольм
2017

International Information Nobel Centre

Carl Spitteler

OLYMPISCHER FRÜHLING

Übersetzt vom deutschen durch A.W.Lunatscharski

IINC International Publishing House “Nobelistics”
Tambov – Moscow – S.-Petersburg – Baku – Vienna – Hamburg – Stockholm
2017

ББК 82.3(0)
Ш 835

*Печатается по решению Редакционно-издательского совета МИНЦ,
Тамбовского регионального отделения РАЕН*

Спонсор издания – НАО «САЛЮС» (г. Москва)

К. Шпиттелер

Олимпийская весна: пер. с нем. А.В.Луначарского; предисл. А.Н.Красильникова; коммент. А.Н.Филиппова. – Тамбов; М.; СПб.; Баку; Вена; Гамбург; Стокгольм: изд-во МИНЦ «Нобелистика», 2017. – 204 с. – (Лауреаты Нобелев. премий на рус. яз. Сер. «Литература»; под общ. ред. проф. В.М.Тютюнника).

C. Spitteler

Olympischer Frühling: übersetzt vom deutschen durch A.W. Lunatscharski; Vorwort von A.N.Krasilnikov; Anmerkungen von A.N.Filippov. – Tam-bow; M.; SPb.; Baku; Wien; Hamburg; Stockholm: IINC Verlag "Nobelistik", 2017. – 204 s. – (Gewinner der Nobelpreise in rus. Sprache. Eine Reihe von "Literatur"; unter die allgem. Red. von Prof. V.M.Tyutyunnik).

По плану издательства МИНЦ на 2017 г., поз. 57.

ISBN 978-5-86609-201-7

ISBN 978-5-86609-201-7

- © К.Шпиттелер, 1910
- © А.В.Луначарский (перевод), 1917
- © А.Н.Красильников (публикатор, предисловие, литературное редактирование), 2017
- © А.Н.Филиппов (словарь-комментарий), 2017
- © Международный Информационный Нобелевский Центр (МИНЦ), 2017
- © Тамбовское региональное отделение РАЕН, 2017
- © Изд-во МИНЦ «Нобелистика», 2017

ПРЕКРАСНЫЙ, КАК АЛПЫ

I.

История Нобелевских премий по литературе не очень богата событиями, когда награда присуждалась за конкретное произведение, как того хотел её учредитель. Обычно отмечались крупные романы о народной жизни или семейные саги. И лишь в одном случае Шведская академия остановила выбор на стихотворном шедевре. Им стала эпическая поэма швейцарца Карла Шпиттелера (1845–1924) «Олимпийская весна».

Как ни досадно, но она остаётся единственной и в другом отношении: только с ней из всех творений, удостоенных высшего литературного отличия, отечественный читатель до сих пор незнаком. За сто с лишним лет не сделано не только ни одного полного перевода, но даже прозаического изложения содержания. Никто из наших поэтов не дерзнул переложить хотя бы одну из тридцати трёх песен, из которых состоит поэма. Более того, на русском языке так и не появилось ни единого отрывка из неё! Похоже, об «Олимпийской весне» не говорится ни слова и с университетских кафедр, и дипломированным литературоведам она просто неведома.

Настоящее издание призвано покончить с этой вопиющей несправедливостью и устранить нелепую лакуну в наших знаниях вершин мировой литературы, каковой, несомненно, является главный труд жизни Карла Шпиттелера.

Однако признаемся честно: книга эта рождалась не только в долгих поисках, но и в серьёзных сомнениях.

О существовании перевода «Олимпийской весны» было известно из статьи его автора Анатолия Васильевича Луначарского в газете «День» от 22 сентября 1916 г. Вот что писал о швейцарском поэте будущий нарком просвещения: *«Во время моего почти десятилетнего пребывания за границей мне посчастливилось сделать для себя и, может быть, отчасти для других несколько радостных литературных открытий... Но я должен сказать, что ни одно из них не вызвало у меня такого чувства глубочайшего восторга, как открытие Карла Шпиттелера.*

Как произошло оно для меня? Конечно, имя этого поэта я встречал в историях новейшей литературы немецкого языка, но оно упоминалось всегда хотя и с похвалой, но так, что особого стимула к немедленному знакомству с его произведениями отсюда не получалось.

В первое свидание моё с Роменом Ролланом я указал ему на благородную, истинно европейскую, в самом лучшем смысле, позицию, которую занял Шпиттелер по отношению к войне. Роллан восхищался ею и спросил меня, достаточно ли я знаком с произведениями Шпиттелера. На мой ответ, что я с ним знаком лишь понаслышке, он сказал: «Это стыдно для человека, владеющего немецким языком. Это поэт величественный и прекрасный, как Альпы».

Такое мнение высокоуважаемого мною писателя заставило меня немедленно приступить к изучению произведений швейцарского поэта.

И это было очарование. С трудом могу я отыскать в моих воспоминаниях какой-нибудь параллельный факт, такое же ощущение восторга и счастья при чтении других каких-либо поэтических произведений.

Для меня стало ясным сразу, что здесь нельзя ограничиться каким-нибудь этюдом о поэте, что надо постараться завоевать его творения для русской литературы. И вот уже восемь месяцев, отложив все остальные работы, я отдаюсь этому делу».

Вскоре после блаженных восьми месяцев в Сен-Лежье на берегу Женевского озера наступил 1917 год, который пагубным образом сказался не только на будущем России, но и на судьбе русскоязычного издания Шпиттелера: оно так и не увидело свет. Лишь в самом конце XX века роман «Имаго», повесть «Лейтенант Конрад», рассказ «Фёдор Карлович», несколько стихотворений и известную речь с «благородной, истинно европейской позицией по отношению к войне» выпустило в новых переводах издательство «Панорама» в серии «Лауреаты Нобелевской премии». Однако места хотя бы маленькому фрагменту из «Олимпийской весны» не нашлось и там, а в послесловии ей уделено лишь несколько строк.

Это выглядело несколько странно, поскольку в только что упомянутой статье Луначарский писал: «Я перевёл во фрагментах почти четвёртую часть его огромного и величественно-прекрасного эпоса “Олимпийская весна”...». Неужели рукопись пропала?

К счастью, нет. Автору этих строк удалось отыскать её следы в одном из московских архивов. И какова же была радость, когда стало понятно, что к дореволюционным переводам, составляв-

шим четверть поэмы, добавились новые, и из фрагментов складывается вполне целостная картина, дающая достаточное представление о творении Карла Шпиттелера. Предусмотрительный Луначарский применил метод, уже использовавшийся в отечественном книгоиздании, когда крупный поэтический эпос давался частично в стихах, частично в прозаическом изложении.

Правда, была в бочке мёда и ложка дёгтя. Во-первых, одна из тридцати трёх песен не пересказана даже прозой, во-вторых, часть титанического труда переводчика всё-таки утрачена, что видно из нумерации листов.

Это и породило сомнения: стоит ли предлагать читателю вершинное творение мировой литературы в таком виде. Возникла идея восполнения лакун новым переводом. Робкая попытка на сей счёт даже предпринималась. Но в конце концов верх взяло другое соображение: каким бы неполным ни был текст, у него два автора – Шпиттелер и Луначарский. Ни один серьёзный литератор на роль подмастерья, латающего чужие дыры, не согласится, а профессиональный уровень здесь должен быть высочайший: очень мало кому по силам сегодня справиться с задачей. Публикатор и издатель решили всё же рискнуть и вынести на ваш суд то, что им удалось найти в архиве, не добавляя ни строчки. Лишь темы двух отсутствующих песен позволили мы себе обозначить общими словами, заключёнными в косые скобки. (Таким же образом выделены пропущенные в рукописи слова, восстановленные по смыслу). Там, где в переводе есть явные пропуски, стоят строки из точек.

Уникальность произведения, как мы считаем, вполне оправдывает подобное решение. Оставлять отечественного читателя в полном неведении о поэме, стоящей в одном ряду с «Илиадой», «Одиссеей», «Энеидой», «Божественной комедией», когда есть хотя бы такая возможность знакомства с ней, представляется нам ошибочным. Да и подвижничество переводчика не должно оставаться без читательского внимания. Чтобы осилить столь объёмный (более ста тысяч стоп) текст, стараясь сохранить размер подлинника (правда, иногда вместо ямбического гекзаметра встречается пятистопный ямб), нужны годы упорного труда. Анатолий Луначарский, как мы знаем, переводил не только Шпиттелера, а с начала революции больше десятка лет занимался к тому же каждодневной рутинной работой в большевистском правительстве. И всё-таки ему удалось оставить нам хотя и не выправленную окончательно, но вполне добротную работу. Сам он наверняка улуч-

пил бы её при подготовке к печати, но мы на себя смелости править его текст не взяли (кроме, повторюсь, восстановления пропущенных слов и исправления очевидных ошибок).

Возможно, кто-то не разделит наш оптимизм, но мы с издателем считаем, что робкий, но существенный шаг в ознакомлении с «Олимпийской весной» сделан.

II.

Необходимо сказать и несколько слов об истории присуждения Карлу Шпиттелеру Нобелевской премии. Во всех энциклопедиях и справочниках он значится как лауреат 1919 года. Однако награда досталась ему лишь при следующем вручении. Дело в том, что к тому времени Шведская академия стала практиковать сдвоенное награждение. Так, в 1916 г. увенчали не только Вернера фон Гейденстама, но и Ромена Роллана – за предыдущий год, когда из-за войны присуждение два раза подряд не производилось. То же повторилось и четыре года спустя. Почести за 1918 год остались не возданными, а компанию нобелиату образца 1920 г. Кнуту Гамсуну составил Карл Шпиттелер.

Выдвигать его кандидатуру начали сразу после выхода «Олимпийской весны» в окончательной редакции. Главным энтузиастом стал профессор Цюрихского университета Вильгельм Эксли. Он был историком, учеником нобелевского лауреата Теодора Моммзена, и с 1912 г. постоянно номинировал Шпиттелера на премию. В 1913-1914 гг. его поддержала группа из сорока девяти германоязычных писателей Европы. Позднее к нему присоединились первые поэты Швеции Вернер фон Гейденстам и Эрик Аксель Карлфельдт, занимавшие к тому времени кресла академиков. В апреле 1919 г. Эксли скончался, так и не дожив до исполнения многолетнего желания. Однако он посмертно числится номинатором своего соотечественника.

У Карла Шпиттелера было одиннадцать конкурентов – самое мизерное число за всю историю премии. Трое (Владислав Реймонт, Джон Голсуорси и Эрик Аксель Карлфельдт) получают её позднее. Первый – за год до кончины, второй – за два месяца, третий – уже после неё. Шпиттелер успеет насладиться славой целых четыре года. Двое из его соперников – английский философ Эбенизер Говард и Пер Хальстрём – больше никогда не будут претендовать на награду. Хальстрём проживёт ещё сорок лет, но членство в Шведской академии и высокие посты в ней не

позволят ему участвовать в соискании. Юхани Ахо – первый профессиональный финский писатель – умрёт до следующего присуждения. Уйдут из жизни в год голосования по их кандидатурам чешский автор исторических романов Алоиз Ирасек, норвежский прозаик Ханс Кинк и немецкий драматург Арно Хольц, причём последний будет выдвинут группой из 412 профессоров. Его каталонский коллега Анжел Гимера, ежегодно числившийся среди номинантов с 1907 г. семнадцать лет подряд, до самой смерти, также не станет лауреатом. Не выпадет такая судьба и самому молодому и наиболее известному сегодня конкуренту Шпиттелера Гуго фон Гофмансталю. Яркий представитель австрийского символизма скоропостижно скончается в пятьдесят пять лет после известия о самоубийстве сына.

С тех пор миновало почти столетие. Заслуги многих соискателей потускнели, произведения их вспоминаются с трудом. И всё же три произведения, вписанные в наградные дипломы, остаются классикой мировой литературы. Это «Мужики» Владислава Реймонта, «Сага о Форсайтах» Джона Голсуорси и «Олимпийская весна» Карла Шпиттелера.

III.

Поэма «Олимпийская весна» создавалась в начале столетия, которое автор встретил уже зрелым мастером слова. Однако творческий путь его был необычным, не имевшим аналогов в предшествующей истории. Начался он на том самом тридцать седьмом году, когда многие поэты, успев стать великими, уходили из земной жизни. Да и для дебюта Карл Феликс Тандем (таким был псевдоним будущего нобелиата) избрал весьма редкий жанр – крупномасштабную эпическую поэму, основанную на античной мифологии, но определённую самим автором как притча. Усложнённая конструкция, мистические мотивы и умышленное крушение устоявшихся стереотипов в трактовке вековых образов привели к тому, что эпос «Прометей и Эпиметей» не был принят ни читателями, ни критиками: шпиттелеровских аллегорий попросту не поняли. А когда двумя годами позже появилась книга Фридриха Ницше «Так говорил Заратустра», написанная более понятным языком, никто и не заметил, что некоторые её ходы и мысли повторяют Карла Феликса Тандема. Более того, спустя годы именно Шпиттелера начали обвинять чуть ли не в плагиате.

Ещё были живы и успели ознакомиться с поэмой признанные классики швейцарской литературы Готфрид Келлер и Конрад-Фердинанд Мейер. Существуют свидетельства, что они отнеслись к ней благосклонно, но их мнение до читающей публики тогда не дошло. Первым из соотечественников во всеуслышание оценил достоинства «Прометея и Эпиметея» Карл Густав Юнг, бывший к моменту выхода поэмы шестилетним ребёнком. В своём фундаментальном труде «Психологические типы», законченном буквально в канун решения стокгольмских академиков, он подробно анализирует образы главных героев, сравнивая Прометея Шпиттелера с Прометеем Гёте. Разумеется, воспринималось это и как подтверждение конгениальности новоиспечённого нобелиата великому немецкому поэту и мыслителю.

К сожалению, «Прометей и Эпиметей» также не переведён на русский язык.

Потерпев неудачу, Карл Шпиттелер не отчаивается, хотя о карьере профессионального писателя приходится забыть и поступить на службу простым учителем. Впрочем, кое-какой опыт на этот счёт у него уже был: в 1870-е годы он работал гувернёром в России. Его рассказы и очерки на русскую тему становятся спасательным кругом для тонущих надежд, которые не дали публикации следующих поэтических опусов: цикла коротких поэм «*Extramundana*» (1883) и двух сборников стихотворений: лирических – «Бабочки» (1889) и сатирических – «Литературные притчи» (1892).

Наиболее заметными стали два прозаических сюжета из недавней истории. Первый – в жанре рассказа под названием «Фёдор Карлович. Эпизод из жизни бернского офицера на русской службе». Он повествует о восстании декабристов глазами иностранца. Если наша литература придерживалась принципа: о людях 14 декабря либо хорошо, либо ничего, то швейцарский писатель увидел в этом событии нечто прямо противоположное тому, что принято было о нём писать. Его заговорщики тщеславны и мстительны. Верный воинскому долгу и присяге Фёдор Карлович пытается их удержать и гибнет от рук вчерашних друзей. И уж совсем не в некрасовском духе дан образ жены одного из вождей восстания Ольги Алексеевны. В финале она выдаёт своего мужа, когда тому уже ничто не грозит, предвосхищая иудин «подвиг» любимой героини советской пропаганды Любови Яровой.

Повесть «Бомбардировка в Або» воскрешает малоизвестный эпизод Крымской войны, когда английская и французская эскадры были посланы в Финский залив, чтобы атаковать Петербург. Авантюра кончилась тем, что 78-летний русский адмирал Пётр Рикорд с помощью мин, изготовленных семьёй Нобель (при активном участии юного тогда Альфреда), оконфузил неприятеля перед всей Европой, не подпустив его к Кронштадту на расстояние пушечного выстрела. На обратном пути англичане бессмысленно и безрезультативно обстреляли город Або и убрались восвояси.

Вот как описывали британские газеты те события:

– «Дейли Ньюс»: *«...великолепнейший флот, какой когда-либо появлялся в море, не только не подвинул вперёд войны, но возвратился, не одержав ни одной победы, без трофеев, с офицерами, упавшими духом и обманутыми в надежде приобрести славу, с моряками, недовольными тем, что они не были в деле и не приобрели никакой добычи».*

– «Геральд»: *«Русские смеются, и мы смешны в самом деле».*

Что касается Шпиттелера, то он решил посмеяться и над русскими тоже, преподнеся историю в подлинно фарсовом стиле.

Гарнизонем древней финской столицы Або (современный Турку) руководят командиры с именами, словно вышедшими из-под пера Салтыкова-Щедрина, – генерал Барабан Барабанович и майор Балван Балванович, которые, никак не предполагая возможности какой-либо вражеской атаки, давно распродали всё, из чего и чем можно стрелять. Город легко берётся голыми руками, но англичане не знают об этом. Да и всерьёз атаковать вовсе не собираются: им нужно лишь для отчёта перед начальством что-нибудь разрушить. Они сами просят Барабана Барабановича указать какое-нибудь предназначенное под снос строение, где уже никто не живёт. Однако тот решает их руками свести счёты с одним местным фабрикантом и даёт наводку на только что построенный тем заводской корпус. В результате английскому командованию приходится платить огромную компенсацию финскому промышленнику, а в Або приезжает далеко не гоголевский ревизор, и генеральше стоит больших усилий уладить дело и выхлопотать мужу тёплое местечко в тёплой части империи.

Успех у читателя «русских» рассказов подвигнул автора на создание новых прозаических произведений, среди которых выделяются повести «Густав, идиллия» (1892) и «Лейтенант Конард» (1898). Но при этом он не переставал мечтать о реванше за «Прометея и Эпиметея».

Судьба смиростивилась над ним. В конце века благодаря полученному наследству отпала необходимость в службе, и все свои силы Шпиттелер направил на создание главного произведения жизни.

«Олимпийская весна» печаталась по частям с 1900 по 1905 годы и сразу была принята восторженно. Но это не удержало автора от желания усовершенствовать текст. В окончательной редакции поэма предстала на суд читателей в 1910 году.

На сей раз недостатка в авторитетных оценках не наблюдалось. Вот что писал в «Психологических типах» Карл Густав Юнг: «...произведённое Шпиттелером обнаружение бессознательных религиозных содержаний приводит прежде всего к познанию *символа богообновления*, который пространно раскрывается в “Олимпийской весне”. Этот символ оказывается теснейше связанным с противоположностью типов и функций и, очевидно, имеет значение попытки разрешить проблему в форме обновления общей установки, что на языке бессознательного выражается как обновление бога».

Ромен Роллан, много сделавший для пропаганды творчества Карла Шпиттелера, так отзывался о новом эпосе: «“Олимпийская весна” сама по себе уже целая космогония, – наподобие индусской эпопеи, – бесконечное развитие этапов Природы. Сначала – новые боги, властители современного нам мира, восходящие из лоноа ночи к сверкающему зениту; их игры и сражения для завоевания скипетра; потом – установленный порядок, юность Олимпа, полнота радости... Благословенный час на исходе. Но поэт остановился при первом же треске разрушающегося волшебного дворца. Он отвернулся от зловещего будущего. С него достаточно того, что он увидел с вершин противоположный склон и бездну, в которую скатится скоро счастье жизни. Он заканчивает свою поэму появлением сходящего с Олимпа Геракла, сына божьего, идущего принести себя в жертву ради человечества.

Пусть греческие имена не вводят нас в заблуждение! Ни одно из них не соответствует нашим школьным представлениям. Все мифы преобразены. Всё здесь ново: и форма и мысль. Чудо состоит в том, что после созерцания этих альпийских олимпийцев в неожиданных ролях и на новой сцене, куда их вызвал Шпиттелер, кажется уже невозможным, чтобы они были иными, чем создал их он. Такова ослепительная сила гения».

Последняя особенность, подмеченная Ролланом, вынуждает включить в настоящее издание не просто комментарий, а комментированный словарь, чтобы читатель мог свериться с античным первоисточником. В противном случае Гера останется в его сознании могущественной, но смертной царицей, а Геракл чуть ли не Иисусом Христом. На самом деле Шпиттелер искусно конструирует собственный пантеон богов, где известные имена используются совершенно произвольно, хотя и в духе древнегреческой фольклорной традиции. Показателен в этом смысле пример Посейдона. Из мифологии известно, что это был взбалмошный, недалёкий и любвеобильный бог морей. Но как он им стал? Шпиттелер со свойственным ему тончайшим юмором придумывает на эту тему забавный поэтический анекдот.

Некоторые античные персонажи используются в несвойственных для себя ролях для обличения человеческих пороков. В той же песне о Посейдоне фигурирует похотливая старушка Татис. На самом деле это вполне серьёзная морская богиня, не уличённая древними греками в легкомыслии. Да и Протей в традиционной мифологии не антагонист, а сын Посейдона.

В песне «Актайон, дикий охотник» автор блестяще высмеивает бюрократию в лице царя Миноса, образ которого использован, видимо, из-за пристрастия того к законотворчеству. Власть держащие показаны в сатирическом духе и в песне «Афродита» из четвёртой части поэмы, но уже в связи с их одновременным проявлением сластолюбия и ханжества. Последний порок присут, как считает Шпиттелер, и служителям культа, что находит отражение в той же песне об Актайоне. Им, кстати, достаётся больше других: в песне «Дионис-ясновидец» осуждается религиозная нетерпимость, а в песне «Гермес-искупитель» – фанатизм.

Достаются разящие стрелы шпиттелеровской сатиры также мракобесам и лжеучёным, особенно в песне «Аполлон-герой». Описываемые реалии при этом не имеют ничего общего с эпохой античности: с историческим временем автор обращается ещё более вольно, чем с мифом. И это нельзя даже назвать анахронизмом, поскольку является не отступлением от нормы, а постоянным приёмом.

Но не ради высмеивания человеческих слабостей задумывался величественный эпос. Главное в нём – собственное видение истоков и устройства мира, озабоченность его судьбой. В одной из поэм писатель так излагает своё кредо:

Если б ведать, как из дуновенья
Возникает бытиё предметов,
Мы раскрыли б тайну Мироздания.*

Собственно говоря, та же мысль лежала и в основе дебютной поэмы автора, интерес которого к первопричине мира больше связан с появлением в нём такой категории, как власть. Там Ангел Божий выбирает наместника для царствования в мире людей и предпочитает честному Прометею его недостойного брата Эпиметея, согласившегося на сомнительную сделку с собственной душой. В «Олимпийской весне» рука царицы Геры и верховенство над Землёй достаются не победителю в открытом состязании богов – блистательному Аполлону, а ничтожному интригану Зевсу, прибегающему к помощи извне. Не удивительно после этого, что миром правит не хозяин Олимпа, а всемогущая и злобная богиня Ананке. Но есть и более страшная сила в лице безликого и беспощадного Автомата, воплощающего идею материалистического мироустройства.

Таково на поверку подмеченное Юнгом «обновление бога». С виду демократичный (над воротами его дворца красуется призыв: «Приходите все»), Автомат в прямом смысле слова подавляет всё и вся, даже не вникая в суть явлений.

В финале выявляются две жизненные позиции. Одну формулирует Гера: «...я поняла, что злоба — любимое дитя того, по чьему плану построен мир. ... Пусть преступление и убийство станут моими целями». Вторую провозглашает Геракл: «Дразню я глупость, злобу я зову на бой». Ясно, что вся последующая история человечества будет заключаться в борьбе этих непримиримых идей. Очевидно и то, что Геракла ждёт судьба Прометея, отказавшегося променять свою Душу на конформистскую Совесть.

IV.

«Олимпийская весна» не осталась единственным литературным достижением Карла Шпиттелера в новом веке. В 1906 г. выходит полный внутреннего психологизма роман «Имаго». К счастью, он доступен русскому читателю, поэтому нет необходимости говорить о нём подробно. Отмечу только, что это во многом автобиографическое произведение развеяло миф о неспособности автора к реализму.

* Из поэмы «Поэт и Сивилла», входящей в цикл «Extramundana» (пер. М. и В. Витковских). – *Прим. публикатора.*

Годом позже появился поэтический цикл «Колокольные песни». Одну из них Анатолий Луначарский не только перевёл, но и обнародовал в журнале «Пламя» в первый же год своего служения в Совнарком. Увы, этим и ограничились все его публикации переводов Шпиттелера. Она даётся в виде приложения в настоящем издании.

Далёкий от политики и даже публицистики, Карл Шпиттелер прославился также своей антивоенной речью «Наша швейцарская точка зрения», произнесённой в цюрихском отделении Нового гельветического общества 14 декабря 1914 г. Из неё весь мир узнал, что начавшееся кровавое побоище болезненно сказывается даже на нейтральной стране и что ей тоже грозит серьёзный катаклизм в виде раскола. Но соотечественники прислушались к словам своего великого поэта, среди которых прозвучала и такая мысль: «Чем гениальнее государственный деятель, тем легче он идёт на преступление». Единство альпийской республики сохранилось. Выступление имело настолько сильный резонанс, что Ромен Роллан не преминул заметить: «Нельзя быть уверенным, что в глазах многих людей Нобелевская премия не явилась наградой за речь».

Лебединой песнью лауреата, завершённой в последний год жизни, стала третья крупная эпическая поэма. Её главным героем снова оказался Прометей, и сюжетно она словно продолжает дебютное произведение. По меткому выражению Р.Роллана, это «два оттиска одной гравюры». Автор работал над ней долгие четырнадцать лет, начав сразу после завершения «Олимпийской весны». «Терпеливым Прометеем» он фактически закольцевал свой творческий путь, устранив некоторые невнятности и длинноты первого эпоса и сменив ритмическую прозу на полноценный стих. Символично, что конец «Терпеливого Прометея» повторяет начало «Прометея и Эпиметея»: главные герои бегут от мирской суеты.

Исполнив все свои замыслы, писатель покинул этот мир через две недели после выхода новой книги, в канун 1925 года, не дожив немногим более ста дней до своего восьмидесятилетия.

В прощальном слове, обращённом к памяти Карла Шпиттелера, Ромен Роллан писал: «Он представляется мне, как некий Маттегорн, одинокая альпийская гора. Вся гора целиком, от подножья до вершины. Каждый может там найти свою долю, накосить травы, нарвать цветов, набрать плодов. И каждый мо-

жет найти там источник, где можно утолить жажду, и тень, где можно лечь, отдохнуть и помечтать».

Прекрасные слова! Остаётся добавить к ним: каждый сегодня вправе выбирать – припадать к чистому роднику Высокой Поэзии или пить из водопроводного крана масскультуры.

Чтобы не лишать читателя первой возможности, мы и выпускаем эту книгу, выражая при этом благодарность сотрудникам Международного Информационного Нобелевского Центра в Тамбове и Москве – Л.В.Головачевой, И.Б.Базылеву, К.В. Крюковой, В.М.Тютюннику и А.Н.Филиппову, оказавшим большую помощь в её подготовке.

*А.Н.Красильников,
август 2017 г.*

Часть первая

<ПОДЪЁМ>

Песня 1. Выход из Эреба

Гадес приказывает освободить закованных богов и собрать их в храм Сивилл.

Слуги возвращаются и говорят:

Оковы их разбили мы... Но с нами
Они окованы, как тёмными цепями,
Повито ночью каждое чело,
И глух их дух, и, опустив крыло,
Надежда спит, спят мёртвым сном желанья
И жаждут только вечного молчанья.
Встряхни их сильною рукой: лениво
Подымет голову кой-кто, потом пугливо
С закрытыми очами внемлет он
И, словно новою печалью угнетён,
Немые волны сна опять к себе торопит
И в их пучине горы скорби топит.

Гадес отправляется сам и будит богов бодрящими речами. Они встают в сумрачной зале, дрожа под зябким туманом. Гадес возвещает им, что общая царица – Ананке, «вынужденная принудительница», вновь призывает их царить над землёй. Он хочет прочесть им их будущее в каменной книге судеб. Он велит отворить решётки в глубине храма, за которыми сидят в темноте дикие Сивиллы.

И дверь открыли ужаснувшиеся слуги.
И на котурнах, быстры и упруги,
Сивиллы обегают зал вокруг шагами
Гиен встревоженных и воздух пьют ноздрями.
И вдруг почуяли и тихо завизжали
И неподвижно возле книги стали,
Погас их взор от страха, и в гримасе муки
Закоченели губы, боль свела им руки,
Ещё дрожали ноги, но всё тело
Через мгновение окостенело.

Гадес открывает книгу и приказывает им читать. Первая начинает:

И словно глыба льда, когда её могучий
Руками покачнёт и мощно двинет с кручи, –
Так двинулась она, чужой покорна воле,
К священной книге тайн на каменном престоле.
И шупает неверными руками,
Блуждая пальцами, скользит меж письменами.
Идёт за следом, а потом в сомненье
Отступит вдруг, вдруг перст вперит. Как в отдаленье
Раздался голос, как во сне бормочет
Пророчица, поведать нечто хочет.
Стал громче звук, и ропот вырос в слово.
Внимали все: таинственно и ново
Звучала песнь Сивиллы о судьбах,
Прочитанных на каменных листах.

Первая Сивилла говорит о том, что богам предстоит царствовать на Олимпе над Землёю, пока вновь не повернётся и не свергнет их колесо судьбы. Вторая о том, что выскокая невеста, Гера, ждёт на Олимпе жениха. Третья, что Гера, в свою очередь, родит дочь, которая свергнет её, как она свергла свою мать, а с ней Кроноса и всё его племя.

Гадес требует от Сивилл прочесть также ответ на вопрос: почему и для чего? Но они бессильны сделать это.

Тогда Гадес ободряет богов отправляться в путь на высоты. Богини не хотят идти за ними, так как те отправляются в качестве женихов-соперников – добиваться руки Геры. Но Гадес призывает их идти, чтобы стать супругами-утешительницами «храбрых побеждённых», ибо Гера останется только одному. Они соглашаются с восторгом.

Когда они проходят мимо дворца Персефоны, величественная и прекрасная богиня-царица раздражается жалобами: «Вы идёте в царство света», – сетует она:

А мне лишённая любви страна
Судьбой навеки домом суждена!
Что мне венцы, что блеск моих камней,
Величье пурпура и скучное владенье
Сокровищ в кладовых, куда я не вхожу:
В мерцанье мертвенном вещей не нахожу
Игры лучей небесных никогда я,
Кто их похвалит, взорами лаская?

О, горе мне! Лишь Гарпий клёкот злобный,
Да стража крик, охрипший и загробный,
Да стоны узников мне сокращают время,
И вечно над землёй ползёт туманов бремя.
Но что надеяться? На то, что облака
Подымутся над долами слегка?
На то, что серый дождь, не перервав напева,
Всё вправо сеявший, засеет вдруг налево?

Боги идут дальше, но надолго в их памяти сохранится красота этого видения и музыка этой жалобы.

Вот мост. Гадес предупреждает не идти посредине его, ибо кто идёт по средней доске, внезапно ощущает тоску разлуки с покидаемым, как оно ни мрачно. Некоторым это кажется столь невероятным, что они не слушаются предупреждения.

Явила силу чар им средняя доска:
Их сердце сжала вдруг неясная тоска
И жажда оглянуться: город чёрный,
Подземный город встал вдруг весь узорный,
Весь золотом одет, весь в розовом сиянье.
Звучало с башен к ним стозвучное прощанье.
Воспоминая опьянили их, и рад
Вернуться каждый в старый плен назад.

Боги проходят ряд адских опасностей: «птицы-клеветницы» грозят похоронить их под градом своих нечистот; они переправляются через болотистую речку, на дне которой живёт ужасное чудовище – Былое, которое спит под весёлый человеческий говор, но просыпается на горе от молчания.

Гадес

Песня 2. Утренняя гора

Наконец Гадес на границе своих владений прощается с ними и даёт им советы относительно восхождения на Утреннюю гору, по которой они должны подняться на небо, в царство отца Урана, чтобы оттуда осенёнными небесным сиянием сойти на Олимп – править Землёю. Посредине Утренней горы они увидят страшный «Путь лавин», по которому низвергаются в Эреб старые боги. Быть может, они встретят там несчастное племя своих предшественников, богов круга Кроноса?

С величайшим трудом карабкаются боги по откосам. И вот они на воле. При свете дня, в красочном нададском* мире восторг и любовь охватывает их. Они спешат помогать один другому, приласкать друг друга. Вдруг в разорвавшихся тучах они в первый раз видят солнце.

Спокойно, тихо в синеве небесной
Свершало колесо светила путь чудесный,
Самодовлеющей сияя красотой.
Умолкли все. И песнью золотой
Один приветствовал невиданное диво:
«Кто ты, о друг, что расцветил красиво
И дол и горы золотом своим?
Быть может, это ты, велик, недостижим,
Рисуешь мир растопленным блаженством,
Пространства наполняешь совершенством,
И вещи и мираж объединяешь в сны?
Как нам назвать тебя не знаем, но полны
Любви к тебе – дела твои благословляем!»
И тут другой запел, светилom вдохновляем:
«Дрожат уста, молитва рвётся с них,
Из сердца полного к тебе летит мой стих.
Я пленным был во тьме гнилой темницы,
И ночь отчаянья смыкала мне зеницы.
Я вопрошал: зачем, зачем даны мне очи,
И отвечал: чтоб плакать среди ночи.
И вот мильон чудес открылся для меня,

* нададском – находящемся над адом. – Прим. публикатора.

Повсюду блеск зеркал, мерцание огня:
Я пью согретые лучами краски,
И, благодарный за святые ласки,
Тебя я называю: Радость Глаз!»
Тут третий им сказал: «Послушайте рассказ
О сне моём, значительном виденье –
Одежде истины. Увидел я строенье
О тысяче колонн. И вдруг из белых зал
Сверкнула молния. Я деву увидал,
Помчавшую вдогонку, и по виду
Божественному в ней узнал Ириду.
Лук напряжён, стрелу она готовит,
Но молнию какой-то мальчик ловит:
Пронёсся в вихре колесницы, вмиг
Горячий луч со смехом он настиг,
В венец его сплетает ловко
И возлагает на свою головку.
“А! Милое дитя, я тоже не безрука.
Смотри-ка, как стреляю я из лука!” –
Сказала дева. Семь в колчане было стрел:
Зелёной, красной, синей рассмотрел
Я оперенья. И спокойным оком
Наметив цель на мальчике далёком,
Семь раз разбила огненный венец:
Семь граней заблестало наконец,
И семь лучей разлились, как море
Торжественных цветов в пространственном просторе.
Для всех вещей создалось одеянье,
И все окрасились и славили деянье».

Песня 3. Геба

Подымаясь выше, боги видят наконец страшную ложбину, по которой обычно низвергаются отжившие боги. Над ней колодец с двумя ключами, из которых один даёт, другой отнимает охоту к существованию. Вокруг колодца, которым они согласно мудрому предостережению Гадеса пользуются умело, они располагаются на отдых. Здесь находят они на камнях и деревьях горделивые письма: то боги племени Кроноса, совершая здесь восходящий путь, начертали свои имена. Отдельно и величаво красуется надпись Кроноса. Кому-то приходит в голову мысль спросить, кому же среди них суждено стать подобным Кроносу царём богов? И уже зависть готова раздуть вражду в их сердцах, но Ирена умоляет их отложить вопрос до свершения, и боги соглашаются. Они вписывают и свои имена.

Глубокая колея выбита в вечности шагами восходящих и падениями низвергаемых богов:

Вздыхнув сказал один: «Как стар и горек свет!
В его пространствах сколько пронеслося бед!»
Из пропасти, как эхо, прозвучало:
«Без мук не видано пространства от начала».

И вот происходит роковая встреча. Жалкой, трагической лавиной ниспадают старые боги по сухому руслу, наполняя пустыню вокруг стонами и лязгом оружия. Они жадно пьют из ключа, и как раз из того, который лишает их и последнего мужества. Вдруг на кряже над колодцем они видят своих сияющих молодостью заместителей, скорее растроганных, впрочем, чем злорадствующих.

И к новым божествам отверженные боги
Вскричали: «Это вы идёте к нам в чертоги?!
На наши троны сесть, на наши ложа лечь
С подругами и горделиво речь
Несносной похвальбы сказать над тою чашей,
Куда стекали слёзы скорби нашей?!»
И боги новые ответили богам
Отверженным: «Увы, вы братья нам!
И страшно нам взирать на унижение
Тех, кто до нас держал мироправленье.
Но знайте: плакали мы в чёрной темноте,

Когда вкушали вы блаженство в высоте.
И ныне ваш черёд отведасть прах Эреба,
И ныне наш черёд взойти на лоно неба.
Весы качнулись, колесо вертится,
Тот падает, а тот к зениту мчится!»
И старые сказали: «Не браним
Мы вас, но <только> тот, кто, одержим
Угрюмой старостью, стоит перед концом,
Невольно раздражён наследника лицом».

Но раздаются крики: «Ясновидец приближается!» Это
Орфей. Голос одного из старых богов вещает о нём:

«Чист, как дитя, невинен, как девица,
Сей человек. Но в вещие зеницы
Нельзя без ужаса взглянуть. Оне,
Всё мелко-близкое оставив в стороне,
Вперяются, как будто в даль без края,
На деле внутрь глядят, вниманье напрягая,
И там, на дне души волшебным изошрён,
Поэта взор пронзает жизни сон;
Гранит и медь не в силах быть преградой,
Он в мозг вселенной проникает взглядом,
Зрит в сердце вечности, где в маске шума дней
Незримое скрывает от очей
Нагую правду в гордости стыдливой.
В лесу, в полях, где чуть звучат мотивы
Господней речи, собирает соки
И возвещает суть и предрекает сроки!»
Он говорил ещё, и вот идёт, шатаясь
И мир забыв, больной мечтой питаюсь,
С печатью демонства на бороздах чела,
Подобный призраку Орфей. Душа полна
Тяжёлой ношею картин сверхзримых.
Торжественен, он стал среди богов гонимых
И начал так: «Здесь чую я меж скал,
Что до рожденья я уже существовал.
О! Мне картина вдруг становится яснее.
Да. Это первый миг. От страха я пьянею!
Где, в чём преступных дел исток,
Скрыто от меня. Но я там был. И рок
Творил и мною. Ужас и проклятье!
Я чую жажду буйную зачатья,

Порыв творить. И чую я беду
На вечность. Мир существ, которые в бреду
Погубят нежное и, вставши брат на брата,
Господство оснуют разящего булата!»
Так он кричал и вдруг умолк без сил,
И взор потух. Невзрачен и уныл,
Поплёлся он. Так кратер, изрыгнувший лаву,
Зияет скучно пастию шершавой.

Боги, старые и новые, с ужасом выслушали Орфея и
долго после предавались тяжёлым мыслям.

И вечный смерти сон хвалили боги тихо,
Бессмертие своё хуля как злое лихо.
И вдруг походкой лёгкой, с лёгкой палкой
Пришёл какой-то муж. Сначала стало жалко
Как бы ему смотреть на горький сонм богов,
Потом он им сказал: «Сердиться я готов,
Когда вас вижу, братья боги, в горе!
Пристало ль это нам? Рождённые в позоре
Гниющих от рожденья тел, те, что живут
Лишь пищею, что рты их жадные жуют:
Зверь, человек, которых голод мучит
И мясо рвать с костей у друга учит,
Пусть плачут! Наши души славой света
Прекрасно и сияюще одеты,
И лишь извне грозит нам может рок:
Сама Ананке преступить порог
Божественного тела не умеет
И руку наложить на душу нам не смеет!
В беде и радости мой дух нерасторжим!
Я – Прометей. Не назову моим,
Что счастье мне дало, к несчастьям равнодушен,
Лишь зовам внутренним торжественно послушен,
Лишь благам внутренним я цену придаю.
Внутри себя мой замок создаю
О гордых стенах, золочёных башнях,
Средь них цветут мои луга и пашни
О тысячах чудес. Душист и ярок
Мой сад висячий: на тринадцать арок
Опёрся он. Двенадцать уж готовы.
Я занят выводкой последней, новой

И наилучшей. Я её согну,
Когда придём мы в плен, туда, ко дну.
Пусть тесно там, но дух всегда найдёт просторы,
Пусть отуманит тьма тяжёлой дремой взоры.
Кто в силах помешать в моём творенье мне?
Я буду спать? Пускай! Творю я и во сне!» –
Так говорил он, улыбаясь. И склонился
К ключу волшебному, его воды напился,
Но от струи, отъемлющей охоту, он
Не пил... И в творческую грёзу погружён,
Пошёл в Эреб ложбиною глубокой,
Как будто путь его касался только рока.

Возвещают приближение царя Кроноса. Это величественная фигура, омрачённая яростной скорбью. Увидев наследников, он раздражается бурей гнева. Вновь бунт овладевает его горделивой душой, и он призывает своё племя ещё раз воспротивиться судьбе и напасть на ненавистных её баловней. Но напрасно! Почва скользит под ними вниз. Кронос упорствует, устремляя коня наперекор реке камня, его уносящей, и – внезапно ниспадает в бездну.

Новые боги омрачены тоской. Им стыдно собственного счастья. Им страшны отчаянные проклятья Кроноса. Мысль о колесе необходимости переполняет их душу горечью. Они решают отказаться от дальнейшего восхождения и ждут, что предпримет против них Ананке. Но она словно забыла их. И медленно, сумрачно, молчаливо пускаются пристыжённые боги в дальнейший путь.

Солнце, недавно их столь восхищавшее, нестерпимо жжёт их. Подъём всё круче, и боги чувствуют наконец нестерпимую усталость. Всё громче их ропот. Некоторые доходят до того, что восклицают:

О время милое, когда среди туманов
Дождь бил в мильон негромких барабанов,
И в комнатах ночных нас холод донимал,
Но не один из нас про жгучий зной не знал!

Внезапно боги видят перед собой красивую и стройную девушку, видом напоминающую пастушку. Она собирает их вокруг себя и с приветливой улыбкой угощает, вынимая из своей словно бездонной сумки хлеб и вино богов для всей их толпы.

Она рассказывает им, что имя её Геба, и что она спустилась с Небесного Града, посланная владыкой неба – отцом Ураном им на помощь, чтобы проводить их до зелёного плато, где ждут их небесные кони. Пока же она отведёт их на отдых под тень густых деревьев неподалёку. Там боги блаженно расположились на отдых. Они закусывали, пели и напоследок стали рассказывать друг другу чудесные сказки. Один из богов начал эту беседу, рассказав пугающую легенду о первом боге.

Когда-то было время ледяным узлом,
И там и здесь, и тьма и свет – всё сбито в ком.
Ничто бессильно виснуло в пустыне,
Как вдруг из вечности скатился по стремнине
С лицом об искажённых ужасом чертах
Старик в плаще лохматом на плечах.
И оглянулся с тем же диким страхом,
И стал вертеться иступлённым взмахом,
Хватая пустоту искривленной рукой,
И пена изо рта текла седой рекой,
И он кричал в Ничто необозримом:
«Хоть отзвук дайте мне, хоть тень мелькнёт пусть мимо!
Пылинка, самый крошечный атом:
Я чувствовать хочу! Пусть жжёт меня огнём,
Пусть молоты мне голову ломают,
О, пусть меня миллионы мук терзают,
Но не хочу лететь в стремительном паденье
Один, один в зонах. О мученье,
Какого больше нет – быть вечно одному!
Врага мне дайте, демона, ему
Рабом я буду, только б встретить что-то!»
Он говорил ещё. Как вдруг среди полёта
Он ощутил укол... укол извне! Скорее.
Он смотрит на руку: пылинка в ней, острее
Иглы. Вонзилась и блестит. Он воздух впил,
В восторге едкий запах ощутил,
Взял в рот пылинку, и <в> его язык
Вкус терпкий разжигаяще проник.
Ужель надежда?.. Да! Триумф! Есть что-то в мире!
Второй атом летит, ещё, ещё, всё шире
Колючих зёрен ток, и вот уж вкруг чела
Царапающих игл корона пролегла.

Спускаются на шею и вдоль плеч,
Стальным дождём всё тело стали сечь,
И дождь стал градом, вырос в комья град:
«Довольно! – бог вскричал. – Материя, назад!»
И боль и страх опять его терзают,
А камни в глыбы, в плиты вырастают.
Уж скалы, горы сыплются, планеты,
Миры гремящие, и массой их одетый,
Закостенев от мук, сойдя с ума от горя,
Бог покати́л миры в таинственном просторе.

Другой рассказал о кентавре Финее, который оскорбил когда-то Гадеса дерзким ухаживанием за самой Персефой. Гадес решил научить гордеца смирению. Для этого он вызвал гарпию из адских болот, красивую извне, холодную и злую душой. Он дал ей корень-приворот и поручил ей терзать Финея, как умеют это делать женщины, как только тот станет её обожателем. Семь лет мучится Финей в любовном рабстве у страшного существа, находящего счастье в его унижениях.

Семь лет прошло. И как-то царь Гадес
С царицей ехал на охоту в лес.
«Остановитесь! – он вскричал. – Я слышу пенье
Там, возле Стикса! Это стон мученья,
Преображённый в музыку, и гнев
Готов раскрыть в нём свой кровавый зев,
Но подчинён мелодией и плачет...
Друзья, я знаю, что та песня значит:
Какая-то душа, горда и благородна,
Измучена дотла в когтях любви бесплодной».
И разделив камыш над мрачною водой,
Финей видит он. С согбенною спиной
Сидел он и на плоском камне с песней
Царапал чей-то лик. О Немезис прелестной
Он пел. Как вдруг она плевком через плечо
Грязнит его работу. Бедный горячо
Заговорил: «Беда моя неисцелима,
О женщина, ты мной до низости любима:
Мучь, мучь меня, гони меня со света,
Но дело рук моих щади: создание это
Не для издёвки! Я его в слезах

Родил любовию и освятил в лучах
Улыбки бледной бездн моей печали.
Ужасная, тобой меня околдовали.
Срами себя – смолчу: любовь сильнее презренья,
Но осрамить не смей своё изображение!»

Персефона в ужасе присутствует при этой сцене. Гадес плачет над таким унижением мужчины, освобождает Финя от чар и делает его своим другом.

Геба тоже рассказывает хорошенькую сказку о долине «Почему-бы-нет». Она не ограждена камнем, всякий сможет вступить на неё, но едва кто подойдёт, хоть нет препятствий, а не пойдёт по её шёлковым лугам, почему-то тотчас пропадает само желанье! Боги смеялись этому рассказу.

Наконец всё общество снимается с лагеря. Геба хочет вести богов верхнею, лесной тропой, ибо нижняя проходит совсем близко от грота «Жизнь и смерть», вид которого слишком горек и страшен. Боги просят Гебу рассказать о нём.

Это котловина, говорит она, дно которой залито мёртвой водой пруда Леты. По обе стороны пруда есть две пещеры. Из одной льётся безостановочно мутная, кровавая струна, приносящая в Лету измученные при жизни тысячами испытаний души. Тут в пруде они вновь одеваются другими телами. Кто же творит это злое превращение?

У самого пруда в расщелине живёт
Мегера, дочь Судьбы, царица этих вод.
Железная, она не ведаёт пощады,
Лица не кажет никому, и пуще ада
Скрывается от света. Дел ея*
Гнушается с проклятием земля,
И небо отвращает взор, и жгучий стыд
Перед самой собой на лбу её горит.
Но если скрыта гнусность её тела,
Всем видимо жестокой воли дело.

Это она вылавливает из грязного окровавленного потока души умерших животных и гонит их восходящим потоком в другую пещеру, одев их вновь сетью плоти.

И глина вновь святой души царица,
И бьётся дух, как клеем облитая птица!

* Ея = её. – Прим. публикатора.

Боги рассердились на Гебу. Они не верят её рассказу. Тогда она приводит их на мост, висящий над котловиной Леты. Но раньше она даёт им отведать горьких орешков, вкус которых отнимает сострадание: не поев их, боги, по её словам, не вынесли бы зрелища.

И всё же слёзы текут по их щекам, когда они видят души, кипящие в водах Леты и в воздухе над ней. На муки идут эти вновь одетые оскорбительными животными телами души. Животные, вновь рождённые таким образом, поднимают к богам глаза, полные печали, которые, казалось, говорили:

«Поведайте, какое преступленье
Мы совершили, и за что мученье
Претерпеваем? Тоже души мы,
За что же бьёмся средь больной тюрьмы
Животной плоти? Вы же боги?» Так их взор,
Казалось, говорил. Пробившись сквозь позор
Животности к ним, братский дух молился,
И голос бормотал, вопил и торопился,
Но плотию проклятой искажён,
Пародией на речь казался он,
И жертв мольба, их скорби стон великий
В смешные превращались крики,
А горькие, надрывные рыдания
Хрипели хрюканьем или глухим ворчаньем.
О, стоголосый хор ужасных масок,
Где средь гримас карикатурных плясок
Терялся духа божеский псалом.
В отчаянье тянулся к ним кругом
Лес рук... Но рук искажено обличье
В клешни да лапы, в когти, ноги птичьи.

Боги сами видели, как две души, пленённые в голубиные тела, ворковали и ласкались, но, брошенные для опыта Гебой в Лету, скоро вернулись: одна опять голубкой, а другая ястребом. И ястреб помчался за голубкой. Взмолилась та, напоминая ему о недавней любви предыдущего существования.

Ах, ястреб должен слушаться когтей!

Боги в гнев клянут Мегеру и бросают камни в её дыру. Тогда какой-то неясный, но невыносимый и грозный призрак поднимается из Леты к ним, и они в страхе бегут.

Долго не могут они успокоиться и всё просят Гебу дать им ещё и ещё пресловутых орешков, а покончив весь запас, проглатывают даже шелуху.

Чтобы развеселить их, Геба рассказывает им забавную историю об Утисе, но и она не так уж забавна!

Пастух Утис хитро поселился со своей козой в пещере, имевшей выходы во все три мира: на небо, на землю и в ад. Таким образом он надувал саму Судьбу, переходя постоянно из области одного закона в область другого. Много хитрых издевательств учинил он над Смертью, который желал его уничтожить, и верная коза ему помогала. Однако любовь его к этому единственному близкому существу и погубила Утиса. Смерть переоделся странником и стал насмехаться над его козой и поносить её уродство. Не выдержал Утис и выскочил из своей пещеры, чтобы наказать злоязычного старика, погнался за ним и вдруг очутился в цепких дланях Смерти.

Геба

Песня 4. У Урана

Не очень развеселила богов эта повесть. Но они подошли уже к поляне, где ожидали их кони, посланные Ураном. Теперь легко было совершить остаток пути до Небесного Града. Едва могли заметить боги различные дива, мимо которых лежали их путь. От герольда они узнали, что царь небес Уран мощно объемлет все круги небес своей властью, но что в то же время он благостен, кроток и гостеприимен, что у него есть семь дочерей несравненной красоты, которые так добры ко всему сущему, что могли бы обнять даже волка. Из опасения перед этой чрезмерной добротой Уран не выпускает их из своего дворца. Только один раз в несколько тысячелетий, при каждом новом проезде богов, позволяет он им дружески отдаться веселью с путешественниками.

Но вот уже и Небесный Град, которого, однако, почти не видно в сумерках наступившего вечера.

Герольд протрубил. В ответ раздался приветливый голос Урана.

Приказ короткий царь небесный дал –
И вдруг богам навстречу загремел хорал:
То ангелы их славили, и сладко-юны
Их были голоса, и золотые струны
Кругом, как волны, звуки разливали
И дол и горы песней обнимали.
С незримой башни их труба, звеня, звала,
Гудели бархатный привет колокола.
Вдруг заблестело огненное око,
Сиянье синее отбросивши далёко –
Всё осветилось, и Небесный Град
Предстал в величии блистательных палат,
Рисуя свой узор причудливый и сложный
И пёстрых куполов и шпилей сад роскошный.
Так весело, легко, так благородно
Над зданьем здание вносилося свободно.
Ослеплены, не в силах молвить слова
Стояли боги. Хоры снова, снова
Их звали, ангелы им веяли крылом
Из окон, с крыш. В таларе золотом,

С венцом в руке, лишь сединой украшен,
Стоял Уран на высшей среди башен.
Двенадцать ангелов с поклоном ворота
Открыли, и, прекрасны, как мечта,
Предстали стогны Града... Быстро сняли
С гостей обузу пыльную сандалий,
И в бани их ведут, где ароматных вод
Плескала тёплая волна. Но вот
Пред ними царь небесный. Скрывши славу
Под туникой слуги, сложив свою державу,
Склонил колени он, и видят боги,
Что хочет царь небес больные мыть им ноги.
«Святой отец, оставь, мы из далёких стран,
И грязны ноги, и в крови от ран!
Не можем мы принять любви чрезмерной дани,
Не оскверняй твои святыя длани!»
И светлое лицо к ним поднял царь Уран:
«Чист прах усталых ног, священна кровь их ран!»

Затем он ведёт их на весёлый пир. И под звуки музыки спрашивает он гостей, не желают ли они видеть танцы его дорогих детей? С восторгом просят об этом боги.

Красавицы спускаются с лестницы.

Подобны истине, бесплотными шагами
Вступающей в сознание и очами
Ему несущей свет, вошли семь чудных дев;
И как стиха ритмический напев,
Вздымаясь плавно, мерно ниспадает,
Так каждая красавица ступает.
Приветливо кивнув кудрявой головой,
Одна с другой гирляндою живой
Сплелась... А за столом молчание могилы
Царило. И едва хватало силы
Вдохнуть, и слёзы заблестели на глазах.
«О, гости милые, вы пробудили страх
Во мне молчаньем тяжким, ухо словно слышит,
Как кто-то скорбно и стеснённо дышит.
Ужель лицо детей, их стан, как будто стройный,
Лишь отвращения вашего достойны?» –
Так говорил Уран. – «О господин! – ему
В ответ сказали боги. – Как уму

Пресветлому пришло такое заблужденье!
Вздыхаем мы, ты прав, и это лицемерье
Нам причиняет скорбь: мы носим имя – боги!
Но красота их суд творит над нами строгий.
Мы – совы! Нам лицо стыда залила краска!»
И длилась между тем божественная пляска...

После пира Уран предлагает гостям на выбор: пойти спать или остаться с ним, беседуя о мудрых вещах. Отдохнувшие боги, полные благоговения к мудрости великого царя, предпочитают последнее.

И вот чему дивятся они больше всего: несокрушимой благодати Урана, окружающему его безоблачному счастью. Очевидно, говорят они, Небо неподвластно жестокой Ананке.

И странно взгляд царя сверкнул из-под бровей,
И усмехнулся он: «Нет дома без чертей,
И нет небес, достаточно высоких,
Куда б достигнуть не могли пороки!
Когда бы злу закрыт был доступ этих стран –
Откуда был бы след всех этих тяжких ран?»
И, распахнув пурпурную порфиру,
Тот, кто небесному повелевает миру,
Пред ними грудь героя обнажил!
О, сколько ран и язв у сердца он носил!
Какой борьбы рубцы ту грудь избороздили!
И в ужасе все боги отступили...
«Друзья, не мёд один – судьба царя небес, –
Сказал Уран. – Гнетуще тяжек вес
Моей короны. Вам видна небес отрада,
Но вы не видите глубин зловонных ада,
Кипящего, как лавой, вечным бунтом
Под небом голубым, на вид столь ясным грунтом.
Чудовище по лестницам громадным
Всегда в полночь несётся вихрем смрадным,
Застать меня во сне мечтая. Медь ворот
Когтями дерзкими в неистовстве скребёт.
И взявши щит и мой тяжёлый молот,
Спускаюсь я в подвалов чёрный холод
С моим Плутоном, преданной собакой,
Всегда врагу грозящей храброй дракой...

Другое зло. Хотя я терпелив,
Но чувствую порой отчаянья прилив
Перед тяжёлою, бесславною задачей
Моею логикой направить ум телячий!
Да, глупый Минотавр, упрямый вечный бык
Рогами яму рыть у наших стен привык.
И может подкопать устой столпов вселенной.
Зачем? По глупости! Весь космос, несомненно,
Ему обрушится на толстый медный лоб,
Он под руинами себе готовит гроб...
Я объясняю. Он поймёт. Почешет спину.
Оближет губы глупая скотина.
Бессмысленно уставится. Молчит.
Потом вдруг громогласно замычит
И ну опять рогами рыть, как прежде.
И вновь толкую я рогатому невежде!»

Боги по просьбе Урана в свою очередь рассказывают ему о своём путешествии. Многие в их повествовании печалит его. Но когда он услышал о гроте «Жизнь и Смерть»,

Как бы от ветра буйного порыва
Вдруг взвилась <его> седая грива,
И из-под туч разгневанных бровей
Глаза сверкнули парой злых огней.
Испуганные боги замолчали.
Но гнев уж место уступил печали.
Велик и важен, поднялся Уран.
«Хотите ль видеть грань потусторонних стран?
Предчувствовать конец Ананке дикой?
Увидеть озеро Нирваны сероликой
С вершин скалы, рекомой Эсхатон?
И ангела, что спит под деревом Татерон?
И как в громах печатается книга,
Чтоб память сохранить о каждой скорби мига?»

Боги жаждут видеть всё это. Уран садится с ними в свой волшебный возок и мчится по подземельям неба с сверхъестественной быстротой. В одном месте они выходят, и он показывает им род необъятной печатни, где отливают вечные руны, и ими печатается в вечной книге повесть о скорбях каждого проносящегося мига. Когда-то Уран собирается предъявить её как страшный обвинительный акт против тирании Ананке.

Потом они снова несутся и выходят у ветхой дверцы, затканной седой паутиной.

И царь сказал: «Здесь царства злой судьбы граница,
Склоните же в благоговенье лица!
Поднявши голову, узрите пред собою,
Как серой стелется Нирвана пеленою».
Он отпёр дверцу. В саване тумана
Пред ними стлалась тихая Нирвана.
Без края стлалась водная пустыня,
И из обломков солнц, уже угасших ныне,
Был ближний берег. О его отлоги
Густой волной прибой плескался строгий
Тяжёлым мерным плеском. «Господин! –
Спросили боги. – За предел равнин
Спокойной серой глади взор не проникает,
Но кажется, что будто вдалеке сияет
Отсвет возможных запредельных стран?»
И им ответил так задумчивый Уран:
«Есть вера, что то стран Меон блещут отсветы.
Надежда молит веру верить в это».
Торжественно затем к богам промолвил он:
«Взойдёмте же на скалы Эсхатон.
В небытие глядит последний там порог,
Не ведавший ещё следа живущих ног.
Не ради любопытства вас зову я,
Но ради тайны тайн святого поцелуя!
У той скалы, под древом Татероном
Есть церковка. Клянусь небесным троном,
Когда б вселенная лежала справа,
А слева этой скромной церкви слава,
Я выбрал бы вторую. Будет слов!
Глядите, радуйтесь!» И он повёл богов
К скале в церковь под кипарисом чёрным.*

.....
.....

Сроки пришествия неизвестны, но оно несомненно. Боги, потрясённые этим обещанием, хотели бы остаться здесь, на скале Эсхатон с глазами, обращёнными в сторону страны Меон. Уран рассказывает им, что он миллионы лет

* В переводе отсутствует парный стих. – Прим. публикатора.

сидел уже так, вперив туда взоры, а за время этого бездельного ожидания чудовище преисподней чуть не завоевало небо, и бык Минотавр чуть не подкопал его медными рогами. «Будем ждать, но в то же время деятельно бороться со злом, насколько это в наших силах».

Боги возвращаются во дворец небесного царя. Ангел Морфей убаюкивает счастливыми сновидениями.

Уран

Песня 5. Семь прекрасных Амшаспад

Между тем ранним утром проснулись семь Амшаспад, дочерей Урана, и с нетерпением ждут пробуждения долгожданных гостей. Не так-то скоро поднимаются боги со своих постелей.

Наконец гости проснулись. Начинаются танцы и игры в саду. Потом Амшаспады ведут их на край сада.

Сад обрывался вдруг с террас стены зубчатой,
Там начинался мир лишь тучами богатый,
Где ветер носится над бездною пустой.
Примчались девы резвою толпой,
Вмиг закрутили волосы узлами,
Нагнулись, и пред изумлёнными богами
Ух! – прыгнули в воздушный океан...
О, ужас!.. Нет. Простор эфирных стран
Их подхватил. Богам смеются Амшаспады.
Видал ты в озере, средь лени и прохлады
Плывущих лебедей? Их линий очерк нежный?
Видал ли, как свершают круг прилежный
Голубки вокруг церковного креста,
Как неба голубая красота
Их белизну, блистая, выделяет?
Так хор красавиц реет и летает.
Они вошли. За кружевом узорным
Решётки на высоком ложе спал
Прекрасный ангел. Головой упал
На руку он, и локоны потоком
Разлилися. Во сне своём глубоко
Вздыхал он панциря златую чешую
На юной груди. Нет, в ином раю
Родился луч, играющий на лице,
И диадемы блеск и чудо-сердолики
На ожерелье – всё горело ярким светом,
Какого не найти, конечно, в мире этом.
И даже уст его блаженное дыханье
Давало воздуху лазурное сиянье.
Но почему краса спокойного лица
Богов-паломников схватила за сердца?!
Откуда боль и плач, с которым на колени

Они упали в трепете молений,
К нему в порыве руки простирая?
Тут чудный гость неведомого рая
Приподнял голову и в томном полусне
Запел: «Ужасный мир сегодня снится мне!
Я горе чую, слышны мне рыдания...
Утештесь, бедные, злосчастные создания, –
Настанет день и благ, и радостно велик:
Из лона времени забьёт в тот день родник
Всемирных искуплений, исцелений,
И песни счастья заменят стон молений».

Уран просит ангела Надежды рассказать великую сагу о
грядущем искуплении. В стране Меон, предвещает ангел,
когда-то взрастёт спаситель, который сожжёт царство
Ананке-необходимости великим огнём. Ангел предска-
зывает всё это с сияющим лицом.

.....
.....

И там сомкнулись чистые объятия:
«Мы сёстры вам, и вы нам ныне братья!»
И клятвы раздаются в дружбе вечной,
На досках мраморных, на белизне их млечной
Алмазом пишут вместе имена.
Потом в беседке наступила тишина...
Порою вздох... Порою поцелуй...
И всё журчат фонтанов вечных струи.
Увы! Ананке жёлтыми глазами тигра
Увидела блаженные их игры
И, полная губительной досады,
На небо мечет яростные взгляды.
Волшебной палкою ударив чёрный камень,
«Гори!» – вскричала. Вспыхнул серный пламень.
«К ногам!» – вскричала воздуху царица:
И с визгом воздух паром стал клубиться,
Потёк, сбежался в снег и соли,
Застыл и лёг у ног, её покорный воле.
Захохотала: «Все кругом покорны!
Эй, девочки, вы слишком уж проворны!»

И по ветру она пускает в сад Урана колючие и ядовитые
споры пресыщения.

Едва их крючья прочно впились в тело,
Как всё вокруг внезапно потускнело.
Сменяет дружбу скука. Счастья цвет поник.
Уж некрасив для них небесных Перий лик,
Их волосы, сияющие очи,
Их пение – переносить нет мочи!
Лишь час назад не находили слов,
Чтоб славить их, а ныне уж готов
Брат каждый от сестры, как от заразы, скрыться,
И каждый их присутствием томится.

.....

.....

Семья богов до боли смущена,
Попятилась... «Друзья, останьтесь, испытанье
Сдержали вы: открытое признание
Своих несовершенств свидетельствует нам,
Что вы поистине родня богам!
Клянитесь же повиноваться Гере,
Когда пройдёте вы гостями Олимпа двери.
Геронты скажут как, а также в день какой
В соревнованье вам вступить между собой».

.....

.....

Часть вторая

<ГЕРА-НЕВЕСТА>

Песня 1. Тоска по дому и исцеление

Наконец боги подлетают к городу Олимпу. Даже во сне не видели они ничего более красивого.

Архелай, старейшина пританов, встретил их хлебом и солью. Толпы олимпийских автовтонов сбежались, весёлые и любопытные.

Усталых богов отводят в приготовленные для них опочивальни.

Толпа вдали вопила и кричала:
То было праздника весёлого начало.
А боги, протянув усталые тела
На мягких ложах, в комнате, где мгла
Приятно обняла их, говорили:
«У цели мы! Как много пережили!
Давайте побеседуем». Но ждёт
Устало всякий, что другой начнёт.
Глаза закрылись. Сон в одно мгновенье
У духа выхватил бразды правленья.
В ночных скитаниях бредёт душа теперь,
Сон тихо приоткрыл действительности дверь:
Давно прошедшее с недавним вместе снится,
Всё исказилось, спутались границы;
И шарит кое-кто рукою сонной
Вокруг, по стенам спальни благовонной,
Чтобы узнать, что правда и что сон:
Не спит ли всё ещё в сыром Эребе он
Или на красочном Олимпе отдыхает?
Рука, пощупав, молча уверяет,
Что радость в сердце вовсе не обман,
Что красочный Олимп сменил гнилой туман.

.....
.....

Песня 2. Женихов представляют царице

.....
.....
Гера отдёргивает занавесу. Она даже не смотрит на женихов, а стоит перед ними, как статуя високомерия, устремив глаза на лес и облака над ним. Теопомп называет женихов одного за другим. Как вдруг Гера спрашивает его, что за дерзость со стороны женихов прислать к ней вместо себя прислугу. Боги гневно возроптали. Теопомп, хотя и почти-тельно, но всё же возражает царице. Подобное отношение к таким высоким женихам заставляет опасаться, как бы Гера навеки не осталась безбрачной.

Но Аполлон прервал его речь:

«Зачем, богиня, по какому праву
Порочишь в нас ты божескую славу?
Мы гости здесь твои: судьба послала нас,
И завтра наступает важный час
В соревновании решить, кому
Тебе быть мужем, Гера. Не пойму
Обид твоих. Иль всё перед тобой робело?
Я – Аполлон, и верь, что взор твой встречу смело!»
И грозно очи вскинувши на бога,
Она сказала холодно и строго:
«Насмешка вам привет, о глупые создания!
Какая дикость – жалкие старанья
У ненависти испросить любви!
Пойди в селеньях смерти жизнь лови!
Пойди искать в гнезде змеином мёда!..
Ананке страшная, пред кем дрожит природа,
Меня заставит вас со злобою терпеть
И одному из вас она даст право сметь
Меня назвать женой. Но мысль пускай отбросит,
Что он меня любить себя упросит.

.....
.....
Пришла богиня Мойра: «Мы на трон
Олимпа посадить должны царя, –
Она сказала. – Боги, страстию горя,
На поле, где пойдёт соревнованье,
Проводят ночь. От рук твоих венчанье

На одного из них имеет снизойти,
И ты должна достойного найти.
Для этого приставишь к уху спящих
Ты камень, полный шёпотов шипящих.
Их не услышит тот, кто не годится нам,
Но тот, кто внемлет тайным голосам,
Замечется во сне и закричит от муки —
Царём да будет. Жезл возьми ты в руки
И в сердце нанеси торжественный удар
И дай больных забот и злой тревоги дар.
Иди и сделай так, могучая сестра.
Спокойны мать и я: мы знаем — ты мудра».

Горгона исполняет всё. Избранным оказывается Зевс.

Не спала Гера в замке среди лесов.
Тьма — лиц полна, молчанье — голосов.
«Кто, кто из них мой наизлейший враг?
С кем я вступлю в противный сердцу брак?»
Все лица тусклы, чёрно ночи лоно,
Но, как звезда, горит лик дивный Аполлона!
И светлый взор его жжёт грудь её огнём!
«С презрением я думаю о нём, —
Она сказала, — это франт смазливый,
Самоуверенный, нахальный, похотливый».
И факелы зажгла, чтоб осветить покой
И светом свет затмить и обрести покой.
И красным заревом вся спальня запылала:
На фоне пурпурном видение предстало.
«Всё погасить!» Вновь царство чёрной ночи:
Плывут пред ней сияющие очи!
«А! Это слишком!» Лютню взяв, она
Играет песню. Не звучит струна,
Как надо: кажется, как будто бы украдкой
Рука чужая ей сжимает пальцы сладко.
«Засну. Во сне забуду я уроды!»
Но и на ложе нету ей исхода,
В постель идёт с ней призрак — Аполлон.
И стал из всех богов ей ненавистней он:
Вскочила и вскричала в испуг: «Вот оно!»
«Ты рано рад, Аполл! Ты полон самомнения.
Сияй! Я знаю: демон твой силён,

Я знаю: ты прекрасен, Аполлон,
Но я клянусь – твоею я не буду,
Скорей с козлом предамся злomu блуду,
Скорей кентавру стану кобылицей –
Всё лучше мне, чем ты!» Вся трепеща, царица
На ложе бросилась... Спустился тихий сон.
И засиял пред ней вновь дивный Аполлон.

Гера

Песня 3. Первое соревнование: гимны и сказания

В торжественных шумных шествиях отправились с утра
толпы олимпийских автохтонов на поле Аргон.

Особенно прекрасно было шествие амазонок.

Что вдруг заставило толпу тесниться?

Каким видением все жаждут насладиться?

От дома к дому, на колоннах, стенах

Оружья отблеск засиял и красок смена:

То амазонки на конях могучих

На поле едут. Не увидишь лучших

Наездниц, как срослись они с конями,

Глядят на толпы гордыми очами:

Они здесь госпожи! И где их вереница –

Недалеко должна быть и царица.

Уж рукоплещут все, ладоней не жалея,

Княгине Промехос и властной Ификлее.

Всё ближе центр процессий. Зычный зов

Трубы уж возвестил о нём. Но вот цветов,

Благоухая, льёт живое море:

Пьют ноздри аромат, и краски ловят взоры –

То чистые партении, юницы,

Залог грядущего! Как нежны эти лица,

Как стройны девочки, как свежи, тонки

Подобные цветам подростки-амазонки!

И вдруг весь шум погас. Все пали на колени

В немом, восторженном всеобщем упоенье.

В живых павлинах тонет колесница,

И средь павлинов – грозная царица.

К ногам её, зардевшись, в нежной ласке

Прижались две сестры, прекрасные, как сказки.

Шесть белых лошадей влекли их, восемь пар

Герольдов впереди несли огромный шар

На плате парчевом, знак власти золотого

Поверхностью своей, но также пустотою.

И стоном поднялись восторженные крики:

«Помилуй нас! В знак милости великой

Ты руки подыми!» И выждав краткий миг,

Чтоб рос ещё молитвенный их крик,

Когда в безумии метались звуки,

Лилейные подняла Гера руки
И улыбнулась... И народ сошёл с ума:
«О, славься, Гера! Здесь она, сама!
Сама царица! Гибель супостатам!
Бей, жги, великая, рази булатом,
Веди, веди, скажи, где враг? Мы ждём!
Лишь укажи его – зубами загрызём!»

После ряда церемоний Архелай и Темиург объявляют соревнование открытым. Первая проба будет заключаться в рассказе мудрых саг или пении гимнов. Трое из богов вызываются: Аполлон, Гермес и Зевс. Жребий указывает на Аполлона как первого.

И выступил Аполл, и все сердца привлёк.
Но кто предшествует ему? Кого облёк
Таинственным сияньем свет, скрывая
Его от взоров всех? Лишь Гера, взгляд вонзая,
Узрела Демона Победы ясный лик.
«А, вот ты! – говорит. – Аполл, могуч, велик
Твой демон, одаряющий тебя победой,
Но ты не победишь!» А судьи, важны, седы,
Взирали на Аполла. Встав тогда,
Промолвил Темиург, старейшина суда:
«Не хочешь ли, Аполл, чтоб пред твоим сказаньем
Мы вещей струн священным рокотаньем
И песней дали духу твоему отраду?»
Ответил он: «Мне музыки клюки не надо,
Я зрением силён, мой вдохновитель свет,
Источник саг моих – в синеющем эфире,
Объемлющем всё сущее в сём мире».
И взоры устремив туда, где без предела
Пространство синева эфирная одела,
«С высот неведомый вам демон ниспослал
Мне эту сагу», – он торжественно сказал.
«Жила-была безмолвная пастушка –
Психея именем и разумом простушка,
Но телом милая и чистая душой.
Там тихо стлалось, пеленой большой
Сверкая, озеро. И из лесов душистых
Психея каждый день приходит в водах чистых
Искать кого-то. Пальчиком грозит:

“Что кажешь мне? Лишь горы да зенит?
О, покажи мне сына короля!
О, Космос юный, пред тобою я
Молчу, но громко, громко сердце бьётся”.
И образ Космоса в волнах тут разольётся.
Она ему цветы бросает, поцелуи,
До вечера стоит, то пред ним танцуя,
То украшая волосы венком.
Вот сглажен лик вечерним ветерком,
И в лес идёт наивная Психея
И в сердце говорит: “Ах, счастьем я владею!”
Но зимним утром раз предстало отраженье
Совсем иным. Страдания выраженье
Ему кривило рот, исчез румянец щёк,
И взор печален был, и мутен, и далёк.
Схватила посох тотчас же девица
И в путь пошла, ища, где Космоса столица.
Пришла к дворцу и слугам жестами сказала:
“Не плачьте, вырву я недуга злого жало!”
Царю с презреньем делают доклад:
“Пришла девица, весь её наряд
Пастушеский, лица её краса
Свежа, то правда, как зари роса,
Но немощен язык, едва она бормочет,
Но сына твоего лечить как будто хочет”.
И свесив голову, идёт к дверям король,
Ах, говорить ему мешает сердца боль.
Едва он вымолвил: “Спасибо, дорогая,
Но здесь бессильна мудрость вся земная,
Бессилен скипетр мой и ум моих врачей,
Что ж обещаешь ты огнём твоих очей?
Ах, сыну страшное проклятье кости гложет.
Оракул мне открыл, как он воспрянуть может.
Он должен искупаться в ванне, полной
Водой Лизон. Где ж вод тех чудных волны?
Увы, нет волн таких. Вода Лизон сочится
Средь дома смерти. Год миров свершится,
И канет капелька одна. Но чтоб добыть
Ту каплю, надо мучеником быть:
Даётся лишь за тысячи мучений

Та капля – талисман отрадных исцелений.
С напёрсток набежит воды Лизон в Эоны.
Вот бытия жестокие законы!
Ах, не наполнит ванны никогда
Спасительная дивная вода”.
Психея улыбнулась и кивнула:
“Он <не> пойдёт туда”. И на царя взглянула,
Сияя, знаком просит, чтоб теперь
Открыть пред ней больного князя дверь.
На солнце, прислонясь к решётке сада,
Больной сидел, страдальческого взгляда
Не отводя от неба. Как немолод,
Как утомлён он был! “Здесь холод, холод...” –
Шептал он в лихорадке и скрывал
Худые ноги в складках одеял.
И мантию свою набросил царь на сына –
Тяжёлую, как риза исполина:
На ней сияли солнце и луна
И слава звёзд. И пурпура волна,
Блистая золотом, всё тело покрывала.
Но из-под звёзд и солнц златого покрывала
Смотрело грустное лицо, как среди бала –
Мысль о кончине. Но когда упала
К ногам его Психея, и уста
Её руки его коснулись, теплота
Разлилась в теле: мученик усталый
Вдруг улыбнулся ей улыбкою бывалой.
“Так это ты, чтоб исцелить чужого,
Идти в далёкие края готова?
Ты к смерти спустишься в ужасные селенья
И муками мне купишь исцеленье? –
Так тихо царский сын, склоняясь над ней, шептал. –
Чем награжу тебя? Чего бы я не дал!”
Но ясно говорят немой Психеи взгляды:
“Люблю тебя – любви не надобно награды”.
И взяв светильник, чтоб во тьме сияло
Сияние надежды, и напёрсток малый
Для капельки, которую ценою мук
Она достанет, в чёрной ночи круг
Вратами смерти девушка вступила...

И ждут, чтоб лампа вновь во мраке засветила
И чтоб вернулась вновь с чудесною водой
Психея, тихою сияя красотой
Страдания, за все свои мученья
Желая лишь улыбки облегченья
Больного Космоса... Когда же миг желанный
Придёт, вода Лизон наполнит мрамор ванны,
И Космоса болезнь чудесно исцелится,
И радость после мук над миром воцарится!» –
Так кончил Аполлон. И отзвук долго был
Его последних слов, и эхо их ловил
Слух каждого. Лишь Гера не внимала:
Пока та сага горькая звучала,
Вертелась всё, ждала скорей конца,
Зевала, и с прекрасного лица
Гримасы не снимала скуки серой.
Он кончил, нос наморщив, молвит Гера:
«Фу, сказка детская, претензия видна,
Но сага всё ж пуста, а пустота скучна». –
«Гермеса очередь теперь!» Тогда вперёд
Гермес выходит лёгким шагом. Весь народ
Им восхищён, все говорят: «Фигурой, взглядом
Он с Аполлоном встать вполне достоин рядом!»
А Темиург спросил: «Отвергнешь ли и ты
Поддержку музыки, звучащей красоты?» –
«Дух мой витает в дали необъятной:
Сопутствие тонов ему всегда приятно,
Когда струна звучит, внезапно дно души
Дарит порой родник, рокошующий в тиши».
Фиалковидных лир раздались перезвоны:
Двенадцать юношей, артисты-автохтоны,
Приблизилась, и звуки были милы,
Как ветерок в ветвях, как будто говорили
Тихонько девушки. Их голос отзвучал,
Настала тишина. Гермес пред Герой встал
И, осенив торжественно главу,
Сказал: «Внимайте! Грёжу наяву...
К вам истина приблизиться готова:
Блажен, кто верует в моё святое слово».

Гермес поёт о стране Элизион, похожей на землю, но утешающей отправляющиеся туда после смерти души земных людей от скорбей земных. Когда они попадают туда, всё кажется им вокруг обыкновенным и привычным. Но вот то та, то другая душа останавливается в изумлении. Всякая из них рано или поздно в каком-нибудь уголке Элизиона находит местность, совершенно напоминающую ей покинутую родину. И как только находит душа такой уголок, охватывает её тоска по былому, и, несмотря на предостережения остальных, она возвращается на землю ко всем её скорбям.

Тихая таинственная песня Гермеса погружает всех в сладкое и глубокое раздумье.

И милостиво смотрит Гера на Гермеса:

«О, песня полная серьёзности и веса.

Ты сердце тронул мне, задумчивый певец.

Будь я судьёй, тебе б я отдала венец.

Пока же – вот залог!» – рукою белоснежной

Гермесу руку жмёт она с улыбкой нежной.

«О, благородный Зевс! – сказал тогда глашатай. –

Тебя мы ждём!» И вся толпа объята

Тревожным любопытством, бога ждёт.

И вдруг отпрянула. И Зевс идёт

В молчании: умолкли сразу клики.

Понутив голову и ростом невеликий,

Идёт невзрачный Зевс, чей лоб одела мгла,

Походкой неуклюжего орла.

И всякий чует в нём какое-то начало,

Которое к нему враждебность порождало.

Тысячегласый ропот был привет

Зевесу. А в глазах у Геры свет

Блеснул недобрый, закусила губу

И Теопомпу вдруг она сказала грубо:

«Ты, кажется, совсем забыл о чести?

Кого привёл ты к царственной невесте?

Что за обман? Терпенью есть предел:

Зачем мужик пред нами стать посмел?»

Но встал среди судей спокойный Гермениевс:

«Вещай, – сказал, – и не смущайся, Зевс!

Толпа глупа и поступает скверно,

Но верь суду, который судит верно». –

«Я расскажу мой королевский сон, –
Сказал Зевес. – Не думаю, чтоб он
Понравился... Мне снилось, все мы, боги,
Стояли там, внизу большой дороги,
Идущей в гору. На горе была царица.
К ней надо было всем богам стремиться,
Катя с собою вверх большие глыбы воли
Руками слабыми. Я и не знал дотоле,
Какие воли жалкие у всех,
Из глины и стекла слеплённые наспех.
И рассердился я! Гнев нужен мне в боренье!
Удар! – и я разбил, исполненный презренья,
В осколки воли всех соперников моих.
И мой железный шар я кинул: он достиг
Желанной цели. Мойра подхлестнула
Его ещё в полёте. Сон тот развернула
Ананке предо мной и мне дала совет
Его здесь рассказать – пусть злится целый свет!»
Умолкнул Зевс. Но хуже порицанья
Объемлет холод злобного молчанья.
Герольд сказал: «Что ж ты умолкнул, бог?
Не может быть, чтоб ничего не мог
Прибавить ты? Но если всё сказал,
Зачем пред троном ты недвижим стал?» –
«Я жду, чтоб Мойра молвила, незрима,
Царице Гере бога Зевса имя.
Чтоб просветила Мойра судей ум.
Другие песни, речи – праздный шум,
Где Зевс сказал. Смешно соревнованье:
Над головой моей луча судьбы блистанье.
Скажи же, Гера, мне: гряди скорей, супруг,
И царствуй, господин, среди покорных слуг!»
Но сжавши кулаки, поднялась Гера с трона:
«Мужик ты видом и мужик душой! Корона
Тебе пристала столько ж, как рабу.
Не знак судьбы, а шрам блестит во лбу:
Знак дерзости и низменной породы.
Вот я бросаю деньги для урода!
Возьми! Иди и звякай кошельком
И обойди весь мой дворец кругом:
Пусть, золотом прельстясь, последняя прислуга,
Закрыв глаза, на миг тебя возьмёт за друга,

За плату поцелует! Ну, тогда
Приди опять ты женихом сюда!»
Зевс побледнел: «Я странником, как каждый,
Пришёл сюда, судьбой влекомый. Жажды
Владыкой стать я в сердце не имел,
И бога скромного мне сладок был удел.
Но пало на меня седой судьбы избранье,
И лёг мне на чело знак моего призванья,
И верою в себя исполнился я весь:
Печален, горд, велик отныне стал Зевес.
Как ты жалка, о дева, предо мною:
Я оценил тебя совсем не той ценою,
Я сделал честь тебе и допустил,
Что рок тебе во мне властителя открыл.
Какая глупость! Будь богиня, будь царица,
Всё ж дева, в сущности, лишь глупая девица!
Ты думаешь, любви твоей хочу я?
Я рад, и в страстной ненависти чую,
Что я не кто-нибудь. Но ты посмела
Меня ругать. К служанкам мне велела
Идти! За это примешь кару.
Внимай: опомнившись от злобного угара,
Ты пожалеешь горько: поздно будет –
Зевес тебе обиды не забудет.
Я, я тебя отвергну и женой
Возьму тебя лишь в день, когда передо мной
Униженно предстанешь ты с мольбою
Угодливой и льстивою рабою,
И возле ложа станешь на колени,
И будешь ждать Зевесовых велений!»

Толпа взметнулась шквалом и пожаром от такого оскорбления повелительнице. На этот раз Архелай хвалит толпу. Он лишает Зевса права на дальнейшее соревнование и объявляет его изгнанником. Зевса уводят. Толпа с презреньем расступается перед ним, чтобы не прикоснуться к преступнику. Судьи же по долгом совещании решили признать Аполлона и Гермеса равными в этом споре. Блистательный праздник закончил день.

Меж тем Зевес бродил один в лесах и горах
С тревогою в душе и злобою во взорах,
И на вершине голой он упал.

«О Мойра! О Ананке! Что мне дал
Ваш приговор? Увы мне! Гневом ослеплённый,
Я говорил пред Герой озлоблённой
Слова, которые не взвешивал я сам.
Но сказаны они, и вот велик мой срам!
О Мойра, о тебе гласят сказанья,
Что утешаешь ты обиженных рыдания,
Что павших поднимаешь ты из пыли,
Что сильные тобой разбиты были
И повергались в унижение: сделай,
Чтоб предо мной склонилась шеей белой
Гордячка Гера. Ночью пусть у ложа станет,
Склонясь, и руки мне с мольбой пускай протянет!» –
Так, мукою снедаем, он молил.
И вестник ту мольбу пред Мойрою сложил,
И, бросив взор на просьбу, огневой
Кивнула Мойра страшной головой.

.....

Гермес

Песня 4. Второе соревнование: бег

На другое утро назначено было соревнование в беге. Этому испытанию вызвались подвергнуться Эрос, Аполлон и Гермес. Когда они сбросили с себя одежды, все были ослеплены стройностью их молодых тел. Гера же обратила внимание только на Эроса.

– Я нежной красоты такой никак не ждала, –
Любуясь им, она любимицам сказала. –
Он мягок станом, бороды лишён,
И, право же, совсем не гадок он.
Уж если кто взойдёт со мной на ложе,
То лучше он, на девочку похожий.

Знак дан, и бег начался.

Сначала соперников сопровождала целая толпа, которая рассеялась, однако, как только дорога начала подыматься в гору. Но богов не оставляют их подружки-богини. Артемида, Афродита и Паллада стараются поддержать дух бегущих.

Гермесу кажется цель Паллада меж горами,
Взывая громким кличем и очами.
И впереди Аполла Артемида
В молчанье, строгого не покидая вида,
Ему порой бросает дружбы взор.
А Афродита и Эрос, с тех пор
Как бег начался, обнялись, прижались
И парочкой, щека с щекою, мчались,
Улыбками меняются и рады,
Что тел своих им различать не надо.

Между тем Гера волнуется. Ей во что бы то ни стало хочется, чтобы победа досталась Эросу. С ласками и милостивыми речами она отправляет свою подругу Родоссу взять быстрого, как ветер, белого коня у амазонки Промакос, догнать богов, показать Эросу меж кустами своё небесное лицо, отвлечь его от Афродиты и увлечь за собою. Захваченный новой страстью, Эрос погонится за конём и победит.

Так и делает красавица Родосса.

Прямым путём к пути богов примчалась
И в чашу тёмную она с конём забралась.
Вот слышно Афродиты воркованье.
Раздвинув ветви, хитрое создание
Средь зелени цветкоподобный рот
Эросу кажет. Обезумел тот,
Отбросил прочь он руку Афродиты,
Бежит к Родоссе с криком: «Погоди ты,
Останови коня!» И молит он, и просит.
Её же конь всё далее уносит.
На миг приблизиться ему даёт она
И вновь пришпорит белого коня.
«О, горе мне! – вскричал Эрос. – О, пытка злая!
Иль не живёт в тебе душа живая?
Иль камень у тебя в груди?» – «О нет,
Я добрая, – она ему в ответ. –
Мне жаль тебя, моё сердечко стонет.
И всё же знай – ничто меня не тронет:
Любви царицы Геры я верна
И делаю, что мне велит она».
«Один лишь поцелуй! – Эрос, рыдая, молит. –
Что Гере он? А мне он вновь ожить позволит!» –
«Молчи, о лживый мальчик. Ты хитёр!
Я знаю, ты нарушишь договор
И после первой ласки с новой силой
Запросишь, чтоб тебе во всём я уступила.
Коль мучит вид мой, то закрой глаза. Дорогой
Спешి ты к цели. Надо быть мне строгой!» –
«Так я умру! Клянусь, что с места не сойду!»
И пал на землю он в томительном бреду,
И слёзы хлынули. «О мальчик безрассудный! –
Она кричит. – В час испытанья трудный
Не время здесь лежать: Гермес, Аполл, гляди –
Бегут опять далёко впереди!
А трон, царица? Ты ведь проиграешь!» –
«Что говоришь ты, что напоминаешь?
Какой там трон, какая там царица:
Твоей любовью я хочу упиться,
Жить без тебя нельзя!» – «Ах, горе мне с тобой!
Смотри же: чистый поцелуй один! Иной

Просить не станешь ласки?» Он поклялся.
Едва лишь чистый поцелуй раздался,
Как окончательно Эрос сошёл с ума.
«О милая, скажи ты мне сама,
Не злейшая ль насмешка надо мной,
Чтоб в миг, когда я к чаше золотой
Блаженства только что, весь трепеща, прильнул,
Я чашу эту вдруг зачем-то оттолкнул?
И можно ль быть такой мучительно жестокой,
Чтобы голодного порадовавши око
Красою блюд и дав ему вдохнуть
Их аромат, вдруг после оттолкнуть
И пищу выхватить из этих жадных рук?
И тигр таких не выдумал бы мук!
Пока не знал я уст Родоссы поцелуя,
Мог жить ещё. Теперь, наверное, умру я,
Желанием томим!» И вдруг он ловит ножку:
«Не отпущу теперь, не отпущу я крошку!»
И молит вновь, пока, любовью больна,
К нему на грудь с коня не бросилась она
В слезах: «Глупец, ужель рассудок здравый
Тебе позволил променять всю славу
Царицы Геры на меня – рабыню?
И променять Олимп навеки на пустыню?
Чем, бедная, я возмещу потерю?
Сердечною любовью? Я не верю,
Что долго будешь ты её ценить высоко.
Раскаешься? Проклянешь хитрость рока?
Иль будешь верен мне?» – «Молчи, – ответил он. –
Не называй безумьем счастья сон.
Тобой любимым быть, тебя любить, и вечно –
Да это лучше всех Олимпов бесконечно!
Иль неба синева наскучить может нам?
Иди, иди: тебе всего себя отдам!» –
«О стыд! Изменница! Как сердцу тяжело, тяжело!»
И тут к груди его прильнула вся бедняжка...
Над головою их благоухал жасмин...
И белый конь траву щипал, пасясь один.

Гера ждёт победителем Эроса, но вместо него является Аполлон, на этот раз, хотя и ненамного, но всё же опередивший Гермеса.

Аполл победный, благодарный взгляд
На Артемиду бросив, отступил назад,
Чтоб пот с чела омыть, дыханье успокоить.
И Артемида с ним пошла, дабы удвоить
Победы торжество усладою чудесной
Священной дружбы, и обнялись тесно,
В глаза друг другу смотрят и без слов
Меняются зарёй ещё неясных снов.

А Эроса всё нет. Наконец Афродита возвращается одна. С насмешкой рассказывает она о приключении. Гера называет её бесстыдной лгуньей. Но в ответ получает колючие слова, сказанные самым кротким голосом, и неопровержимые доказательства. Убедившись в измене, Гера в бешенстве собирает всех амазонок и среди грома оружия удаляется в свой замок.

Архелай объявляет Эроса выбывшим из числа конкурентов, а Аполлона победителем во втором соревновании. День вновь заканчивается праздником, но многие в тревоге по поводу гнева Геры.

А Гера не спит и мечется на постели. Родопя старается её утешить: «Что ты не находишь себе покоя, царица?» Гера отвечает:

«Я всё мечусь: куда ни кину взор,
Измену вижу я и вижу мой позор.
Смотрю на потолок, и там всё те ж картины!
И нет спасения от злой моей кручины.
Я вижу Акролимп и пурпурные розы,
Где счастливы изменники, сквозь слёзы.
Я повернусь в стене и вижу кровь и кровь:
Родосу вижу я, которая любовь
Мою позорно предала, змею
Коварно-ядовитую мою.
И вижу я её, гвоздями пригвождённой
К кресту страдания, и голос потаённый
Всё шепчет мне: “Отмсти! Её страданий крик
Целебного бальзама для тебя родник!” –
Так всё шипит, жужжит мне этот голос тонкий...

Родопы, добрая, быть может, песнью звонкой
Прогонишь ты его? Настрой скорее струны,
Утешь страстей бушующих буруны».
И вот под арфы тихострунный ропот
Запела песнь свою прекрасная Родопы.
Родосса бедная, узнав о казни страшной,
О том, что пригвоздят её к кресту под башней,
Своею жалобой из дальних гор зовёт
Любимого. И прибежал Эрот,
И слёзы их слились. Раскаяньем томимый,
Прекрасные глаза поднял Эрот к любимой:
«О, горе мне! О, муки дорогого тела!
Вина моя! Моё то было дело!
Тебя принудил я к измене, ты верна
Была царице. О, как ты должна
Меня глубоко ненавидеть!» – «Милый,
Не говори ты так... Страдать найду я силы... –
Родоса отвечает. – Мальчик мой, Эрос,
Не множь моих страданий ты и слёз!
Я об одном молю: оставь меня скорее...
Я вся в крови, и ты, меня жалея,
Увидя безобразье муки ран
И мой истерзанный кровотокающий стан,
Быть может, сквозь любовь почувствуешь невольню
Гадливость. О! вот это было б больно!
Уйди ж, чтоб в памяти осталась я с тобой
Весёлою, красивой, молодой...» –
«Нет! – он ответил. – Смерть крылом уж веет
Над милою. Кто приказать посмеет
Оставить мне её? Знай: кровь твоя и раны
Прекрасней, чем небес златолазурных страны.
С тобою плачу я, с тобой хочу страдать...
Я не уйду! Когда ты станешь умирать,
Я твой привет прощальный умиленно
Приму, к ноге твоей окровавленной
Прижму уста, в лицо твоё взгляну
И смерть твою всем сердцем прокляну!»
Так говоря, они друг друга утешали
И в чаше смерти слёз любви вино вкушали.
И не могло б супружеское ложе
Друг друга сделать им желанней и дороже,
Чем крест страдания. Но вот последний час,

Прекрасных глаз огонь теперь навек угас...
Вдруг воздух зашумел. С креста, зловещ и чёрен,
Поднялся вдруг ширококрылый ворон
И полетел к дворцу. Над крышей и у окон
Парит, танцует, каркает, как рок, он,
И воздух карканье пронизывает ядом,
И угли очага мерцают мрачным взглядом,
И всё парит и проклиная птица,
И мечется тревожная царица,
Ни днём, ни ночью нету ей покоя.
Закрывши уши, чтобы пенье злое
Не слышать, бродит с погребов на башни,
И дни безрадостны её, и ночи страшны.
«Зачем я совершила это преступление?
Зачем поддалось сердце исступленью?
Я думала их разлучить, и вот
Навеки связаны Родосса и Эрот!
И смерть её не принесла мне мира,
Я чувствую веянье раскаянья вампира».
Умолкла сладкогласая певица.
Нема, перед собой глядит во тьму царица.
И с удивлением Родопа говорит:
«Что ж Гера мощная таинственно молчит?
Зачем на потолок глядят упорно очи?
О чём ты думаешь, царица, среди ночи?»
Ответила её Гера: «В потолок
Смотрю я не напрасно, мой дружок.
Я вижу там ужасную картину,
Я вижу белую твою, Родопа, спину,
И вижу я, как бич нещадно хлещет,
Как тело под ударами трепещет!
Ты пела, чтоб сестру свою спасти, –
Мне песня не понравилась, прости.
Молчу я из любви к тебе. Недаром
Досталась бы мне казнь. Ах, с каждым я ударом
Бича по нежной, дорогой спине
Вся содрогаюсь. Это тяжело мне.
О, прогони докучное виденье.
Я вновь хочу твоё услышать пенье».
Вздохнула Гера. И под струнный ропот
Опять поёт ей верная Родопа.
«Ко мне моя царица держит речь,

Владычица земли и чести, грозный меч
Над миром протянувшая, которой
Принадлежу я вся на счастье и на горе!
Ко мне моя царица держит речь
И говорит: бичом хочу я сечь
Кого-нибудь, чтоб сердце облегчилось!
Я отвечаю: бей! Чтоб кровию сочилося
Родопы тело, стоном и мольбами
Не докучу тебе, с зажатыми устами,
С улыбкой всё перенесу, что твой
Прикажет голос властный и святой!
И верь – удар бича не заглушит сознания,
Что это мимолетное страданье
Тебя, царица милая, быть может,
Избавит от тоски, что сердце больно гложет».
И кончила Родопа. И с рыданьем
В объятья кинулась ей Гера: «Состраданья!
О, состраданья мне! – так плакала она. –
Ужель и ты не будешь мне верна?
Изменишь? Пусть! Теперь приходи, лаская.
Забыть, забыть хочу! Титанов сила злая,
И эти бороны, и их соревонованье:
Пусть сгинет всё – одно моё желанье!»

И до утра пирует Гера с любимой подругой, нежно угощая её нектаром, плодами, поцелуями. Сияет чертог всю ночь.

Эрос

Аполлон

Песня 5. Третье соревнование: гонки колесниц

Но вот звезда на небе дальнем
Последняя, дрожа лучом прощальным,
Как бы стыдясь, сокрыла ясный лик,
И бледный день в шатёр небес проник.
Усталые от ласк, пресыщены сладостями,
Родопы с Герою лежат, объаты снами.

На другой день Гера не явилась на соревнования. Страшно потрясён был этим старейшина суда Темиург, и злые предчувствия зашевелились в его сердце. Толпа тоже огорчена и взволнована. Тогда Паллада сказала Артемиде: «Зачем остаёмся мы, богини, в толкотне. Отчего бы не занять нам места на троне, которым на этот раз пренебрегла Гера?»

Тотчас же присоединилась к ним и Афродита. Но едва вступили они на ковёр лестницы, ведущей к престолу, как амазонки преградили им путь копьями. Началась перебранка. Уже Артемиды обменялась несколькими ударами с Ификлеей. Афродита же бойко работала своим колючим язычком. Княгиня амазонок Промахос назвала её «блудливой зайчихой» и пригрозила публично высечь её, как девчонку. Громкий смех амазонок покрыл ту угрозу. И страшная злоба против них запала отныне в душу богиням. Паллада ударила Промахос по рту, но сама была брошена на землю.

Тут герольды Архелая вмешались и кое-как прекратили скандал. Богинь поместили на балкон пританов. Отсюда они видны были всей толпе и произвели на неё большое впечатление. Особенно Афродита. Она так очаровала народ своей яркой и чувственной прелестью, что её хотят даже выбрать царицей праздника на этот день. Но внезапно раздаётся клич: «Царица!» Геру встречают сумрачным молчанием. Она грозно насупливает чёрные брови и тотчас же велит пританам удалить богинь с высокого места, грозя в противном случае сделать это силою оружия своих амазонок. Все ждут ужасных последствий. Но умная Паллада предпочитает уступить на этот раз.

И когда богини спускаются при злорадном торжестве амазонок, Гера обращается к Афродите с такой речью:

«Так на позор тебе и миру в поученье
Наказано да будет самомненье!
Как Афродита с взорами блудницы
Решилась посягнуть на трон самой царицы?»
И как змея подьется сердито,
Когда наступят ей на хвост, так Афродита
Ответила: «О ты, злой гордостью в очах
Внушающая не любовь – лишь страх,
Осмелся-ка со мной красой сравниться:
Посмотрим, кто по красоте царица?
Я предлагаю: где-нибудь в лесу иль храме
Перед двумя-тремя седыми стариками,
Почтенными, пред женщинами даже,
Да что там! – перед мужиком любим – покажем
Мы тело наше, гибкость сочленений
Без всяких риз, без всяких украшений,
И судьям не назвав себя. И пусть потом
Герольды протрубят и возвестят о том,
Кто победил. Решись на испытанье!
А! ты молчишь, надменное созданье!
О, ты скромна, чиста, стыдлива!
Смешно! Твои предлоги явно лживы:
Охотно под предлогом чистоты
Скрывают девушки пороки наготы.
О тайных прелестях твоих идут догадки,
А тайна в том, что сложена ты гадко,
И пышность царственных твоих одежд
Скрывает шрамы лишь от славящих невежд!
Дух скромности тебе в излишестве дарован,
Но будет твой супруг весьма разочарован».
Но Гера слушала спокойно эту брань.
Закрыла очи, шевельнулась длань,
И соскользнуло вдруг златое одеянье:
И плечи, шея в ослепительном сиянье
Предстали, мраморно округлы, величавы
И матовы, как жемчуг, – полны славы!
И там, где девы ожерелием блеснуть
Так любят, там, где шея переходит в грудь,
Был виден знак таинственный, венец,
Что возложил сам Генезис-Творец:

Три ряда звёзд, как цепь, вились по телу,
Слепительно чисты и белоснежно белы,
На серебро, на бархат не похожи,
Из света сотканы, горят над нежной кожей,
Как аромат парит над чашами цветов:
Таков был дивный знак владычицы богов.

Народ молитвенно склонился и славил дивную.

Афродита куда-то скрылась.

В этот день должно было произойти соревнование в беге на колесницах. Надменный Посейдон вызвался состязаться всё с тем же Аполлоном. Тяжёлая дорога была назначена им судьями.

Отправившись на своих четвёрках, соревнующиеся некоторое время ехали рядом. Бурный, переполненный силами Посейдон расхвастался и уверял Аполлона в дружбе, предлагая ему в то же время без спора отдать столь явно бесспорное первенство ему – великому Посейдону. Но Аполлон отвечал с улыбкой: «Посмотрим!»

Посейдон понёсся, как бешеный. Аполлон же не терял светлого рассудка.

Гера, боясь, чтобы Аполлон вновь не победил, посылает на дорогу его колесницы Родопу с серебряным зеркальцем, чтобы бросить им луч солнца в глаза коням Аполлона, испугать их и заставить понести.

Родопы выбрала местечко, серый камень,
Куда луч солнца падал, словно пламень,
И стала волосы свои чесать
Перед зеркалом и колесницы ждать.
Вот близится Аполл: чело его победно,
И кони веселы, и колесницы медной
Звучат колёса. Тут Родопы мигом
Ему навстречу с пляскою и криком:
«Победа, Аполлон! Тебе подобных нет!»
И больно лошадям в глаза бросает свет.
И кони в сторону шарахнулись в смятенье,
И рыжий говорит в большом недоуменье:
«Что там за свет? Эй, брат, что там за зверь?»
И можно ль смело путь нам продолжать теперь?»
И белый отвечал: «Хозяин наш умён,
Мы станем поступать, как нам прикажет он».

Встал с колесницы дивный бог Аполл,
Взял под уздцы коней и впереди пошёл.
Двенадцатью шагами дальше в колесницу
Вскочил и посмотрел с презреньем на девуцу:
«О, с личиком святым губительная змейка,
Не доросла ещё ты, юная злодейка,
До ловкости, чтоб зеркальцем сгубить
Аполла! Он сумеет победить!»
Покрылась дева краскою стыда,
Бросает зеркало скорее: «Никогда
Я зеркала в руках и не держала...», —
Она ему с поспешностью сказала.
Но он далёк. Присела тут бедняжка,
Заплакала и завздыхала тяжко.

А зеркальце упало возле нижней дороги, по которой
стремительно мчался Посейдон, испугало его коней и погу-
било его колесницу. Она несётся теперь неведомо как и куда.

Родопя, девочка, о милое создание,
Оставь, оставь ты неутешные рыдания.
О чём ты думаешь, забывши целый мир
У края пропасти? Далёк он, твой кумир...
О, ты хотела бы бежать за ним повсюду,
Молясь ему, пресветлому, как чуду,
И преданно смотреть ему в глаза и так
Улыбку вымолвить — прощенья сладкий знак...
Остановись, куда? Родопя, слышишь: кони
Гремят копытами, несётся в страшном звоне
Другая колесница!.. Узок путь,
Родопя, что ты? Осторожна будь!
В ручей уж лучше бросься! Нет, бежит всё прямо!
Ах, страха слепота бессмысленно упряма!
Настигнута! Ужасные копыта
Испуганных коней разят: она разбита!
Привстала, за узду хватает, нету сил;
И даже смерти крик не огласил
Окрестных скал: перехватив дыханье,
Страх был сильнее самого страданья.

Аполлон вновь победил. Посейдон, весь разбитый и за-
бинтованный, принимает его победу довольно равнодушно.

«Эй, руку, брат! – сказал больной герой. –
И поцелуй меня. Бывает так порой,
Что случай даст слабейшему победу.
Заметь, не ехал я ни по какому следу,
Моя натура вольная искала
Пути тяжёлого – чрез пропасти, сквозь скалы!»
Аполл с улыбкой молвил: «Это так.
Благодарю тебя за верной дружбы знак.
Чужих побед всегда поддельно злато,
Но не вертись: ведь ты кругом в заплатах!»

Совет богов Олимпа

Песня 6. Четвёртое соревнование: сновидения и пророчества

Неутешная Гера торжественно сожгла на костре тело своей любимицы Родопы. После обряда царица вонзила рядом с дорогим прахом свой кинжал в обет мести. В диком гневе она затевает вместе с княгиней амазонок Промехос заговор. Ведь справились же они со «старым волком» – самим Кроносом? Они решаются изгнать пришельцев, истребив предварительно пританов и геронтов и подчинив Олимп неограниченному единовластию царицы. В ознаменование грядущей победы амазонки с издевательствами сжигают чучело мужчины.

Крайне был смущён на другой день Архелай, когда увидел, в каком воинственном настроении и насколько вооружёнными явились амазонки, окружая свою повелительницу.

Герменевс дрожащим голосом, предвидя страшные бедствия, вызывает желающих состязаться в сногдании. Один только Аполлон откликнулся. Герменевс предлагает кому-нибудь рассказать свой сон. Никто не решается. Тогда за это дело берётся сама Гера.

С престола к алтарю спустилась важно Гера
И, на треножник сев, что там воздвигла Вера,
Сказала: «Здравствуй, ненавистный Аполлон.
С тобою я лицом к лицу. Услышь мой сон». –
«Не хочешь ли, царица, – Герменевс сказал, –
Скрыть очи яркие покровом покрывал?
Когда исчезнет свет от человеческих глаз,
Сон начинает ткать свой золотой рассказ».
Захотела Гера: «Без сомненья
Не золотыми будут сновиденья,
Что я увижу... Впрочем, сон мой ясен,
И усыпить меня твой труд, старик, напрасен».
И сдвинула свой шлем, и разметала кудри,
И, взгляды злой, и колющий, и мудрый
Вперив в Аполла, начинает речь
Враждебную, как занесённый меч:
«Свободная царица снится мне,
Владычица в палатах и стране.

Ей имя – Гера. Да, царица эта – я!
Сон истину гласит, секретов не тая.
Приснилось мне, что полчищем титаны
Пришли моей душе нанести больные раны,
И бунты мне грозят, народа своеволие,
И дерзости неслыханной раздолье.
Их силу я оспаривала. Горе!
Я терпелива всё ж чресчур была в позоре!
Две пташки милые, два голубка моих
Погибли хитростью и преступленьем их.
Ах, не голубок отняла их злоба –
Подруг! Змея Родосса! Верная Родопа!
Родопа сладкая, любовь моя, любовь!
Твою я видела лиющуюся кровь...
Уж не услышу песни твоей звонкой...
Не улыбнёшься мне улыбкою ребёнка...
Поймите: сон о прошлом возвещал –
Теперь грядущих бед он тянет к вам бокал.
Царица снится мне, возжаждавшая мести.
“Эй, амазонки! Собирайтесь вместе!
На помощь! Вот геронты и пританы,
Которым дороги надменные титаны:
Их как гостей они сюда призвали,
Царицу им злокозненно предали,
Чтобы она, назначена наградой,
Была их грязной похоти усладой!” –
Вскричала так царица. Приговор
Исполнил сильных дев воинственный собор.
Кровь полилась. Предатели убиты.
“Что сделаем с другими, говорите? –
Спросила Гера. – Или Баратрон
Уж запечатан? Иль далёк так он?”
Как фурии суда и воздаянья
Откликнулись на Герино воззвание
Все амазонки. Сонм титанов знаменитый,
Посмешищем людей окованный, избитый,
На бычьих шкурах был низвергнут в бездну!
“Мольбы, Амброты, ныне бесполезны!
Где гордость ваша? Напрягай тетиву,

Гермес! Развей свою могуче гриву,
О Посейдон! Беги, Аполл! Иль Ихор тело
Вам не омыл? Вас дева победить сумела!”
Всех в Баратрон столкнули. Аполлон
Последним был. “Постойте, нужен он! –
Сказала Гера. – Мне судьба его дарует.
Когда царица в блеске запирует,
Кто ей Родопу сможет заменить?
Аполл сумеет слух наш песнями пленить”.
И на жаровню положив кинжал,
Она сказала: “Рок тебя создал
Бессмертным, но, конечно, уязвимым.
Прощайся же ты с этим миром зримым.
Твои глаза победы и прекрасны –
Я погашу их луч сияющий и ясный.
Певец слепой и с язвой в сердце чутком
Поёт прекрасней всех средь вечной ночи жуткой.
Я это сделаю, Аполл, с тобой –
Бессилен нынче светлый демон твой!”
И тут в глаза вонзила злым ударом
Железо острое, пылавшее пожаром.
И как собаку, то зовут, то прочь толкают,
Порой ногою пнут, порою приласкают,
Так жертвой прихотей, игрушкою большой
Капризов Геры стал Аполл слепой.
“Сюда!.. Долой!.. Ты мешкаешь? За мною!”
А вечером за чашей круговую,
Когда начнутся игры, пляски, развлечения,
Царица говорит: “Аполл, готовься к пенью:
Возьми ты лиру, смерть Родопы пой
И Геры месть, конец титанов злой!”
И плачут очи жалкого слепца,
Но сладок голос редкого певца.
“Так, так. Воспой теперь хвалу огненно-красной
Моей одежды”. Он поёт прекрасно.
И по лицу его бьёт госпожа:
“О лжец!” И смолк он, весь дрожа.
“О лжец! Позволю ли тебе назвать я
Огненно-красным голубое платье?”
Таков мой сон, о дивный Аполлон.
Быть может, ты чрезмерно поражён

И не найдёшь возможным объясненья
Ему сыскать? Но недалёко исполнение!»
Так на треножнике царица говорит,
И смертью взор её меж кудрями горит.
Пока она его колола острым жалом,
Рать амазонок тесно окружала
Правителей дрожащих. Смокла речь,
И заблестел повсюду грозный меч.
И стон раздался жалобный повсюду
О милости беспомощному люду.
Один лишь голос прозвучал без дрожи:
«О, если б сон твой оказался ложью!»
Так Темиург сказал. И к небу Архелай,
Поднявши руки, молвил: «Мойра, посылай
Скорей смягченье сердцу мощной Геры,
Окаменевшему, не знающему меры!»
И встал прямой, высокий Аполлон,
И вещие глаза вперил в царицу он:
«Я слышу лязг мечей таинственных Эриний...
Преступный сон я объясню вам ныне,
Последствия его я точно предскажу,
Грядущее твоё, о Гера, покажу.
Гляди! Ты видишь: там в песках ползёт, сверкая
Очами волка, женщин кучка злая?
Кто это?.. Почему их жадный взор
В лицо царице устремлён в упор?
Эринии идут, шептуньи преступленья
И вместе страшные орудья мщенья!
Услышав адский сон, зловещий свой полёт
Направил на Олимп их дикий хоровод.
Убийцы радость – семя искупленья.
Коль приведёшь ты сон свой в исполнение,
Они в крови свои омочат ноги
И полетят в надзвёздные чертоги
Ананке с криком: “Эй, проснись, богиня!
Ты чести лишена, бессильна ты отныне:
Одна девица, Гера, возгордясь,
Сломала приговор судьбы, смеясь.
Тем скиптром, что дала ты недостойной,
Она с Олимпа кучею нестройной
Богов свалила, вызванных тобою.

Она вступила в спор с самой судьбою.
Стара ты стала, бедная Ананке:
Не можешь запретить забывшейся грубьянке
Мошь рук царицы мира сократить
И приговор твой в корне изменить”.
Спокойно слушает Ананке. Улыбнулась,
Листов судьбы пером едва коснулась –
И олимпийцы все покинули тебя.
Ударила в ладони: всё губя,
Вскрутился столб огня, ревя свирепой бурей.
“Кого губить?” И, усмехнувшись хмуро,
Кривокогистым пальцем амазонок
Она наметила: “Сгуби всех этих жёнок!”
Ни храбрость, ни мечи теперь не в помощь им.
Огонь растопит сталь, огонь непобедим:
Он жрёт тела своею пастью жгучей.
Без помощи теперь, кто были так могучи!..
И с цепи, как собак, спускает тут Эриний
Ананке: “Гей!” И навсегда отныне
Проклятье за тобой. Твоя раздута злоба
Их силою была – они ж тебя до гроба
Затравят. Через доли, горы – с лаем
И криками: “Мы мяса твоего желаем!”
Красавица моя, которую люблю я,
Ужели замолчать теперь уж не могу я?
В то время как в лесах бежишь ты, словно дичь,
Со сворой по пятам, стремящейся настичь,
Въезжает на конях при колокольном звоне
Царица новая воссесть на здешнем троне.
Её ты знаешь – это Афродита,
В толпе изменчивой столь громко знаменита
Очарованьем златокудрой красоты.
На колеснице вдруг с победной высоты
Твой жалкий бег увидела богиня,
Охоту дикую губительных Эриний.
Но смерть твоя её не примирит.
Склонившись, так она к Ананке говорит:
“Услышь, судьба, моления Афродиты
И скорого конца её не допусти ты,
Конца её, убийцы всех пританов,
Нарушившей закон изгнанием титанов,
Её, что ослепила Аполлона!

Нет, смерть не кара ей, а оборона
От кары подлинной за страшные дела,
Что ядовитая душа изобрела.
Нет, мне отдай её! Мне, мне отдай ты Геру!
О, мерой полною воздам, поверь, за меру!”
Едва мольбу окончила, как бег
Эринии остановили, на ночлег
Пошли к себе стопою мирной. Ты же,
Увидев с ужасом, что падаешь всё ниже,
Пред новою бедой бежишь теперь им вслед
И жаждешь вновь ужасных прежде бед!
“О, стойте! Милости прошу – когтями рвите
Мне грудь, терзайте, но не дайте Афродите!”
Напрасно. Смерти нет. Нет, нет тебе спасенья,
У ног соперницы оплачешь преступленья.
Раба печальная, у злобной госпожи
Теперь без отдыха, без радости служи!
Работы грязные тебе падут на спину:
С утра до вечера обслуживать скотину,
Мыть пол без устали, хотя бы и больна,
Рабыня жалкая безропотно должна.
Пощады нет: в дворце, твоём когда-то,
Работать будешь ты, отчаяньем объята.
“Воды мне, Гера! Торопись, живей, лентяйка!
Мой лестницу, чисть лошадь, говори: *хозяйка*,
Беги в поту, в одышке...” Нет пощады!
И розги жгучие одни тебе награды.
Но вечером за чашей круговой
Смех Афродиты громок золотой:
“Сейчас, друзья, у нас пойдёт забава:
Царица бывшая отпляшет нам на славу”.
И позовёт. Тебя толкают. Скорбной тенью
Ты входишь, как могильное виденье.
Она же, хлыст хватая, говорит:
“Эй ты, рабыня, что за грязный вид?
Как смеешь ты в отрепьях и босая
Гостям моим являться, дура злая?”
И вот усталое в трудах тяжёлых тело
Ты с болью движешь в танце неумелом.
И в светлом зале все лицо своё закрыли
И слёзы жалости невольной скрыто лили.

Бичует Афродита: “Научу я
Тебя повыше ноги подымать, бичуя!
В работе ленится и к пляске не годится –
В какой конюшне смог урод такой родиться?”
Аполл, лишённый слёз, но не печали,
Слепой и грустный, не в роскошном зале,
А у порога дома грезит о сиянье
Потерянных лучей; и вот к нему в страданье
Бросается, шатаясь, Гера. На ступени
Упала, бормоча раскаяния пени,
Главою благородною о плиты
Биясь в отчаянье и кровию облита.
“О я, злосчастливая, предал меня народ
Неверный, словно грязь зыбучая болот.
Покорны были мне когда-то мириады,
Со смехом рабским льстить мне были рады,
Но ни один из тысяч не посмел
Меня остановить средь безрассудных дел,
Когда преступно я восстала против права
И, кровь пролив, гнев Мойры грозноглавой
Тем заслужила... Если б хоть один
Мне смелый дал совет — не знала б я годин
Работы рабской, розга б никогда
Стонать не заставляла от стыда,
Сидела б госпожой я в тронном зале,
Меня бы взоры мужа ограждали,
Пред чьей грозой дрожало б всё вокруг,
И кто бы мне был верный нежный друг!”
Так плачет горько Гера у порога.
И голос зазвучал тогда слепого бога:
“О, благо мне, царица, что отнял
Мне очи твой безжалостный кинжал.
Страданьем было бы ужаснейшим для взора
Такое зрелище паденья и позора.
Быть может, доброты в тебе довольно,
Чтоб и вторую милость оказать: мне больно
Твои рыданья слушать, о, лиши
Меня и слуха! Дай мне жить в тиши,
Чтоб столам не внимать твоим напрасно:
Помочь не может им Аполл — слепец несчастный...”
Вот сна значенье. Истину узнай.

Решай свою судьбу. Я здесь – рази, кусай!» –
Так говорил Аполл, и гневом и презреньем
Горел лучистый взор, сжигая все сомненья.

Аполлон победил. Потрясена и уничтожена Гера. Она до того ужаснулась, увидя, в какую бездну вела её гордыня, что падает к ногам Аполлона и просит пощады и спасенья.

И весь народ вздохнул с облегченьем. Чёрные тени Эриний расплылись в воздухе. И провозглашение победы Аполлона было знаком к неслыханному его триумфу: конца не было крикам и благодарным слёзам.

Теперь осталось последнее испытание: в государственном искусстве. Его назначили было на другой день. Но Гермес и Посейдон, не дожидаясь его, радушно преклоняются перед несомненным победителем. Ни в ком из титанов нет ни малейшей зависти, все рады подчиниться пресветлому Аполлу.

Архелай, старейшина пританов, устроил особое покаянное шествие всего народа с Герой во главе в ознаменование избегнутой опасности гражданского раздора.

И вот – унижены, за Герой, чьи шаги
Влачатся жертвенно, как будто бы враги
Её влекли, сжав брови, очи полны гнева,
Шли побеждённые воинственные девы.

Олимпийские боги

Песня 7. Предательство

Пока всё это происходило на поле Агон, палаты Геры оставались пустыми. В парке замка бродил мрачный Зевс. Властолюбие словно толкало его всё ближе к дворцу. Вскоре он очутился у подъёмного моста. Но мост этот охранял исполин со страшной булавой. На втором звене моста сидел лживый сфинкс, шевеливший хвостом и когтями. На третьем – лань. То была сильнейшая преграда. Лань смотрела на входящего лиходея детскими глазами, как бы говоря ему: «Назад! То, что ты делаешь, — дурно». И в минуту, когда Зевс остановился задумчиво перед мостом, за плечами его раздался женский голос:

«Что мыслишь, хитрый Зевс, чего желает
Душа твоя?» И сильная рука хватает
Его за плечи. Кто там? Рядом с ним
Стоит и смотрит взором огненным
Невиданная женщина. Всё тело
Её сырая мгла, как у змеи, одела,
Грудь напряжённая богата искушеньем,
Кричит с висков разврата наважденье.
«Прочь, демон злой!» — сорвалось с уст его,
Обняли дрожь и жуткий страх всего.
«Скажи, желаешь ли — но взвесь мои слова! —
Войти в палату? Хочешь, чтоб глава
Твоя короной царской увенчалась,
Чтоб власть твоя всемогучно простиралась
И над Олимпом и над всей землёй?
Скажи. Я жду. Решай же жребий твой!»
А он горел и холодел, метался...
«Решайся!» — хохотала... Не решался!
«Желаешь ли, о Зевс? Мгновение серьёзно!
Решается судьба! — она сказала грозно. —
Желаешь ли, чтоб гордая царица,
Обидчица, должна была склониться
Перед тобой? Пред всем народом, вспомни,
Смеялась над тобой, и вот предстанет скромно,
О крове, милости, во прах склонив колени,
К тебе подымет робкие моления». —
«О да, хочу!» — он крикнул... И прибавил тихо:

«И что за это просишь, злое лихо?» –
«Вот какова награда за услугу:
Меня обнимешь, как желанную супругу,
Отдашь мне в страсти рабски душу, тело,
В молчанье делая всё, чтоб ни захотела». –
«Но ты исполнишь ли всё то, что обещала?
В чём власть твоя? Мне уверений мало». –
«Горгона я! Залогов тут не надо.
Не знают ни обетов, ни пощады
Мои уста. Повелеваю. Вот я! Зевс, приди,
Убью я счастье, мир, покой в твоей груди».

После договора Зевс вновь пошёл к замку. Мост опустился перед ним, ворота открылись. Гигант преклонился, сфинкс с лёгким рычанием стал лизать его ноги. Но лань не отступала: она глядела своими детскими глазами, как бы говоря: «Вернись, Зевс. То, что ты делаешь, – дурно».

Полный раскаянья, он готов был отступить. Тогда оскалил зубы и завыл сфинкс, взмахнул страшной булавой исполин. И вдруг Зевс увидел на шее лани прежде не бывший там ошейник с надписью: «Убей меня». И, сам ужасаясь, он сделал это. Надпись изменилась: «Сними с меня шкуру». Зевс сделал и это. И вновь изменилась волшебная надпись:

Я – мантия твоя. Я, Зевс, твоя эгида:
Враги от моего падут в испуге вида.
Всё сделал Зевс и проник наконец в замок.
Повсюду встретил он одни пустые залы,
И эхо гулкое шагов, как гром, звучало.
Пред ним зевает в зале пыльной ветхий трон.
«Вот властолюбия предел земной, вот он!»
Корона спит на мантии, и жадно
Схватил он их: они пришлись ладно.
Взял в руку жезл и взвесил Зевс печать.
Но вдруг в окно взглянул нечаянно. Понять
Не мог он зрелища людей существования,
Хаосом вставшего пред ним для созерцанья.
И он пошёл по лестницам всё выше
Взглянуть на землю через люк и крыши.
И мир теперь лежал необозрим,
Как бы суду отдавшись, перед ним.

Разочарованно вокруг он водит взор
И произносит тяжкий приговор:
«Как холодно на кровле мира, жутко!.. Дымом
Печально терпким вздох земли восходит мимо».

Почудилось Зевсу, что его заметили внизу, что все живые существа мира с вопросами и мольбами бросились к нему на высоту: «Ответь тварям земли, повелитель! Предстань перед нашим судом!» Бурным приливом поднялась с земли волна ненависти, готовая захлестнуть мироправителя: «Ты не смеешь молчать дольше! Для чего? Почему? Что означает земная жизнь?»

Закрыв уши и лицо, спускается Зевс вниз. Горгона заявляет ему, что власть достанется лишь вместе со всем, что к ней относится. Колебаться поздно.

«Взгляни на мантию свою и взвесь,
Какую тяжесть ты вовек решился несть».
Взглянул: жила, жила кровавая эгида.
Сорвать спешит, но к телу Немезида
Её приклеила. И павши пред Горгоной,
Вскричал он: «Страшны грозные законы,
И страшна кара!». Взяв печать, ко лбу
Её она прижала: «Ты избрал судьбу:
Сияет славы знак, но хладны эти блики.
О Зевс! Ты осуждён отныне быть великим».

Тогда Зевс поклялся страшной клятвой, что отныне он забудет своё я и посвятит себя целиком страданиям земли.

Весть о захвате дворца и трона достигла народа и богов. Гнев и ужас овладели всеми. Гера, пританы, Аполлон, боги – все собираются изгнать дерзновенного. Судьи решаются проклясть его и становятся для этого вокруг алтаря. Но Мойра лишает их рассудка: вместо проклятий слышно только немоющее старческое бормотание. Все видят в этом знаменье Ананке. Признав своё бессилье, благородный Архелай убивает себя у ног Геры. Его примеру следуют все пританы. Тогда Гера провозглашает себя неограниченной властительницей. Она обещает корону и любовь свою тому, кто изгонит Зевса. С восторгом берётся за это Аполлон.

Боги, амазонки и войско автохтонов со всех сторон облегают на ночь дворец, чтобы с утра начать приступ. Апол-

лон не спит в нетерпении. Вдруг неожиданно для него является к нему сама Гера.

Рукою сделав знак ему, «О Аполлон! –
Сказала. – Иль тебя одолевает сон?
Не хочешь ты последовать за мною,
Не хочешь ты скорей назвать меня женою?
А если да, то запрягай коней,
Гони их через лес туда, к дворцу скорей.
Себе на славу, для моей любви,
Коль рок решил, омой позор в крови
Венец укравшего Зевеса. Пусть паденье
Его меня порадует и наслажденье
Любви тебе доставит. Сон бежит
От глаз моих – душа моя болит.
Мне плюнуть хочется скорее этой ночью
Моим презрением в бесстыднейшие очи!»

Аполлон обрадован этим предложением. И вот они едут вместе. Гера указывает дорогу. Они приблизились к дворцу.

И Гера вскрикнула, отдавшись вдруг испугу,
И говорит, дрожа всем телом, другу:
«Морочат ли глаза миражи ночи тёмной?
Мне чудится, что кто-то там огромный
Стоит на башне, незнакомый мне,
С печатью кровавой на челе,
В глазах миропобедная сверкает воля,
Как пламя адское, и гордостью и болью». –
«Он это! Враг, разбойник! Плюнь ему,
Что ты задумала, сквозь ночи тьму!»
Дрожа, в молчанье в Зевса взор вперила
Царица. И потом опять спросила:
«Что за чудовище, смотри, стоит за ним,
Каким он существом загадочным храним?
Не демон, не богиня – призрак мрачный,
Ананке посланный, чтобы исход удачный
Ему достался, мне же поражение...
Ужасно женщины неведомой виденье».

Аполлон раздражается угрозами по адресу Зевса и наконец пускает в него стрелу. Она падает, отражённая щитом Горгоны.

.....
.....

И разрывалась грудь в борении сомнений.
Но, чу! Аполл средь сладких сновидений
Вдруг засмеялся смехом золотым.
И Гера встала, связь порвавши с ним.
Через мёртво спящее Аполла тело
Переступила тихо и умело...
Но бодрствовал могучий демон бога,
И Геру он спросил торжественно и строго:
«Куда неверную толкает сладострастье?
Царица, ты бежишь? И друга ты в несчастье
Коварно ввергнуть хочешь? Аполлона
Благодаришь с великодушьем скорпиона?..
О Гера, откажись от этой мысли гадкой!»
Но женщина сказала: «Изменить так сладко».

Совершилось. Прокравшись к дворцу, Гера посылает любимого павлина – птицу Орнис уведомить Зевса о своём приходе. Но ответ звучал непреклонно.

«Зевс возвещает Гере: вот моё решение –
Я не успел ещё забыть про оскорбленье,
Которое ты нанесла мне, – надо,
Чтобы имела ты достойную награду.
Обиду с двух сторон всегда легко простить:
Должна ты предо мной колени преклонить».
И сжала кулаки взбешённая царица.
Ответ её несёт к Зевесу Орнис-птица:
«Чтоб я впредь ни сделала, Зевес, ты помни,
Что ненависть моя бессмертна и огромна!»
Назад летит угроза: «Царь сказал:
– Злись, от тебя любви я не искал.
Сломать тебя – вот цель моих стремлений.

.....
.....

Песня 8. Война и примирение

<После недолгой войны боги смиряются с главенством Зевса. Делает это и Аполлон. Между ними заключается мир.>

Зевс

Часть третья

ВРЕМЯ РАСЦВЕТА

Песня 1. Милость Мойры

Однажды утром из неведомых садов
Пришёл мальчонок Эйдолон. Среди богов
Ему давали имя – Счастье. Он кудрявый
Красавчик и везёт возок, а кладь на славу –
Ничто! Тихохонько поёт, о чём-то грезит...
Путь нипочём ему! Порой возок залезет
В канаву: для поклажи нет вреда,
Поправит дело мальчик без труда:
В возке лишь видимость да схемы – пусто!
Идёт, поёт дитя. А между тем уж густо
Толпа вокруг стоит, все смотрят на него –
Становятся добрей, не зная отчего.
На высшем небе, перед грозною стеной
Стояла Мойра. Пред всемошною женой
Лежала жизнь в своём шумливом беге.
И, озирая океан её, на бреге
Недвижно Мойра – камень на скале – стояла,
Но тень её черно на яркий мир вползала.
По ней узнали строгую, и взвизгнул страх,
Поистине жил ужас в каменных чертах
Богини. Рта не видно, взоры глаз сокрыты
Железной маской, уши же повиты
Десятком медных обручей, чтоб не слышали
Страданья криков, чтоб мольбы не проникали.
Не внемлет Мойра под своей рогатой каской,
Как люди схвачены страданья лютой пляской,
За домом в дверь стучатся днём и среди ночи...
Но вдруг на Эйдолона пали Мойры очи.
В проклятый мир он шёл так беззаботно...
И сердце тронулося под кольчугой плотной,
Рогатая упала маска: вкруг главы
Венок расцвёл из нежно-молодой листвы,
На плечи брошен белый плащ прощений.
И Мойра медленно шагнула в мир творений.
На перекрёстке став, плечом она пожала:

«Земля больна, лекарства ей не впрок нimalo!»
И двинулась к Олимпу, состраданье
Неся с собой и доброе желанье.

На Олимпе Мойра нашла Геру, печальную, потому что Зевс совсем перестал обращать на неё внимание, озабоченный делами правления. Мойра даёт ей всякие добрые советы, чтобы установить в их супружестве доброе согласие и любовь. Она дарит ей волшебное кольцо с заверением, что Зевс будет влюблён в неё, пока она носит его на пальце. Она водружает на кровле Олимпа зелёное знамя Ольбия: пока оно будет там развеиваться, счастье и удача не покинут этого жилища, но знамя упадёт при первой же супружеской сцене между Герой и её мужем. Мальчик Эйдолон поселяется у Зевса.

Так благодетельствовала царскую семью Мойра.

Потом с последнею вечернею зарницей
Домой вернулась Бронтифроном-птицей,
Хранимый фолиант судеб она взяла,
Где внесена история была
Всего бывшего на Олимпе и земле.
Прочла немного. А потом во мгле
Души своей, в своём воспоминанье
Черпала прошлое – то было созерцанье,
Не размышленье: вереницей теней
Предстали судьбы прошлых поколений.
Картинами порой так полно сердце было,
Что даже Мойре это голову кружило:
Чело подымет, и опять в глазах туманы,
И память вновь летит в давно бывшего страны.

В результате этого размышления Мойра решила оказать милость всей вселенной, объявить всемирную весну, разубрать космос по-праздничному и приветствовать всеобщую весну особо весёлым колокольным звоном.

Взяла ключей большую связку и на двор
Хозяйства мирового бросила свой взор.
«Прочь старый хлам! Эй! Всё мне вновь раскрасьте!»
Работа закипела. Все вселенной части
Обмыты, вытерты. Дол, горы, небеса
В невиданные превратились чудеса.
«Вы видите: теперь совсем иное дело.
Мне хочется, чтоб даль ещё синей синела».
Птиц певчих приказала ей представить

И ну по-новому им голос ставить.
Переучила! И к колоколам,
Что Гармонид хранил, вошла в их гулкий храм.
«Ударь-ка в этот, дай послушать тот.
Нет, Гармонид, мне тон не подойдёт.
И это всё? Других ты не имеешь?» –
«А ты привыкни и уразумеешь,
Что хороши они – вот мнение знатоков.
Ещё один тут есть, но только медный зов
Его все знатоки согласно осудили:
Нельзя, чтоб так колокола высоко били». –
«Тащи его сюда. О Гармонид,
О, радость! Колокол, как надо мне, гудит!» –
«И я сначала думал так; но, сердце, духа
В нём не находят знатоки: звучит да сухо!» –
«Ударь ещё. Ещё послушать надо».
И внемлет вновь, и с новой страдой,
Когда затих последний отклик гула,
Она к нему, как к милому, прильнула:
«Как мог ты сохранить твой голос нежный, ясный?
Ужель тебя не мучит мир ужасный?»
Ответил колокол: «Не личное ли дело
Страданье? Миру нужно, чтобы счастье пело». –
«Я поняла, – сказала Мойра. – Ты великий!
Бросай же с кровли мира миру клики».

Вестник Мойры принёс богам радостную новость: объявление праздника полной свободы до того часа, когда упадёт с кровли дворца зелёное знамя Ольбия.

Богам было разрешено отныне отправляться также и на землю, до тех пор запретную для них. Только страна людей была оставлена исключительно для Зевса.

Песня 2. Борей

Борей захотел со своей свитой первым посетить землю, чтобы собрать с неё сливки, как он говорил. Он заключил союз с могучей Гарпаликой на равных началах и приказал Эолу, кучеру ветров, запрягать буреоблачную колесницу.

Эол, страж ветров, жил в жилище малом,
Но комфортабельном. Жилище то лежало
У самого обрыва, что с Олимпа круто
К земле срывался. Всё полно уюта:
Цветы кругом в саду, цветы и в доме самом.
Все комнаты полны весёлым детским гамом,
Там слышны пляски, арфы, флейты и органы,
И всяк по-своему дудит, все будто пьяны,
Меж тем как в гроте ели, пили вина
Облакослуги тучегосподина.

Не без труда вывел и запряг бурных коней в колесницу Эол.

И зашумев, отправились, в мгновенье
Тучечудовище уж было в отдаленье.
Галопом бурным мчатся ветрокони.
Одежды веют, локоны; в погоне
Стремительной, где были спуски, повороты
В объятия друг другу падают Амброты,
Трясётся всё: держись. Поднялся крик: «Потише!
Эол, эй, сумасшедший!» Но никто не слышит.
Вдруг сам Борей сказал Эолу строго:
«Так ты везёшь, улитка, ветробога?
Слунтяй ты заспанный». Толкнул плечом,
Взял вожжи и хлестнул коней бичом.
Ух, взвизгнули все путники. И гривой
Вея, копытами гремя, помчались игриво
Лихие кони, вверх взметнулась колесница,
Бьют ветры в барабан, их флейта с плачем злится.

У порога Земли стража пыталась задержать буйную весёлую ватагу. С особенным достоинством воспрещала им вход Орейтия. Но стражу боги разогнали, а деву Орейтию Борей взял с собой насильно.

Ворвавшись в пределы Земли, олимпийские пираты разделились на отдельные шайки в поисках добычи и приключений.

Борей с Гарпаликой наткнулись на страну, всю покрытую норами. Гарпалика со своим острым взором, проникавшим во тьму, стала наклоняться над этими норами и рассказывать Борею, что в них делается. В одной пигмеи сосали привычку, прячась от лучей света; в другой поклонники нрава и обычая ползали на брюхе перед тысячелетней бессмыслицей; в третьей царила скука, и все старались удержаться от одолевавшей их зевоты; в четвёртой все криво усмехались, полные недоверия ко всему на свете.

Страшно рассердился Борей на обитателей этих дыр – троглодитов. «Я научу вас жить! – воскликнул он, разоряя их муры. – Как? Смертные, жаждущие бессмертия, и между колыбелью и могилой находящие ещё время зевать! А! Теперь вы подымаете крик! Ничего – скажите спасибо: вы всё-таки шевелитесь и сможете сказать, что хоть немного жили, прежде чем сгнить!»

Борей с Гарпаликой долетают до самого хвоста земли.

За чащами лежала дикая пустыня,
Ей имя – Аорист: в ней пользы нет ни ныне,
Ни прежде не было, ни будет, но зато –
Ей нет конца. Она сливается в ничто!
Царит в ней вечный и торжественный покой.
Там Сфинкс живёт, или богиня Ма.
Лежит загадочно. В глазах густая тьма.
О, страшная загадка: вечно пятки
Кусает сфинкс себе без смысла и оглядки,
И стонет, и кричит, и молится вокруг:
«От мук меня спасёт ли некий друг?» –
«Что стонешь ты? Ведь ты сама себя терзаешь! –
Сказал Борей. – Оставь! Меня ты удивляешь...»
Хулой такой оскорблена, загадка
Заблеяла обиженно и гадко.
Из шерсти выползли все вши и блохи
И тоже злые ахи подняли и охи!
С достоинством и медленной походкой
Седой анахорет пришёл и молвил чётко:
«Молись творенья чуду, но напрасно,
Дух сотворённый, ты стремишься страстно
Проникнуть в смысл его. Вон кучей черепа
Философов лежат. Премудрость их глупа
Перед загадкой оказалась, и никто не знает,
Зачем богиня Ма сама себя терзает».

Боги-пираты столько награбили, что чуть не подрались при дележе. «Всё моё, а что останется – ваше!» – кричал Борей. А Гарпалика, сверкая хищными глазами, молвила: «Я – княгиня. Прочь лапы и морды! Мне всё хорошее, а вам остальное».

Наконец порешили разделить добычу на счастье: маленький Зефир при общем весёлом хохоте присуждал награбленное то тому, то другому.

Корабль был нагружён к обратному пути.
Вокруг толпа собралась густо – не пройти!
Родители рыдали горько: вереницей
Всходили на корабль пленённые девицы,
Рыдая тоже. Так в стране людей готовят
Пир свадебный и в стаде жирных ловят
Упитанных овец, и перед мясником
Они так жалко блеют, но их стон ни в ком
Не будит жалости, и люди лишь хохочут,
Ведь об обеде их убийцы тут хлопочут.
«О олимпийцы грозные, вы матерей
Услышите скорбный стон – отдайте дочерей».
Захотал Борей: «Смотрю с иной я точки:
До вас мне дела нет, мне ж нужны ваши дочки.
Притом с судьбой своей примирятся оне:
Их наслажденья ждут, поверьте в этом мне.
Ну, прочь! Играй в свою трубу, Эол!
Пили, скрипи и вой! Гей, гей! Пошёл!
Пусть злятся боги, пусть вздыхает мир –
На корабле мы грянем брачный пир».

И не кто иной, как добродетельная дева Орейтия, стала просить родителей успокоиться, когда отцы и братья начали было напирать на Борей.

Кто жертва? Я. Кто судит жертвы строже?

А я прощаю – вы простите тоже.

И завидовали олимпийские боги поездке Борей, когда он вернулся. Все устремились на землю: кто пешком, кто в колесницах.

Песня 3. Аякс и гиганты

На земле жило между прочими населявшими её разнообразными существами племя гигантов. С большим неудовольствием смотрели они на налёты богов. Иногда при встрече с ними они осмеливались разражаться насмешливым хохотом. Потом они стали мало-помалу совсем грубиянами, и богам при встречах приходилось сворачивать с дороги. Запрошенный олимпийский оракул ответил среди грома и молнии: «Лучше терпеть несправедливость, чем причинять её». Решено было терпеть. Гиганты окончательно облаглели. Они подобрались к самому Олимпу и иной раз бросали камни в олимпийские рощи. А боги, по совету своего миролюбивого оракула, всё терпели да терпели.

Наконец гиганты затеяли строить мост на самый Олимп. Это так обеспокоило богов, что они решили послать посольство к царю гигантов Тавту.

В своём простом жилье, за молоком и сыром
Царь Тавт патриархально кушал с миром,
Детьми своими окружён. Варвара, дочка,
Сидела на коленях, маленькая бочка,
И бороду ему скребла, а Гог с Магогом
Уткнулись в книгу и в молчанье строгом
Картинки в ней смотрели. Добродушно было
Всё вкрут царя, и всё о мире говорило.
Послы, немного заикаясь, речь
О деле завели: нельзя ли, мол, пресечь
Теченье разных недоразумений,
Остановив моста столь спешное строенье?
Им Тавт сказал: «Я честный и прямой гигант
И в дипломатии нисколько не талант.
Обманы, выгоды, хитросплетений тьма —
Всё это тяжело для моего ума.
Куда уж мне до разных там затей!
Я не оратор и не грамотей.
Но здравым смыслом всё же не обижен*.
Я, милостью природы, не дурак!»
И объяснять им стал, что так и так,
Принявши во вниманье то и то — строенье
Моста предпринято для дружбы укрепления.

* В переводе отсутствует парный стих. — Прим. публикатора.

Затем он притащил какую-то старую книгу и стал доказывать, что чуть не половина Олимпа в седые времена принадлежала гигантам. Послы заметили ему, что он толкует книгу вкривь и вкось.

«Довольно болтовни! – Тавт закричал. – Довольно! Всю эту ерунду мне прямо слушать больно! К чему тут хитрости? Хотите воевать? Что ж! Как ни мирны мы, жён будем защищать». И череп буйвола надел – увы и ах! – Гигант на голову о двух крутых рогах, Чулки из кожи крокодила, где торчали Кабаньи зубы, ноги облегали.
«Пить мне, Варвара!» – крикнул громогласно, И вот ведро он выпил крови красной.
«Жрать! Живо!» Вмиг метнулась дочка к полке, Где грудую лежали в шкурах волки, И подала. Поняв значение угрозы, Послы, затрепетав, ударились в слёзы. Униженно всем хором запищали:
«Прости, великий Тавт, что не поняли Твоих мы доводов». Тут оба карапуза И дочка, словно три тяжёлых груза, Повисли на отце, вопя и причитая. И Тавт сказал: «Уж так и быть – прощаю».

Одержав дипломатическую победу, Тавт пошёл на собрание гигантов и сказал им со смехом:

Теперь смелей, гиганты, будем дерзки,
Кто перед трусом трусит – вервь тот мерзкий!
Ведь эти мыши всё глотают, лишь моргают:
В тарелку Зевсу наплюю – пусть вытирают!

И стали гиганты таскаться по Олимпу и издеваться над богами. Часто они бросали в их печные горшки дохлых крыс и говорили: «Ешьте и молчите!»

Меж богами жил некто Аякс, герой, силач и красавец, но душевнобольной. Доброй души титан, он часто раздражался и тогда сокрушал всё, что ни попадало под руку. Терпел около себя только мудрого врача Асклепа и дочь его девственную Гаву – их он слушался. Когда его выводили гулять, Асклеп вёл его за одну руку, Гава за другую, а впереди шли дети и играли на флейтах, так как музыка действовала на него успокоительно. И всё-таки всех предупреждали не попадаться на дороге больному Аяксу. Но ги-

ганты, конечно, и не думали с этим считаться. Один даже бросил в Аякса сырной коркой. Тут произошло нечто необычайное. Взбешённый больной вмиг подхватил гиганта и швырнул его в глубокий овраг. Тот убится насмерть. А Аякс спустился к нему и кричал: «Эй ты! Неужто ты умер? Я хотел бы убить тебя ещё разок». Гиганты сбежались, прыгали вокруг Аякса, выкрикивая ужасные угрозы. Тогда Аякс схватил труп и хотел действовать им, как булавой. Но труп разорвался. Ужасная картина: кровь и внутренности стали падать в пропасть и через неё в самый Эреб. Гадес рассердился:

«Эй там, вы, на Олимпе, что за дрянь

Кидаете вы мне», – раздалась его брань.

А Аякс ответил:

Болотный царь, оставь меня среди игрушек

Моих гигантских, сам стриги своих лягушек!

Тут Асклеп и Гава, распевая дуэты, приблизились к Аяксу и кое-как увели его. Боги были вне себя от страха и ждали мести гигантов.

И действительно, в лагере гигантов раздавался такой гам и вой, что уши разрывались. Среди лагеря вместо знамени воздвигнут был шест с головой мамонта на нём. Олимпийцы говорили: «Сегодня нам конец!»

Асклеп же больше всего боялся за своего пациента. Поэтому он отправился в лагерь гигантов и просил их не шуметь: это беспокоит больного и может вызвать припадок хуже того, которому, к несчастью, они были свидетелями.

Всё стихло в лагере, но зловещая тишина страшила богов прежнего гвалта.

И то же? Взошла заря, и боги увидели, что гиганты потихоньку убрались с Олимпа.

С тех пор при встрече с олимпийцами гиганты отходят в сторону и снимают шапки.

Песня 4. Актайон, дикий охотник

Зевс много смеялся этому приключению и говорил, что он уж приготовил хорошенькую молнию для гигантов, но рад столь комическому окончанию их нашествия. Он хотел даже торжественно чествовать Аякса, но Асклеп отговорил его от этого.

Всё же Зевс собрал у Геры небольшой кружок друзей попить по случаю мирного разрешения конфликта.

В кружке за беседой возник вопрос, не было ли в прошлом подобных фактов и героев. Тогда Линос, певец, вызвался рассказать стародавнюю сагу об Актайоне, диком охотнике. Событие это имело место в давно прошедшие времена, когда на Олимпе правил царь Минос.

То был царь кропотливый и большой формалист. Крестьяне явились к нему однажды с просьбой унять драконов и змиев, расплотившихся на земле в великом множестве и причинявших много зла. Минос назначил комиссию для расследования вопроса. На том дело и застряло. Второй раз явились крестьяне, заявляя, что положение становиться совершенно невыносимым. Никто не осмеливался выходить в поле даже среди бела дня.

«А, если так – тогда другое дело, –
Сказал Минос. – Идите, дети, смело
Домой, но только не кричать и не шуметь:
Я думаю созову – суждение иметь
По этому вопросу». Дума заседала
И в делопроизводство передала
Совету и дала ему наказ
Спешить. Совет не медлил. Он избрал тотчас
Особый Комитет. И по голосованью
Тот Комитет на первом же собрании
Создал правление: выбран председатель
И вице – пусть не ропщет обыватель.
Докладчик выбран был без проволочек.
«Теперь поставить можно много точек,
Передохнуть, – подумал так Минос. –
Почти уже решён сей тягостный вопрос».

Особенно нравилось Миносу, что жалоб больше не поступало. Но вскоре посланные им ревизоры вернулись с печальной вестью:

Нет жалоб, это так, но к нашей злой печали,
Нет потому, что змии всех крестьян сожрали.

Минос ужаснулся: «О, – сказал он, – тут надобны энергичные меры,

Но без насилия, и пусть не льётся кровь:
Победы слаще мне уступки и любовь».

И Минос расхныкался о том, как тяжела его обязанность.

Иное думал охотник Актайон. «Я вижу, – сказал он себе, – что надо пустить в ход мой нож».

Он оседлал своего коня Пефредо с осторожностью, потому что дикая лошадь кусала и хозяина, взял пару своих страшных собак и отправился.

В стране драконов он узнал, что их рождает из недр своих тёмная пещера по названию Натура. Прежде всего он решил законопатить этот источник зла. Когда он развёл огонь вокруг пещеры, из неё раздался голос:

«Кто смеет посягать на творчество Натуры?

Ананке, помоги!» И тотчас тучи – хмуры –

Надвинулись, погасло солнце, дождь и град

Низринулись на землю, целый ряд

Кровавых метеоров пролетел, основы

Земли заколебались, глас суровый

Вещал: «Проклятье дерзкому, да сгинет!»

Смеялся Актайон: «Ну, ветер-то не сдвинет

Моих решений. Я, охотник, видел виды,

В дурной погоде нет большой обиды.

Эй ты, ненатуральная Натура!

Коль дорога тебя твоя седая шкура,

Клянись, что порождать не будешь ты драконов

И всякой нечисти, и силою законов

Пусть будет обладать наш договор, иначе

Я натравлю сейчас народец мой собачий.

Сначала прокопчу до дна твою утробу,

Псы выгрызут нутро, и всё зашью я, чтобы

Ты чудищами вновь не одарила нас.

Решай, не мешкай – отвечай сейчас».

И как ни ёжилась Натура – обещала.
И с той поры, хотя она рожала
Немало птиц и рыб различного фасона,
Но всё ж держалася того закона:
Драконов, змиев, чудищ не плодить,
Про исполинских ящеров забыть.

После этого Актайон принялся за истребление драконов. Сначала те храбрились, но потом, заметив, что имеют дело с кем-то сильнее их, запросили пардону.

И взвился белый флаг среди шума боя.
Посол искусный, вышедши из строя,
Заговорил: «Скажи же, Актайон,
Иль только для людей судьбы закон?
Иль мы на бытиё имеем меньше права?» –
«Я не юрист, в законах не искусен, право,
Но ваше поведение, змии, очень скверно». –
«С природой нашей это поведение верно». –
«Я не хую вас – просто истребляю». –
«И не стыдишься? Но ведь я же знаю,
Что сам охотник ты, ты хищник, как и мы, –
Вот заячья нога торчит из той сумы!» –
«То правда: заячье люблю жаркое,
Но в пасть твою попасть и там пропасть – плохое
Мне удовольствие. Довольно. Мы сразимся:
Я перебую вас всех, а после сговоримся».

И страшная охота продолжалась.

Тут Линос остановился. Боги одобрили Актайона, но Гера во что бы то ни стало требовала, чтобы сага была рассказана до конца, хотя Линос предупреждал, что конец её крайне печален. Он должен был, однако, подчиниться настояниям Геры.

Итак, Актайон перебил всех драконов. Оставался в живых лишь один крылатый змий, который, израненный и изнемогающий, улетал от него и его собак. В бегстве он залетел в долину, посреди которой красовался монастырь и которая была полна колокольным звоном. Над воротами монастыря была надпись: «Сия есть гора мира и убежище верное».

Туда и скрылся злой змий, и ворота за ним немедленно захлопнулись. За оградой раздался хор женских голосов,

воспевавших псалом милосердия. Гневно потребовал Актайон впустить его, ссылаясь на то, что преступный змий – застарелый человекоубийца.

«Раненый убийца – уж не убийца! – звучал ответ. – Это болезненное существо, достойное сострадания». Тогда, несмотря на крики жриц, Актайон перепрыгнул через ограду на своём коне Пефредо.

И вот открылась дверь двойная храма,
И вышла Бритомартис: смотрит прямо
Перед собой красавица, похожа
На снег при солнце, и смотри, кого же
Она лелеет на руках – барашка.
Едва увидел Актайон её, как тяжело
Любовь ему сдавила сердце, он хотел
Сказать привет, но словно онемел:
Лишь стон срывался с уст и бормотанье,
В которых страсть была и обожанье.
И молвила святая дева: «О любви
Бормочешь ты? Смотри – ты весь в крови!
Убийца, слышишь ли проклятье жриц?
Беги, не нарушай святых границ!»
Он крикнул: «Дай обнять твои колени!
Охоту буду я считать за преступленье,
Я буду уст твоих учеником,
Я страстью всепобедною влеком
К тебе, о, будь моей!» Она сказала:
«Другую Бритомартис часть* себе избрала:
Мужчине не послужит плоть ея,
Иной любви служительница я –
Святого состраданья, и одежда жрицы
Скрывает жар жаленья – не мечты девицы».
И крикнул он: «Как требуешь – да будет!
Лишь кровь отныне Актайон забудет!»
И вдруг вдали, всё ближе крики, рога зов,
И ржанье лошадей, и лай жестоких псов.
И Пефредо, услышав зычный рог,
Вздыбилась, удержать её сам Актайон не мог.
«Беги, беги, о Бритомартис – здесь опасно:
Коня стараюсь я сдержать напрасно.

* участь. – Прим. публикатора.

Собака Лисса лает, Ортис воет,
Мой голос этот злобный рёв покроет:
Они не пощадят, не знают умиления.
Богиня, червь для них – всё мясо! Чрез мгновенье
Они здесь будут, о, беги!» – «Останусь. Звери,
Лишь разорвав меня, проникнут в эти двери», –
Сказала Бритомартис. Дикая охота
Уже ворвалась. Врезались с налёта
В толпу кричащих жриц, и дротики, и стрелы
Летят! Но Бритомартис стала смело
У двери и, барашка сжав в руках,
Запела гимн предсмертный, в небесах
Ища очами утешенья... Для начала
Стрела в барашка бедного попала.
Убит. И плачет Бритомартис... О, позор!
Окаменел Актайон. Разум или взор
Погас в нём? К той, кого он обожает,
Враждебный бег теперь он направляет!
О, нет! Не он: напрасно всею силой
Сжимает он колени, уносила
Его вперед Пефредо, кулаком
Ей шею бьёт он, всё-таки влеком
По-прежнему взбесившейся кобылой
К святой, прекрасной, нежной, сладкой, милой!
И нож схватив в ужасный этот миг,
Его вонзил кобыле в сердце. Но достиг
Прыжок предсмертный всё ж до бедной цели:
С ног сбита Бритомартис, и успели
Ей ранить тело страшные копыта:
На лестнице лежит она, разбита.
Пефредо рухнула в конвульсиях и тело
Охотника к земле прижала... Потемнело
В глазах его! О, ужас! Ортис, Лисса, стой!
Уж кинулся их кровожадный рой,
Их морды дикие рвут сердце жрицы милой.
Напряг Актайон в бешенстве все силы
И выбрался. Не встал, на четвереньках – зверь,
На псов он бросился, сам дикий волк теперь,
Оружья не схватил: глаза их рвёт когтями,
Кусается и воет вместе с псами.

Но человек он – челюсти его, к несчастью,
Ничто перед кровавою звериной пастью.
О, прежде эти псы перед бичом визжали,
Но тут хозяина они не распознали:
Какой-то зверь кусался – их же брат!
И слепо рвут его. Вдруг прынули назад.
Узнали! Взыли псы от страха и тоски...
Но Актайон лежал, истерзанный в куски.

Боги внимали, потрясённые и вместе с тем очищенные
и приподнятые страшной повестью.

Песня 5. Аполлон открывает новый мир

Демон Аполлона предложил ему последовать примеру других олимпийцев и отправиться в путешествие. Но Аполлон не любил толпы, да и вообще его не тянуло спускаться вниз к земле.

«Вот если обещаешь показать мне страны,
Где лицемеров нет, и где обманы
Неведомы, где новый небосвод
Взирает на ковёр земель и вод,
Который не пятнал предатель или трус, –
Тогда я в путь сейчас же соберусь.
Пока закрой окно: притворщиков дыханье
Мне оскорбляет слишком обонянье». –
«Ты хочешь новый мир открыть? Пойдём,
Я говорю тебе: что ищешь ты – найдём».

Оба они прежде всего отправились на самые высокие вершины гор. Вдруг Аполлон увидел там перед собой несравненно прекрасную женщину. Кто это?

«Ты удивляешься как бы чужому виду?
Не узнаешь, Аполл, подругу Артемиду?» –
«Но как пришла сюда ты?» – он спросил. –
«Тебе навстречу!» – так ответ гласил. –
«Но кто сказал тебе, что встретишь здесь меня ты?» –
«Где, как не средь орлов, искать тебя, крылатый?
И хочешь быть товарищем в пути?» –
«Навеки всюду я с тобой хочу идти!
Сильна ты телом и смела ты взглядом –
Ко мне, подруга, и пойдём мы рядом!»

Но вот на высоты спустилась прекрасная, сияющая колесница солнца, руководимая Гелиосом. Спустившись, Гелиос стал осматривать сложный великолепный механизм своего сверкающего самолёта. Аполлон же заметил не без досады, что солнце подымается, привязанное к земле на канате, что Гелиос не решается на свободный полёт. Немедленно же он дал ему соответственный совет. Но старый мастер ответил нетерпеливо: «Чужестранец, не болтай о том, чего не понимаешь». Тогда рассмеялась Артемиды: «Ого! Мастер-кузнец пробирает Аполлона!» Гелиос тотчас

же снял шапку и стал извиняться: он знал, что Аполлон есть истинный господин света и солнца.

Бог сам хочет совершить полёт, но, конечно, без всяких привязей. С первых же опытов Гелиос был поражён красотой его полёта, о каких ему самому и не мечталось. Аполл же с высоты заметил что-то в отдалении и, указуя туда, сказал:

«Нет, это не обман, нет, правда, правда это!
Я вижу за далёкой гранью света,
Где знание молчит, предчувствие немеет,
Сияя, облако иных миров белеет.
И счастлив я, весь полон ликования:
Я вижу отблеск лучшего сиянья,
Чем здешнее. Клянусь, что не спущусь отныне,
Глаз не сомкну, пока, перелетев пустыни,
Садам неведомым не брошу свой привет,
Пока у ног моих не ляжет новый свет».
Тут Гелиос заговорил, что он
Отечески предупреждает: Аполлон
Беду себе готовит – глас природы...
«Оставь! – сказал Аполл. – Моей свободы
Никто не ограничит. Кто со мной?»
И Артемида тут, зардевшись зарёй,
Вмиг прыгнула к нему и руки протянула.
Уж в колеснице рядом! И вздохнула
Всей грудью, лик сияет торжеством без меры,
И строгие глаза полны любви и веры.
Аполл наморщил лоб: «Ты? Женское ли дело,
В неведомом стремясь, перелететь пределы
Вселенной. Помни: надобно терпенье!
И помни: выброшу без сожаленья
Я всякого, кто будет мне помехой». –
«Да, сделай так!» И полный радостного смеха,
«Ко мне! – воскликнул Аполлон. – Ко мне!»
Геан, Пеан!» Взгремевши, самолёт
В пространство направляет свой полёт.
Через моря алмазные лучей,
В ущельях облачных узорчатых теней,

* В переводе отсутствует парный стих. – Прим. публикатора.

Средь крика ласточек, по небу голубому
Иль розоватому и нежно-золотому
Летят. За следом огненных колёс
Орлов ревнивых тянется обоз.
Зелёная земля почти ушла из вида,
Тогда запела звонко песню Артемида:
«Тра-ра! Звенят воинственные трубы!
Мне утреннюю песнь всей грудью петь так люблю.
От света пьяная, о свете я пою
И солнца сыновьям отдам я песнь мою.
Два белых всадника блещут в пространствах мира.
Два флага огненных мне веют средь эфира.
На шлемах светлых нет ни тени пыли,
То Диоскуры издали прибыли
На светорождённых конях: сестра Елена
Потеряна, её хотят вернуть из плена
И ищут в Метакосмосе, где Гесперид
Страна вовеки мир и счастье хранит.
Какой же космос помогает им найти
В пространствах света верные пути?
Надежда сердца – их руководитель,
И мужество – их сильный покровитель.
И, как голубка из чужого края
Летит домой, так встретить их из рая
Елена устремилась. Радость и объятья!
Вот, вот они, столь дорогие братья!
Скажи, чтоб я отметила во всей вселенной
Ту точку, что великой, неизменной,
Непревзойдённой радости полна, и крест
Пересечением двух линий у тех мест
Я нарисую. Но отныне Диоскуры
Побеждены! И смотрят они, хмуры,
Как я свершаю путь, смелей, чем подвиг их,
И царь со мною мой, герой мой и жених:
Смотрю ему в глаза, меняюсь с ним дыханием,
Крыл демона его внимаю я шуршанью», –
Так ликовала Артемида. А с земли
Со всех пригорков взоры вознесли
И смертные, и боги: все по зову славы
Собрались наблюдать полёт тот величавый.

Земля, Олимп приветами горели,
Восторги лентами к высотам их летели.
Склонилась Артемида через борт:
Купцом бежал пред нею мир: «Эй! Первый сорт
Мои товары! Всё имею: выбирай!
Чего тут нет! Добра-то через край!
Гор хочешь? – стал бросать пред нею
Цепями горы. – И луга имею!
Бери! Деревни, города? Или озёра
И реки? – сотни их я выброшу для взора!»
И всё летело бешено, и дымом
Внизу несло и уносилось мимо.
И величаво солнца колесница,
Гремя победой, дальше всё стремится.
Препятствий никаких серьёзных не нашли,
Пока неслись в предместиях земли.
Но вот, влетев в ненаселённые просторы,
Где пустоту одну встречают всюду взоры,
Где воздух столь родной был отнят от их уст,
И мир вокруг стал тускл и совершенно пуст,
Где всё молчало, ровный свет в пути
Ни в облачке не мог препятствия найти,
Вдруг стали отставать орлы от колесницы:
Одна вослед другой вниз опускались птицы.
Вздохнула Артемида: «Страшно в пустоте...
На что сильны орлы... Но унесли и те».
Аполл в ответ: «Пусть бросят нас вороны:
Полудрузья не помощь, а препоны».
И ветром веет дальше их полёт.
Но что за рой свой хоровод ведёт
Вкруг колесницы? В недрах полны злобы,
Но с виду вежливы, летят кругом микробы.
Жужжанья тонкого был смысл, однако, ясен:
Потерян верный путь, весь подвиг был напрасен!
И робко Артемида молвит другу:
«Уверен ты, что не летишь по кругу?» –
«Стыдись! Ты слушаешь их подлый хор:
Теперь-то полетим! Ползли мы до сих пор!»
И дальше всё летят они вдвоём,
Пустая бесконечность лишь кругом.

О, средь ничто – ничто не удаётся,
Пред невозможностью сам Аполлон сдаётся.
Сказала Артемида: «Сделай шаг
Решительный!» – «Ты друг мне или враг?» –
Спросил Аполл. Богиня замолчала.
А бесконечность всё вокруг зияла,
Часы глотала пустоты печаль.
И мутно смотрит Артемида вдаль.
И мысли путались, и нету прежней веры...
Летит, летит простор, повсюду ровный, серый.
«Постой, мне кажется, я обоняю дым?..
Иль где-нибудь очаг горит, для нас незрим?» –
«Звук! Слышал ты?» – «Звук!» – «Ах! Чьё прикосновение
Я чувствую... Смотри: то лепесток растенья!
Другой!.. А там – смотри, смотри – вдали
В тумане очертания земли!
Кричат орлы неведомого света!
Я тени вижу: верно, горы это». –
«Да, новая страна! Не может быть обмана –
Достиг!» – кричит Аполл. Но вот стена тумана
Остановила солнце. Клики за преградой
Звучали весело, маня к себе усладой
Загадки радостной. Блеснули письмамена:
«Кто прибыл? Край сей – неприступная страна!
Чего ты ищешь, в чём ты видишь цель?» –
«Ищу миров иных: попыток смелых хмель
Мне голову вскружил, и мне тоска и страсть велели
Погибнуть иль достигнуть дивной цели.
Как мне войти?» – «В печали и заботе
Вы ключ к воротам этих стран найдёте». –
«Придите же, печали и заботы,
Мне нужен ключ!» – «Внимай же, как найдёшь его ты,
Получишь лук и острую стрелу. Но знай –
Одну! Коль попадёшь – войдёшь в сей край.
В стене туманной крошечная щель
Имеется: она дана как цель.
Не глаз, предчувствие тебе должно помочь.
Коль попадёшь, падёт преграда прочь.
Не попадёшь – вернись: навеки непреложно
Закроется страна стеною безнадежной.

Решишь. Вооружись всем духа содроганьем:
Не знанием возьмёшь, а страхом и гаданьем».
Упали лук и стрелы. Тяжкий лук
Валился сам из слишком слабых рук...
Стрелу кладёт... Напряг тетиву... Но сомненье
Вползает в душу в смутное мгновенье.
Глазами ищет цель: ни справа нет, ни слева,
Ни снизу, ни сверху царапины. Без гнева
И без надежды отступил уныло
Аполл: «Задача превышает силы».
И вдруг опять решимости прилив!
И вновь упали руки, не свершив...
В самом отчаянье ища источник воли,
Лук положив, и с сердцем полным боли,
Склонил колени он, лицо своё закрыл
И долго так недвижим он пробыл.
Когда же к свету дня вновь лик свой поднял он,
Не юноша, а муж стал дивный Аполлон.
Вскочил! Схватил, напряг, и смело
Стрела великой воли полетела.
«О, горе мне, коль промахнулся». – Но туман
Уж поднялся, и как девицы стан,
Красавицы, свободной от одежды,
Так высший мир, исполненный надежды,
Стал выясняться, яркий, золотой,
Сияющий улыбкой молодой.
Цветов леса, вулканы мотыльков,
Фонтанов серебро и изумруд холмов.
И взявшись за руки, в молчанье, светлы, строги,
Вступили в высший мир сияющие боги.
И некий призрак тут спустился с гор
И устремил на них свой величавый взор.
На голову Аполла руку возлагая,
Сказал он: «Я, законный повелитель края,
Тебе дарую царские права
На Метакосмоса святые острова.
Пусть именем твоим звучат холмы и доли.
Венчаю я торжественно Аполла.
Тебя венчаю я тройным венцом:
Ты верил – признак благородства в том,

Хотел – и сделала тебя героем воля,
Ты смог – из тысячи тебя избрала доля.
Теперь иди свободно, царствуй смело.
Я кончил, я своё исполнил дело».
И призрак вглубь страны стопой богов пошёл.
И по походке вдруг узнал его Аполл.
За плащ схватил его: «Неправду ты вещаешь.
Ты – демон мой! Ужели отрицаешь?»
И демон молвил: «Да скрывал ли это я?
Скрывала лишь душа смущённая твоя». –
«Но почему ты строг и чужд, огромен станом?» –
«От подвигов твоих я вырос великаном». –
«Зачем покинул нас, когда сюда летели?» –
«Я чтил тебя и ждал тебя у цели».
Тут распрощались демон и герой.
Исчезнул демон. Боги же горой
Пошли, исполнены надеждой сладкой
В стране неведомой увидеть все загадки.

И множество разнообразных чудес нашли Аполлон и Артемида на островах Метакосмоса. Всё, чего можно ожидать в идеальной стране мысли и поэзии. Больше всего восхитила их палата, где пребывали первообразы всех вещей, затем ручей, в волнах которого всякая скорбь таяла и превращалась в музыку, потом лес «Воспоминание», под зелёной тенью которого прошлое являлось вновь молодым и свежим.

В Эйдофане пришли они, долину:
Там «я» твоё, вдруг сбросивши личину,
Открыто пред тобой является самим,
Себе становишься ты ясен, внятен, зрим.
И Аполлон сказал: «О Артемида, ныне
Я душу вижу дорогой моей богини:
Чиста она, как золото». – «О милый,
Не золото одно: зерно в ней светит силы
Живой и тёплой, мягкое зерно
Любовью нежною к тебе, Аполл, полно».

Счастливой вернулась пара на Олимп.
Случилось в полночь этого же дня,
Аполл, внезапно пробудясь от сна,
Сказал: «Что за чарующее пенье

Я слышу при луне? Святое наслажденье
Мне льётся в сердце. Голос мне знаком,
Слова родные, знаю я, о ком
Та песня». Смотрит, и под звёздным сводом
На лунной колеснице лёгким ходом
Несётся Артемида. Спит она,
Слепой полёт свершая среди сна
В высотах жутких. Виснут сновиденья
На мантии её. Фалены внемлют пенью,
Летя за колесом. И удивлённо взоры
Бросают издали светил небесных хоры.
И бессознательно открыв свои уста,
Поёт богиня гимн, и песнь её чиста.
«Я не могу молчать и скрыть я не умею,
Вселенной рассказать я тайну сердца смею.
Богато сердце, поднялось, звучит.
Одеты плечи славой и чело горит
Победою. Но этот свет не мной заслужен,
Его даёт мне тот, с кем дух мой нежно дружен,
Я только зеркало, я бледно отражаю
Того, кого безмерно обожаю.
Орёл полётом, силой лев мой бог,
Но зла творить он никогда не мог.
Куда ни поглядит – вражду он примиряет,
Повсюду благо он и счастье водворяет.
Об имени его ты спросишь? О глупец,
Кому плетут созвездия венец?
Пред кем склонился Зевс? Чьей славы обошёл
План моря и земли? Кто он? Аполл!
Понять его? О дети серой тени,
Чтобы понять его, падите на колени.
Но кто мне милость щедро даровал?
В глаза он мне смотрел, меня он обнимал,
Не гневается он, меня не гонит прочь,
Подругою зовёт. Сияй же тихо, ночь!
Ликует сердце, гордостью полна я,
Мир славой друга сладко озаряя», –
Так пела спящая, великая богиня,
Слепой рукою правя не вершине
Путь колесницы. И Аполл внимал,

И вечный с ней союз он сердцу обещал.
«Куда б я ни направил гордый путь,
О Артемида, рядом вечно будь.
Нельзя нас разлучить, и счастье мы найдём:
В Эйдофане себя мы видели вдвоём!»

Артемида

Песня 6. Посейдон с громом

«Не львиным мужеством, а дейнотериона
В груди косматой полно сердце Посейдона.
Кто средь богов достоин званья льва?
Я да Аполл, таких ведь только два!
И мы друг друга дивно дополняем,
Прогулкой по небу нисколько не прельщаем,
Как делом женственным, люблю грозу и серу,
Люблю озон, люблю хватать чрез край и меру!» –

Говоря так, Посейдон выбрал себе в складе оружия подержанный гром и пошёл искать приключений. Зевс увидел его из окна и со смехом окликнул: «Куда ты?» – «Не достаиваю ответом».

Стал пробовать старый гром: ничего, молния среди дождя была, правда, немного водянистой, но всё же оружие было вполне прилично.

Посейдону хотелось совершить какой-нибудь решительно неподражаемый подвиг. Что бы такое небывалое придумать? Он спрашивал всех встречных: «Что невозможно?» Наконец один подросток дал ему ответ по сердцу: «Невозможно, чтобы воды потекли вверх». – «О, это мы посмотрим!»

Немедленно Посейдон отправился к форелевому ручью. Тот тупо тёк себе вниз да вниз.

«Кто тут богом?» – «Здесь я владыка», – ответил скромный бог ручья Гаргарос. – «Что это ты бежишь всё вниз? Это совсем не остроумно!» – «Нимфа источника по имени Ахис толкает меня». – «Подать сюда Ахис!» – «Я здесь, взгляни милостиво на твою служанку». – «Чем объясняешь ты упрямство, с которым постоянно толкаешь Гаргароса вниз?» – «Бог дождя Катаррей меня к тому принуждает». – «Подать сюда мошенника Катаррея!»

Но Катаррей прислал посла сказать: «Никакого Посейдона не знаю да и знать не желаю». – «Вот как? Ладно!» – вскричал Посейдон и вскарабкался на вершину гор, чтобы встретиться там с Катарреем.

«Эй ты! Будешь ты меня слушаться?» – «Да чего ты, собственно, хочешь?» – спросил Катаррей.

«Хочу, чтобы течение всех вод,
Покорно мне, обратный взяло ход».
Но Катаррей с насмешкой плохо скрытой
Плеснул ему на нос сребристой пеной взбитой.
И оглянулся Посейдон гигантом: «Ну-ка
Ты, небо, примечай! Гляди, земля: тут штука
Такая будет, что лишь ахнут! Эй!
Сюда сберите нимф мне поскорей.
И чад и домочадцев их: ковшами
И вёслами, ведром или руками
Пусть гонят воду вверх! Лентяйку загоняем!
Отучим вниз бежать!.. Итак, мы начинаем».

Сам Посейдон бросился голый в реку помогать. Катаррей на него сверху. Заплескали!

Но словно кошка в разъярённой драке
И фыркает, и нос дерёт собаке,
Так прыгал Катаррей: плевал, чихал
В лицо врагу и пеной ослеплял.
Союзники его сбежались, духи гор:
Ну тоже воду лить на бога! Но задор
Его всё рос: «Ах, подлецы, ах, хулиганки!»
Но тут Гидравл, один из слуг Ананке,
Схватил за ноги, обнял за колени:
«Вниз, вниз, мой друг: таков закон течений!
Вниз, вниз теки, скользи, струись, катись лавиной!»
И Посейдон вниз с отвагою сверхльвиной.

«Ладно, – сказал он, – первый приступ не удался, но погодите!» Он схватил Гигас – свой подержанный гром: «Держись, Катаррей!» Загремел. Но увы! В результате грома ливень только страшно усилился, лужи выросли в озёра, и текучие воды побежали ещё стремительнее. Река окончательно унесла бога в болото.

«Так, – сказал он, – что ж! Пока я разрешаю водам течь вниз». После этого он от усталости заснул. И храпел с истинно божеской мощью.

Между тем около этого же болота гуляла со своей нянькой хорошенькая Элисса, дочь царя Океана. Богатырский храп привлёк её внимание. Скоро она заметила спящего великана и стала его рассматривать. Вдруг он открыл глаза, потянулся и сразу вскочил, как лев. Разглядев девушку,

он бросился за нею. Началась дикая погоня. Наконец Элиссе удалось добежать до моря.

И в волны бросилась. Отечество! Спасенье!
В родной солёной влаге плыть такое наслажденье!
Не посмеяться ли? Чего его щадить?
И с хохотом Тритоны стали бить
В ладоши, на морских конях качаясь,
Над Посейдоном дерзко издеваясь.
А нимфа моря в раковину дует,
Не видя, как титан наш негодует.
Тогда ударил он по морю громом!
Фу, гадость! Взмылось море во влекомом
Ответной силой яростном прибое
И глянуло на Посейдона вдвое,
И в грохоте чертил злых молний моря свет
Его отваге царственный ответ:
«Отпрянь, чудовище, отпрянь, титан,
Элиссе чти. Здесь правит Океан!»
Разинул рот наш бог и говорит: «Чего?
И он гремит? Гром есть и у него?»
А волны, бешено к нему направив бег,
Швырнули гордого на каменистый брег.
Держись теперь, о море мировое!
Ой, Океан, тебя ждёт что-то злое:
Вон грезит Посейдон среди прибрежных скал,
Он никогда ещё так грозно не молчал!
Ах, сдвинул брови, мысль кипит и бродит.
Зубами скрипнул, засмеялся, ходит...
И пальцем погрозил. Вся молодёжь морская
Тут присмирела, спряталась тритонов стая
В глубокий ил. Никто не смел подплыть к утёсу...
Ох! Что-то выдумал – сейчас видать по носу!

Океан волновался. Что же делает Зевс? К нему послал Океан жалобу, чтобы тот унял Посейдона.

Но Зевс сказал: «Фривольные скандалы!
В любовные дела я не вхожу нимало...»

«Ах, знатный господин совсем зазнался. Ладно, мы сами поможем своему горю», – сказал Океан. Он выстроил большую крепкую клетку и заявил, что даст Элиссе в жёны тому, кто засадит в неё Посейдона. Морская молодёжь от-

правилась было в поход. Гордыми рыцарями надвигались панцыренозные раки, плескал хвостом кое-кто из рыб, и даже устрицы были не прочь от совершения подвига. Но Посейдон, пребывавший до того в неподвижности, вдруг почесался, тут все храбрецы рассыпались кто куда.

«Эй, панцирь мне, мой старый шлем, мой щит!» –

Воскликнул Океан. В слезах ему пищит

Старушка Амфитрита. Не внимает,

Берёт он молнию, на лестницу вступает

И к берегу идёт. И тут сбежались волны,

Хвостом виляют, преданности полны.

И прыгают до губ, и весело танцуют,

Как псы, когда охоту близкую почуют.

Но вот, его колени обнимая,

Сбежались все народы, умолая:

«Щади священнейшую жизнь!» Старик

Впал в нерешительность и головой поник.

Тогда явился к нему на помощь хитрый морской дед Протей. Он знал, что Посейдон страдает болезнью сверхсамоуверенности. Он решил попытаться взять его с этой стороны.

А вы в пруд устричный плывите все молиться

Богине Глупости: по плану всё свершится.

Он поставил перед удивлённым Посейдоном клетку и сказал:

«Вот клетка... С виду так себе, а чудо всё ж.

Будь ты могуч, как бог, а в клетку не войдёшь!»

Едва услышал речь такую Посейдон,

Как в море со скалы сейчас же спрыгнул он:

«Кто смел? Как? Кто? Я не смогу? Негодный!» –

«Не сможешь в клетку влезть», – ответил старец водный.

«Ты думаешь? Дурак! Ты проиграл пари!»

На четвереньки встал – и вот уж он внутри.

Хлоп дверь! И рассмеялся мой Протей:

«Гей, пойман Посейдон, он пойман, наш злодей!»

Океан приплыл, ликуя. Но ужас! Дверь была лишь прикрыта, а не заперлась! Хорошо, что ослеплённый гневом бог так и не догадался об этом, а лишь с бесполезной мощью сотрясал прутья, в то время как выйти было так легко.

Но какая опасность висела всё же над морем и его населением!

Тут хитрый дед Протей опять нашёлся. «Весь его гнев происходит оттого, – сказал он, – что ты не даёшь ему Элиссу». – «Об этом не может быть и речи!» – ответил Океан. «Я и не предлагаю, но подари ему на одну ночь какую-нибудь нимфу: ведь, в сущности, ему решительно всё равно». Очень не нравилось это Океану, но, подумав, он всё же кликнул клич: «Превосходительные нимфы и высокогородные nereиды, не найдётся ли среди вас хоть одной, которая решила бы принести себя в жертву отечеству и на одну ночь отдаться ласкам Посейдона? Согласная да появится завтра в гавань». Возроптали нимфы. Всем было понятно, что несмотря на свою государственную мудрость, мера эта была безнравственна.

Но утром приключилось прямо чудо:
Охотницы сплылись к Протею целой грудой.
Все жертвы чистые, в слезах от умиления:
«Я! Я! – кричали, – буду жертвой искупленья!»

Средство подействовало. Целую ночь Посейдон оставался тих, весьма довольный обществом нимфы, выбранной для него среди охотниц по жребию. Он так весело провёл ночь, что храпел потом целый день в блаженном отдохновении.

Но вечером завыл, затряс, забушевал
Он пуще прежнего. Тогда Протей сказал:
«Спокойствие, о царь! Уймём угрозу:
Лекарства мы ему дадим вторую дозу».

Постепенно потребовалась и третья, и четвертая доза и т.д. Такой патриотический порыв охватил нимф, что ни одна не отказалась от своей очереди.

Но Татис старая сказала политично:
«Иль только молодёжь меж нами героична?
Ужели только юность энергична?
Иль старости быть жертвой неприлично?»
Сказавши так, оделась пышно, как на пир.
«Вот я пришла, Протей, чтоб постоять за мир».
«Ах, Татис, – говорит почтительно в ответ
Протей. – Ты слишком знатна и прекрасна – нет,
Тебя отдать ему никак мы не посмеем».
Вернулась Татис злой: «Ох, не прощу Протею!»

Уже пятьдесят нимф отбыло повинность, и Океан снова стал задумываться. Но и Элисса тоже.

«Что за загадка Посейдона клетка? –
Так думала морей золотая детка. –
С рыданием туда заходят nereиды,
Выходят утром с самым ясным видом
И щёлкают так звонко язычком,
Как юркая форель, позавтракав жучком».

И вдруг, совершенно неожиданно для родителей и даже для самой себя, Элисса заявила, что хочет замуж за Посейдона. Так всё уладилось. Посейдон прошёл курс морских наук и сделался вполне желанным зятем Океана и могучим князем всех вод.

Посейдон

Песня 7. Дионис-ясновидец

Зевс ходил однажды вечером по олимпийскому городу. В темноте он заприметил шесть человеческих глаз. Люди молча сидели на скамье. «Можно присесть?» – «Добро пожаловать, царь Зевс». Долго сидели все четверо в молчанье. Наконец один воскликнул: «У меня на сердце болит история об одном мальчике. Она трогательна». Зевс попросил рассказать её.

Однажды лунной ночью, рассказывал незнакомец, причудливый мальчик Дионис проснулся с криком. Дивная дева приснилась ему, и неудержимо повлекло его к ней неведомо куда. «Найди мне лик тот, душа моя, иначе я с презрением отвергну тебя».

И тотчас же вскочил мальчик с постели и пошёл.

Утром он оказался в необозримой пустыне. Взмолился к своему видению, чтобы оно хоть каким-нибудь знаком одобрило его в трудном странствовании.

И когда, выбившись из сил, заснул он, видение явило своё незримое ему, бодрствующему, лицо.

В плаще небесно-голубом, с улыбкой милой

Сплелись в корону ей лучистые светила.

Она сказала: «Детски плачешь ты,

Мой сын, клянёшь меня, клянёшь мечты.

Но я полна любви и не скрываюсь, право,

Твои глаза – слепцы, моей не видят славы.

Взгляни крутом: тебя я окружаю,

Живу в снегах, лугах и в небесах витаю.

Иль ты не слышишь песни ветра и лесов?

Не чуешь духа в беге облаков?

Весь мир до купола мне служит одеяньем,

Оборкой покрывал – борись с его мерцаньем,

Духовный взор ты волей напрягай,

Сквозь ризы к образу прилежно проникай».

Дионис воскликнул: «Горе мне! Я люблю тебя!» – «Если ты победишь позорные оковы тела, если бодрствующим взором сможешь видеть меня в природе – я буду принадлежать тебе в любви». – «Скажи мне, по крайней мере, как твоё имя?»

Я чистый дух, и девственный и строгий,
Моё величье не обнимут слоги
Земного имени, но если хочешь людям
Меня назвать, условимся и будем
Считать за имя верное – Астрайя:
Ведь я царю над звёздами, блистая.

Проснулся Дионис, и опять мир показался ему пустыней. Много странствовал он, много боролся. Хорошим днём считал тот, в который ему удавалось приподнять завесу, скрывавшую от него предмет его любви, дурным тот, в который ни одно запредельное видение его не посещало.

Наконец тело взбунтовалось против постоянного напряжения, в котором держал его дух. Сердце и желудок вступили между собой в переговоры. Сердце обещало представлять его воображению искушающие образы любви, а желудок – отравить его фантазию призраками жирной пищи.

Спустить его попробуем с зенита
Мы властью похоти и силой аппетита.

И тотчас же дух его оказался загрязнённым.

«Ого! – сказал он. – Вот какая шутка:
Грозит мне революция желудка!
Прочь мясо, глина, смолкни ты, предмет презренья,
Лежи в грязи с твоим законом тяготенья.
Смеюсь над похотью твоею и грехом.
Знай, я взойду к Астрайе в звёздный дом», –
Так он сказал, и сладко после горькой муки
Обняли лаской дух симфоньи духов звуки.

И вот в своём непрерывном странствии Дионис пришёл к большому городу. После горячей молитвы своей богине он решил войти в этот город, чтобы исповедовать там свою веру в неё, хотя бы ценой смерти.

Поднялся новый день над розовым рассветом,
И мальчик Дионис, чтоб встретить смерть одетым,
Как должно, весь украсился плющом,
Умылся и пошёл, любовьию влеком,
Чтоб миру провозвестником явиться...
Сияли дивно очи ясновидца.

У входа в город стоял домик, в окно которого меж цветами высывалась милая кудрявая головка. На вопрос Диониса девушка ответила, что город называется Гедон, и,

в свою очередь, спросила его, почему, будучи красив и молод, он выглядит так печально. «Моему сердцу жутко от слишком серьёзного счастья!» – ответил он.

Город со своим деловым шумом, красивыми женщинами, сильными и уверенными мужчинами поразил Диониса. Он вдруг оробел и не решился заговорить со всеми этими разодетыми господами. Правда, он стал было бормотать что-то о голубой богине, живущей над звёздами, но одни посмеялись, другие прошли мимо с полным равнодушием.

Отчаивающийся, униженный, поплёлся он из города, стараясь прижиматься к стенам.

Но вот у выхода из города наткнулся он на компанию гуляк. Пьяный вином, но с головой трезвой, вследствие глубокого отсутствия идей, от природы враг всему скромному, некто Силен заметил его и натравил на него целую ватагу таких же беспутных пьяниц.

Убегая от их гнусного преследования, мальчик, совершенно выбившись из сил, упал в виноградник того пограничного домика, у которого останавливался при входе в город.

Дочь хозяина этого дома Арианья, заметив его, вместе со служанкой подняла его и внесла в дом. И какой радостью переполнился весь домик, когда его обитатели убедились, что Дионис жив ещё. Слово их близкий воскрес из мёртвых.

Некоторое время пробыл Дионис в этой ласковой семье. Но однажды он сказал: «Я окреп, могу вновь страдать. Спасибо вам, милые люди. Завтра я уйду». И всхлипнув, Арианья выбежала из комнаты.

Вечером она стала расспрашивать гостя, что гонит его на опасности. Он с тоской и страстью рассказал ей о великолепной Астрахе. Тогда она обняла его колени и воскликнула: «Прими меня в число учениц как первую последовательницу богини. Правда, я не понимаю, кто она, но с меня довольно, что ты её апостол».

Наступила ночь. И вот Арианья на цыпочках бежит к служанке. «Живо! Накрась мне щёки и рот, подрисуй брови, подведи глаза». Волосы она омыла благовонным маслом, надела красивое платье, подпоясалась красным поясом, а голову увенчала мишурной диадемой. Потом она взяла ку-

бок крепкого вина, в который подсыпала сонного снадобья. Так явилась она в комнату Диониса, в то время как служанка горящим факелом описывала огненные крути. И Дионис поверил ей, что вновь перед ним сама Астрайя. Он выпил вино, и сквозь опьянение мнимая Астрайя повелела ему оставаться здесь, обещая посещать его, если он будет того достоин. Он заснул, и она тоже прилегла на его постель.

Так делала она семь дней, но на восьмой
Страсть всё превозмогла: не совладав с собой,
Забыла всю стыдливость Арианья, в ласках нежных
И поцелуях изливаясь. В безмятежных
Снах потонула в дорогих объятьях...
Проснулся Дионис наутро. О, проклятье!
Астрайи нет, а Арианья рядом.
По краскам таявшим скользнул он взглядом
И тихо вышел, написав привет
Прощальный на стене, гласивший: «Нет!
Обман мне не затмит священной красоты:
Иду искать я ту, кем лишь казалась ты».

Мрачным показался ему и свет и его будущее, когда он вышел на дорогу. «Неужели я скоро умру? Ведь я так молод». Он узнал теперь цену жизни после поцелуев Арианьи.

Вот на дороге богатый монастырь. Над воротами он увидел образ женщины, который показался ему совсем подобным Астрайе, и в восторге выкрикнул он её имя.

Спросил привратник из окна: «Чему ты рад?» –
«Астрайи образ встретил мой счастливый взгляд!»
Заблеял в ужасе привратник: «Астарота!
Покров мой! Что он мелет про кого-то?
Какая там Астрайя?» – «То богиня,
Царица чистая небес, моя святыня,
Моя невеста. Средь снегов и гор
Я удостоился зреть той богини взор!»
Орал привратник: «Набожные люди!
Сбегитесь! Астарота, с нами буди!
Здесь богохульствуют!» Бегут на крик монахи
В смятении, неистовстве и страхе.
Но Корибас, аббат, спросил: «Какой ты веры?»
Не испугался Дионис: пусть лицемеры
Скрывают истину свою. Чистосердечно

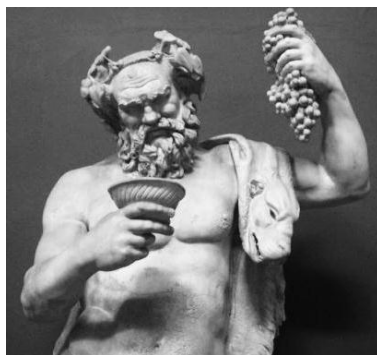
Он рассказал, как красотою вечной
Блистая перед ним, Астрайя появилась
В плаще небесно-голубом, и как светилась
Звездами колесница: всё, что пережил...
И кулаком лицо аббат ему разбил.
«Признай богиню Астароту! <И> брось несть
Вздор, нечестивый!» – Между тем уж весть
О богохульстве разнеслась повсюду.
Гремел набат, столпились люди в груды:
«О, ужас! Охрани нас, Астарота!
Хула на бога! Бейте идиота!»
И, как на зверя, бросились и травят.
Богов гоненьем, нечестивцем славят!

К ночи полуистерзанный, умирающий Дионис очнулся в кустах. Свои страдания он считал справедливой карой за горе, которое причинил своим близким, покинув их внезапно.

Так казнь терпел несчастный Дионис.
Холодного утра отсветы раздались,
И, каркая, примчались вороны: «Кар-р! Кар-р!
Поэт глаза, пророк нам сердце отдал в дар».
Дождь капал: «Жизни цель – навоз, и мозг и кровь
Растят, сгнивая, репу да морковь».
А ветер просвистел: «Что вонь, что сладкий запах –
Нет разницы: всё чад у смерти в лапах».
И много лет прошло. Вот из чужих сторон
Приходит странник в этот град Гедон.
«Что это, – говорит, – за чудная часовня?» –
«Склонись: святыни сей едва ль есть ровня!
Тут домик некогда стоял, где Арианью
Обрёл бог Дионис своей благою дланью». –
«Кому воздвигнут в городе собор,
Чей купол золотой мой привлекает взор?» –
«То Диониса храм. Стоит на том он месте,
Где бог наш город удостоил чести
Своих проповедей». – «Что за священный ход,
Плющом увит, навстречу к нам идёт?» –
«Потише! Жриц Арианьи аббатиса –
Корибазида шествует. В честь Диониса
Поют: “Оге, Бво!” С ней идёт вся знать,
Сонм гордых дам и белых дев-красавиц. Стать
Поторопись ты на колени, чтобы жрицы
Не разорвали нечестивца, как тигрицы».

Так загадочным голосом рассказывал в ночи на скамье неизвестный. И Зевс спросил: «Уж не сам ли Дионис ты? Какой награды хочешь ты за чудную повесть?»

«В награду за неё – в честь Арианьи милой,
Лежащей вдалеке под тихою могилой,
Произнеси хвалу из царских уст твоих».
Поднялся Зевс, величествен и тих,
И провещал средь ночи: «Мертвецам
Сначала шлю я всем привет. Как храм
К молитве девы гроб Зевеса призывает,
Арьяня, или как тебя земля не называет, –
Патос! Ты мальчика с земли подняла тело!
Патос! Ему любовью сердце отогрела!
Патос! Ты умерла, о нём тоскуя!
Священна будь ты мне!.. Но не люблю я
Ни храмов, ни монументов, ни месс.
Знай лишь, что помнить будет о тебе Зевес».
Так царь молился. Шапки сняв, стояли
Три незнакомца и ему внимали.
И он сказал: «Спасибо вам. Мой срок истёк.
Уж на Олимп зовёт зардевшийся восток.
Вот вам моя рука. Ночь эту не забуду
И в некий вечер вас гостями ждать я буду».

Дионис

Песня 8. Гифайст-карлик

Однажды Паллада и Афродита ловили вместе рыбу у пруда. Рыба так и валила к Афродите. Как ни меняла место Паллада – всё то же.

Тогда она рассмеялась: «Не хвастай! С людьми было бы иначе». – «А почему бы?» – «Потому что в тебе нет духовной красоты». Тогда Афродита предложила Палладе пари: кто из них, не выходя из пределов персикового сада, заставит первого попавшегося мужчину признать, что солнце зелёного цвета, – та будет победительницей. Паллада согласилась.

Первый мужчина, который им попался на глаза, был строгий учёный врач Асклеп. Тотчас же атаковала его Паллада: разными софизмами, с множеством «а всё же», «тем не менее» и «хотя» она старалась помутить его разум. Наконец, сплетя хитроумную логическую паутину, она спросила: «Итак – решай: какого цвета солнце?» – «Гм, – отвечал Асклеп в затруднении, – это трудно решить. Для этого слова недостаточно точны. Что-то среднее между жёлтым, зелёным, синим и красным. Я ищу соответственного выражения, но не нахожу».

Тогда к работе приступила Афродита. Она схватила врача за руку и, как дитя, побежала с ним вглубь сада, сорвала персик, откусила кусочек, а остальное положила в его рот. Паллада насмешливо смотрела на её ухищрения, говоря про себя: «Для чувства всё это годится, но какая в том логическая сила?»

Между тем парочка исчезла.

Но кто там скачет мячиком в аллее?
Ужель достойнейший Асклеп? Ног не жалея,
Он прыгал, напевая танцу в такт:
«Оно зелёное, как травка, как смарагд.
Да! Солнце зелено! Коль повелишь,
О Афродита, серое, как мышь!
Но месяц бел, он бел, благословенный!
Я знаю это, я – Асклеп блаженный...»

Так Палладе пришлось признать себя побеждённой.

После обеда обе богини отправились погулять по городу Олимпу. Толпа глазела на красавицу Афродиту. «Увы, Паллада! – вздыхала она. – Мне тяжело и стыдно от этого

нелепого обожания. Ты счастливее – тебя не преследуют повсюду восхищённые взоры». – «Но почему же ты не носишь вуали?» – был ответ.

Но вот у дверей своей лавочки сидит горшечник Гифайст, угрюмый с виду карлик, и расписывает свои горшки. Он не обратил на проходившую мимо Афродиту ни малейшего внимания. Не понравилось это тщеславной прелестнице. Она подошла к нему и несколько минут смотрела на его работу.

Так постояв, она спросила смело:

«Что ты рисуешь?» – «А тебе какое дело?» –

«Эй! Повернись ко мне!» – «Зачем я повернусь,
Я в жизни видывал и не такого гуся».

Паллады смех потряс кругом все зданья.

А Афродита: «Он получит наказание!»

Но Паллада решила взять Гифайста под своё высокое покровительство и не допустить мести Афродиты. И вновь предложила Афродите пари – что скажется сильнее на старике: благословения Паллады или напасти Афродиты? Победительница должна получить от побеждённой какую-нибудь редкую драгоценность. В судьи предложила им себя представлявшая перед ними вестница Ананке Ирония.

Чтобы знать, как поядовитее повредить Гифайсту, Афродита стала подсматривать за ним и подслушивать. И однажды она услышала песенку, которую он мурлыкал себе под нос, размалёвывая свои горшки.

Гифайст я, скромный малый, делаю горшки.

Я не творец, творят пусть боги да божки.

Природе подражаю, груб и прост,

И карлика мне дан с рожденья рост,

Невзрачное лицо пестрят ещё изъяны,

Напоминаю я наружность обезьяны.

И всё-таки – люли! – счастливей белки я,

Счастливей Зевса! Моего житья

Привольней нет. Иль всё, что есть на свете,

Мне не дано? Смотрите-ка на вазы эти:

На милых черепках найдёте вы, по чести,

Вещь каждую на самом верном месте.

Красива будь, дурна, полезна или зла –

Мне всё равно: она с собою принесла

Мне радость. Например: осёл иль крокодил.
Ну кто ж их милыми, скажите, находил?
Но набросаю я их кистию привычной:
И рожа каждого вдруг станет симпатичной.
И сам не знаю, как оно выходит!
Я не желаю знать! Но радость в сердце бродит!
Эй, разлюли-люли! Не счесть богатств земли:
Гляди да радуйся! Эх, люлюшки-люли!

Карлик стал потом хвалить свои ноги: пусть они коротки и кривы, но носят его по земле и показывают ему её дива. Но тотчас же Афродита поразила параличом его ноги. Заскучал было Гифайст. Но Паллада вставила ему вместо окна волшебное зеркало, в котором он мог видеть отражение всего, о чём бы ни подумал, правда, в уменьшенном виде, но не искажённом. Карлик остался вполне доволен своей судьбой.

Тогда Афродита пустилась на нечто гораздо более злое. Она решила сделать бедняка смешным. Для этого она вселила в его сердце пожирающую, восторженную страсть к Гере.

Гера, высокая, гордая царица неба и старый, полусумасшедший плебей-карлик. И жалко и смешно было народу смотреть на Гифайста, когда он лил при виде Геры глупые слёзы любви, выкатывал глаза и вздыхал. Скоро его имя стало нарицательным в округе. Он заперся в свою берлогу и старался изнурением плоти вышибить из себя чудовищную любовь.

«Ну, – издевалась Афродита, – ну, Паллада,
Теперь тебе подумать над лекарством надо!»
Паллада молвила: «Чудачество и стыд
Одна лишь слава в сердце исцелит».

Она отправилась к Гифайсту купить у него один из его кувшинов. «Бери любой черепок!»

Она выбрала лучший и подарила его Зевсу. И восхитился Зевс, и стал всякому показывать шедевр в великом изумлении.

И всё вертел кувшин, и вновь и вновь дивился,
И наконец похвальным словом разразился:
«Но это необъятно! Кто и где живёт
Такой художник?» А Паллада: «У ворот

Торгует он Олимпа. Называют
Его Гифайст!» – «Пускай же запрягают
Почётную карету. С барабанным боем
Ему приём мы во дворце устроим».

И довольный, покачиваясь на пружинах кареты, при-
ехал карлик.

И во дворце, в блестящей царской зале
За нектаром, когда его богини окружали
И боги, чувствуя себя учениками,
Ловили взор его смиренными глазами,
Когда царь Зевс принёс красивый том
И изречения попросил в альбом,
Ему сказала милостиво Гера:

«Тебе приятно здесь? Но для примера
Скажи, чем можно одарить тебя?»

А он молчал, страдая и любя.

Сконфузила божественная ласка,
И на лицо вступила густо краска.

«Скажи же, – молвил Зевс, – как объяснить молчанье?»

Он прохрипел: «Имею я желанье
Поцеловать мизинца Геры кончик». – «Ну, –
Сказал с улыбкой Зевс, обняв свою жену, –
Мы с Герою тебя, мой гном, даруем
Губами в губы смачным поцелуем!»

Вскочила Гера: «Мне уродец честный
Милее, чем иной кокет прелестный».

Глаза закрыла и, сцепивши зубы,

Поцеловала карла прямо в губы.

И громом разразилися рукоплесканья,
Смеялось весело богов собрание.

Гифайст был нем. Нежданный поцелуй
Его ошеломил. Ликуй! Ликуй!!

Вдруг сжалось сердце... Сладко растворилось,
И радость в бороду потоком слёз пролилась.

Он смог вздохнуть, вернулся голос вновь.

Тогда неистово он выразил любовь:

Кричал и пел, такт отбивая кулаками.

И целоваться лез, как пьяный, он с богами.

И всех, кто ни был во дворце, собрал Зевес,
Чтоб показать им чудо из чудес:

«Глядите-ка сюда, исполнитесь участия –
Завидно подлинное карликово счастье».

Ирония признала Афродиту побеждённой. Паллада красовалась выигранным у неё поясом и говорила всем с улыбкой: «Отгадайте, откуда у меня эта прелесть? Подумайте, мне подарила это моя добрая дорогая Афро». И все смеялись.

Песня 9. Гилас и Калайда идут через горы и долины

<Лирическая фантазия о любви бога Гиласа и нимфы
Калайды*>

Гилас и Калайда

* Перевод этой песни А.В.Луначарским выполнен не был. – Прим. публикатора.

Песня 10. Гермес-искупитель

Однажды некий юноша бросился к ногам Гермеса: «Никто напрасно не умоляет тебя!» – кричал он. Гермес милостиво поднял его и спросил, в чём дело. «Недалеко живёт в своём дворце княгиня нимф Майя, юная, прекрасная, полная добродетелей, но бесконечно больная печалью. Со дня смерти своего супруга Плутона она буквально увядает с тоски».

«Горе моему бессилью! – ответил Гермес. – Мои познания излечивают многие горести, но не скорбь о почивших».

Вскоре какой-то муж предстал перед Гермесом и повторил мольбу о помощи Майе и её народу. «Мы – народ рабов, – жаловался он. – Майя, конечно, по-прежнему добра, но она вся отдалась чужим попам-могильщикам. Это бесполезные бесстыдные евнухи, лицемерно выдающие себя за почитателей почивших. Они всё время воздают божеские почести праху Плутона, и вот вместо живой работы, гения, искусства повсюду видишь лишь облака ладана и слышишь одни панихиды».

Но Гермес всё же отказал от своей помощи.

Едва прошёл он дальше сотню шагов, как к нему бросилась женщина. Она рассказала ему, что от Плутона родился у Майи мальчик Мелон. Но она, потрясённая скорбью о супруге, родила его в бессознательном состоянии. Кто-то украл ребёнка. Женщина знала кто! Это жрецы. Они построили над могилой колоссальный храм и в нём замуровали живого ребёнка, которого хотят медленно умерить там.

Потрясённый Гермес решает спасти ребёнка. Когда он пришёл в страну Майи, она показалась ему вымершей. Только могильные столбы высоко поднимались отовсюду, и торжественно унылые процессии ползали с заупокойным пением.

Встречные предостерегают Гермеса: всё мужеподобное ненавидит Майя, из всех мужчин терпит она только своих дряхлых советников. У ворот страны Гермес видит надпись:

О чужестранец, если добр ты, благороден,
То просьб моих язык не будет здесь бесплоден:
Щади мою печаль. Священнейшая тень
Препятствует гостям войти под эту сень.

Почти же боль мою и мой отказ прости.

Иди, о странник, прочь и счастлив будь в пути.

Гермес, несмотря на эту надпись, идёт дальше и находит вторую:

Невежа, кто, с великодушьем не знаком,

Ногою дерзкою своей сквернит мой дом,

Узнай: несчастье ждёт тебя за сим порогом.

Отпрянь! Мне не хотелось бы во гневе строгом

Карать тебя. Ты хочешь сесть у очага

Плутона? Помни: я безжалостно строга.

Осмелишься ль с покойником сравниться?

Заставлю я тебя на то решиться:

Задачи дам тебе, коль будут непосильны,

Ты будешь изгнан со стыдом насильно,

Наказан срамом будешь ты навек,

И справедливо, дерзкий человек!

Гермес не побоялся и этой угрозы и прошёл внутрь дома. Глухо зазвучали его шаги в покоях Майи. Испуганный слуга сказал Гермесу, что она сама на молитве в саду у памятника Плутону вместе со старшим жрецом Бабо.

В круглой зале дворца подымалась беломраморная голова Плутона с кудрями из чёрного мрамора, придававшими статуе странно живой вид. Гермес обратился к ней: «Плутон, слушай моё обещание: твой гнев – мой гнев, я отомщу за твою жену и за твоего сына». И вдруг статуя шевельнула губами: «Благодарю. Благословляю».

Всплеснул руками Бабо: «Преступление!

Перед Плутоном он не гнёт колени!» –

«Склоняться в прах обыкновенья нет

У нас ни перед кем, – Гермес ему в ответ. –

Но ты как смеешь, шапки не ломая,

Стоять перед Гермесом, тварь дрянная?»

И палкой сбил он шапку с головы:

«Почтительность забыли, видно, вы».

Тот, ядовитую слюну пустив, отпрянул.

Но Майя крикнула – ответ ей тотчас грянул:

«Мы здесь!» Два великана стали перед нею.

«Схватить его!.. Я наказать тебя сумею.

Не розги ждут тебя, а скорпионы,

Я с радостью твои услышу стоны.

Никто мной не был столько ненавидим:

Решешь ли ты задачи, мы увидим».

Двенадцать задач должен был исполнить Гермес согласно закону, установленному Майей для чужестранцев, осмелившихся войти в её жилище. Во-первых, он должен был отправиться вместе с царицей в дикое ущелье, из глубины которого слышится адский оракул. Согласно ему покойный князь предсказывал события следующего дня. То же должен сделать теперь и Гермес.

Стоя над бездной, Гермес сказал Майе: «Дай мне руку, я не могу иначе предсказывать». Она согласилась, и тогда он провещал:

«О завтрашнем грядущем внемли вести.
На завтра ты, подобная невесте,
Как никогда юна, красива, весела,
Отбросивши тоски болезнь, исчадь зла,
В цветочной колеснице и цветном наряде
Покажешься народу в оживлённом граде,
Весну повсюду возглашая. И с тобой
Поедет некий друг, дарованный судьбой».
И выдернула руку Майя: «Лжёшь!
И здесь же суд таинственный найдёшь».

У ущелья росло дерево, которое опускало свои ветви, когда князь ошибался, и подымало их, когда он верно толковал оракул. С надеждой смотрит на него княгиня, но дерево стоит, высоко подняв свои ветви.

И молча с ним вернулась в колесницу.

И были полны дум прекрасные их лица.

Наконец она сказала: «Это уж не о себе ли предсказал ты, что станешь мне другом?» – «Вовсе нет. То будет мальчик. То будет твой сын». Княгиня залилась слезами. Но вдруг она укусила себе до крови руку.

«О злой Гермес, великодушна я.

Дивись: победа в этот раз твоя –

Я признаю. Я знаю, лжёшь ты гладко,

От этой лжи на сердце стало сладко,

Но всё же лжёшь ты! Счёт твоих побед

Оставит на руке кровавый след». –

«О, жалко мне руки твоей, хоть плачь:

Подумай, бедная, ведь дюжина задач!»

Взволнованная и испуганная, княгиня бросается к своему Бабо.

«О Бабо, милый Бабо, помоги в беде ты.
Лоб от стыда, рука от раны в кровь одеты.
Опасен чужестранец: он проник
Мне сквозь глаза, туда, где грёз родник.
Уж испытанье первое сдержал,
А кто б пред ним, казалось мне, не пал?
Он сердцеведец. Мне страшна его наука».
А Бабо: «Тонкому труд грузный будет мука».

Тогда Майя приказала Гермесу перетащить в погреба два огромных котла угля. Гермес устроил блок и кран и легко переправил тяжесть куда надо было. «Это обман, это не сила», – сказала Майя.

Иль сила заключается в кряхтенье?

Поверь, что сила лучшая – уменье.

Получив приказ очистить конюшни, Гермес передал его слугам и объяснил: «Ты хочешь, чтоб я сравнялся с твоим супругом, но разве покойный князь сам чистил конюшни?»

Так разрешил Гермес и ещё несколько испытаний.

И этим вечером беседовала Майя
С великим гостем. Ночь спустилась, день сменяя,
Глядело в окна старых дней воспоминанье.
И речи прекративши, струн златое рокотанье
На лютне разбудила, горе изливая
И благодарную любовь к супругу Майя.
Окончила и лютню протянула:
«Гермес, теперь бы я охотно отдохнула –
Сыграй». – «Твоей я подчиняюсь воле».
Взял лютню, вместе с ней взял сердца боли,
И продолжал, что начала она.
И пела лютня, к ней участием полна.
Но он играл сильней, искуснее княгини,
И ритм и форму дал в тонах её кручине.
Она молчала. Таяла печаль...
О чём-то грезилось, чего-то было жаль,
И слёзы хлынули. Тогда она вскочила:
«Да что же это? Всё ты знаешь, гость? – спросила. –
Ах, говори ответ! – и села вновь. – Ах, трудно
Читать в тебе, дно глаз твоих так смутно...
И речь свою и лик меняешь свой:
Один наружно, а внутри иной».

«Но тогда я похож на тебя», – ответил Гермес. «Докажи!» – закричала она в гневе. – «Мне не трудно доказать это. Ты стараешься наружно быть жестокой и злой, а внутри у тебя мягкое зерно, и душа твоя сияет любовью и добротой».

Кровь бросилась в её лицо. И вдруг она великодушно протянула ему руку: «Друг, это равняется пяти решённым задачам. Горе мне, что могу скрыть от тебя?!» Задумалась. И вдруг спросила: «Но что думаешь ты о верности?» – «Бедность и малодушие цепляются за верность», – ответил он. – Но искание великого духа верит в постоянное обновление».

Страшно раздражил Майю этот ответ: «Это гвоздь в моё тело, ядовитая колючка! Прочь дружба, по-прежнему я ненавижу тебя».

Она предложила ему новое испытание. Целую ночь они будут играть в замысловатую игру. Во-первых, он должен постараться выиграть. А во-вторых, утром он должен будет угадать, где она была всё время. К ночи началась игра. Майя играла нечестно и постоянно придиралась и ссорилась. Но Гермес всё-таки выигрывал. «Ну, это ничего. Выигрывай себе! Но ты никогда не узнаешь, где провожу я эту ночь», – смеялась Майя.

Сидели за игрой. Часы шли за часами.
Приспела полночь лёгкими ногами.
И головой кивнув, покинув тихо тело,
Душой княгиня Майя отлетела.
Но тело всё ж осталось за столом,
Игру ведя, и с песней о былом.
Но осторожен был Гермес и, наблюдая,
Заметил, как главой кивнула, отлетая
Душою лёгкою, княгиня. Тотчас он
Оставил тело сам. И дух, освобождён,
Понёсся вслед за нею. У стола сидело
Теперь, играя, два бездушных тела.
Через поля, холмы летела Майя вдаль
И, видно, знала путь – вела её печаль.
Вот поле дикое, внушающее страх,
И тёмный лес вокруг, и в синих холм лучах
Луны. <И> тут упала с плачем на каменья

Княгиня, чтоб проклясть, оплакать преступленье.
«О повелитель мой, украла смерть тебя,
Мой несравненный муж: трудна, трудна борьба.
Не оставляй меня. Дай одолеть чужого,
Изгнать его из сердца моего больного.
О, пожалей, яви любимый лик,
Предстань передо мной, таинствен и велик».
Не появлялся он. Лишь тишина зияла.
И, вся согнувшись, Майя застонала
И волосы рвала в неукротимой муке...
Вдруг возложил Гермес на голову ей руки.
«Оставь, – сказал, – ты мёртвым их пути:
На зов не могут к нам они прийти.
Но их далёкий голос ты услышать можешь,
Коль бездны ада чарой превозможешь».
И мокрое от слёз лицо она подняла,
Но дивного Гермеса не узнала:
Без маски тела он стоял пред нею,
Как бог, сияньем чудным пламенея.
«Кто ты? – спросила. – Голос твой мне жало
Изъемерет из души, что сердце истерзало». –
«Я – Лизиос. Любовь дарит мне власть,
Я состраданием смягчаю боль и страсть».
И он жезлом земное тронул лоно:
«Я – Лизиос». – «Достоин ты поклона
Земли, – ответил голос бездны дальней, –
Коль Лизиос ты точно. Погребальный
Спой гимн о мертвецах, чтоб мы тебя узнали».
И он открыл уста, и очи заблестали,
И громко он запел в пустыне, в ночи тёмной.
Людскою мерой не измеришь той огромной
Волшебной песни: кто её услышит,
Тот не забудет песню, пока дышит.
И чу... В ответ тысячегласно зазвучал
Из глубины глубин умерших душ хорал.
И Майя, плечи Лизия обняв,
С ним вместе пела, горький плач уняв.
И вот от хора отделился могучий мужественный голос.
«Я голос узнаю, сквозь смерть сюда звучащий.
Супруги Майи голос то. Но прежде слаще

Он мёда был, теперь слезами напоён.
Какой печалью дух мне милый отягчён!»
И бросилась на землю Майя и, рыдая,
«Плутон!» вскричала. Но княгиню подымая,
«Плутон, – сказал Гермес, – твоя жена больна
Тоской. Вся в память о тебе погружена –
Она живую жизнь пренебрегает.
Пусть ныне голос твой совет ей провещает».
И голосом любви Плутон ей дал совет:
«Отшедшей тени не удержишь, Майя, нет!
Отбрось же яд тоски. Как ты бы ни хотела,
Согреть холодное моё не сможешь тело.
Путями разными и жизнь и смерть идут,
Борьбу другую души там и здесь ведут.
Несу я долг свой здесь, вернись и ты к нему,
Свет радости отдай вновь духу твоему.
Уйми ты бесполезные рыдания.
Так сделай – таково моё желанье».
И Майя вскрикнула: «Коль воля то твоя,
Я покорюсь, возьми тоску – послушна я!»
И быстрым летом возвратилась в дом,
И полетел Гермес за ней её ж путём.
Вошли в тела, сидевшие бездушно
За хитрою игрой, и дальше равнодушно
Игру продолжили, как будто всё в порядке.
Меж тем проникло утро в комнату украдкой.

Майя спросила: «Скажи же мне, Гермес, где я была в эту ночь?» – «Ты была в двух местах. Твоё тело находилось здесь против меня, душа же витала в иных пределах». Она побледнела: «Где же, хитрый, где?»

«Взгляни в лицо моё. Задай себе вопрос –
Кто я? Узнала? Утешитель Лизиос».
Её шатнуло, обожгло. Но вдруг шипяще
Она сказала: «Лжёшь! Я помню: настоящий
Великий Лизиос тебя куда прекрасней».
И поднял тут Гермес свой лик спокойно-ясный,
И вырос, и предстал ей образ бога,
И провещал торжественно и строго:
«Я тот, кто твои все решил задачи,
Кто пел с тобою там, в долине плача,

Кто голос мужа твоего призвал из ада,
Кто излечил тебя, чьей силою отрада
Уже зажглась в душе. Он, Лизиос-Гермес,
Ждёт преклоненья пред собою здесь».
Она глядела. Страшная борьба
Её терзала. И узнала. Как раба,
К ногам его вдруг бросилась, рыдая,
И обняла его колени Майя.
«Благословен ты, Лизий, светлый бог!
Ты победил, Гермес, я здесь, у ног».

Тогда Гермес приказал одеть её в самое весёлое и прекрасное праздничное платье, увенчать её локоны короной и убрать её цветами. Во дворце он открыл все окна и проветрил все залы.

«Смотри, на юных утренних крылах
Весна вспорхнула с радостью в очах.
Во всех углах зазеленело, запестрело,
Раздался добрый смех, и песня зазвенела,
Весёлою толпой наполнились дороги.
Но к нечисти мы будет очень строги!» –
Сказал Гермес. И в колесницу впречь
Коней окованных он повелел. Стеречь
Княгиню сам взошёл он в колесницу с ней.
«Высокая жена, любуйся и владей».

Через всё княжество он проехал к мрачному надгробному храму Плутона. Жрецы выли, глядя на них с его кровли.

«Разрушить лицемерия твердыню!» –
Сказал Гермес. Смотрели на княгиню
Жрецы и ждали, что отвергнет
Она такую грубость. «Пусть низвергнет».

И когда храм лежал в развалинах, раздался детский плач и вместе с тем пронзительный материнский крик Майи, крик муки и счастья: ей несли её Мелона. Бабо и его припешников она хотела предать пытке, но Гермес не допустил: «Не думай, что мне жаль этого отродья, но олимпийцы питают отвращение к пыткам».

И став перед лицом Плутоновой статуи,
Спросил: «Скажи, Плутон, страдая иль ликуя
Ты видишь дело рук моих?» И загремел

Из камня голос: «Радостный сумел
Ты праздник мне устроить в память, друже!»
И, затянув ремни сандалий туже
И посох взяв, пошёл Гермес тайком.
Но во дворе дворца увидел он с сынком
В объятьях материнских Майю. «Ах, терпенье!
Не уходи, не дав ещё одно решение
Задачи: женщина была больна,
Друг исцелил её. Что дать ему должна?»
Он улыбнулся: «Мой ответ даёт желание:
Да сохранит она о нём воспоминанье». –
«О, нет! Отбросив гордость, самый стыд,
Она ему любовь и всю себя дарит!
Уйди, коли не мил тебе подарок Майи,
Но видишь: просит сын, ручонки подымая
За маму...» Он остался. Золотою
Весною расцвело их счастье молодое.

Песня 11. Паллада и Пеларг

Паллада тоже отправилась на землю. Едва въехала она в первый земной город, как была окружена толпой нищих. Осторожно подвигалась вперёд богиня, чтобы не ушибить копытом коня какого-нибудь ребёнка. Для многих находила она ласковое слово. Потом сорвала с себя ожерелье и бросила перлы в толпу. Толкотня удесятилась. Быстро явилась на место полиция Ананке со своим полицмейстером мастером Смертью во главе. Смерть взял под уздцы лошадь Паллады и повёл прочь от толпы вздыхавшую от жалости богиню, наполовину против её воли. Какой-то ломовик не уступил сразу дорогу Смерти. Произошла перебранка и, недолго думая, Смерть раздавил Ломовика под его же грузом.

Разгневалась богиня и с позором прогнала мастера Смерть ударами, едва ему удалось убраться галопом. Но радость богини была окончательно отравлена. Как можно радоваться своему божескому счастью, когда на земле столько горя? Её щеки покрылись краской стыда перед своим бессилием. Протест против неведомой причины всего этого страшного бытия шевелился в её сердце. Ясно, что не всё в порядке в мире, раз место полицмейстера занимает в нём Смерть.

Между тем мастер Смерть помчался прямо в верховное Мировправление. «Кто тебя обидел?» – спросила Мойра. – «Паллада». – «За что?» – «За исполнение моих прямых служебных обязанностей». – «Ладно, ты получишь удовлетворение: я поведу её к горе Пеларга!»

Собачка, посланная Мойрой, искусно заманила Палладу на дорогу к этой горе. Паллада внезапно увидела перед собой необъятное кладбище и целый город церквей. Тяжёлое тысячеголосое молчание царило над ними. И на мысль Палладе пришло, что существуют миры, о которых и невдомёк олимпийцам.

Чу... Глухо бьют литавры в отдаленье,
И хор поёт. Там чьё-то погребенье.
Всё ближе, ближе звуки, и в долины
Спустился ход печальный, тёмный, длинный.
Предшествовало знамя чёрное, за ним
Жрецы, мужчины током чёрным и густым

И катафалк, разубранный цветами.
Быть может, гроб скрывался под венками?
И сзади женщины с рыданиями, гнуса
Молитву странную, кого-то в песнях славя.
Все били в грудь, все были полны горя:
Казалось, разливалось скорби море.
И слышался с высокой колесницы
Молящий голос скрытой там девицы.
«Жестокие, жестокие, как сталь!
Ужели вам меня, несчастную, не жаль?
Ужели беспощадней вы, чем звери?
Влачите вы к Пеларговой пещере
Меня, где смерть мучительная ждёт.
И в чём вина моя? О ты, трусливый род!
Никто средь вас за слабую не встанет,
Никто руки мне в помощь не протянет.
Ещё вчера меж тем, как вкрут царицы пчёл
Ваш хоровод похвал венец мне плёл».

«Стой!» – крикнула повелительно Паллада. Ропот встретил этот приказ. Ей объяснили, что всё совершается согласно воле святого Пеларга, великого Гиерая, старика горы Молчания. «Сойди с коня и преклонись!» – закричал объяснявший всё это жрец.

И когда ничуть не убеждённая Паллада хотела освободить девушку, все эти тысячи плакальщиц и молельщиков превратились в сонм каких-то разъярённых чертей. Подумавши, она сказала: «Тут нужен Гермес». Паллада направилась к Майе. Гермеса она нашла спящим. Ему снился сон ясновидца. Около него сидела Майя и тоже видела его сновидение и писала его тут же, набрасывая картины. Едва приблизилась Паллада, как Майя воскликнула: «Прочь от священного счастья!» И вскочила, полная ненависти: «Проклятие тебе, ты приходишь, как враг!» – «Гермес не может принадлежать женщине, – ответила богиня. – Его задача не осчастливливать, а спасать. Что делать героям в раю?»

«Кого надобно спасать?» – спросил Гермес и поднялся от сна. Но Майя порывисто бросилась к нему: «Выбирай между мной и ею!»

Гермес решил: «Хотя и поступаю
Неблагодарно, но как муж я выбираю:

Меж женщиной и делом выбор предрешён». И Майю всю в слезах хотел покинуть он. Тогда она схватила за руку Палладу.

«Коль я смогу, забыв и ненависть, и боль, Другой его отдать, то ты сказать изволь, По меньшей мере, любишь ли его ты, И окружают ли нежные заботы Любимого? Не женщина, куда Влечёшь его? Ужасного следа Не скроешь! Вижу я по пыли платья, С горы Молчания, с горы проклятья Явилась ты. Зовёшь ты милого в пещеру Пеларга Гиеравса. Превышает меру Сил бога та опасность, что даришь Ему ты для начала». – «Говоришь Ты правду», – отвечала ей спокойно Паллада. – «Иль в груди твоей нестройно Не бьётся сердце, не пророчит бед?» – «А почему бы, – говорит Паллада, – нет». От этих слов притихла сразу Майя, Почтительно на дивную взирая.

Она почуяла дары души сильнейшей, Гораздо высшие души её нежнейшей, И тоном жалобы, глаза подняв едва, Сказала трепетно печальные слова: «Простите, боги сильные, нас бедных, Для наших душ, и зябнущих, и бледных, Чтобы согреться, ищем теплоты сердечной. Нам трудно знать, что счастье скоротечно, На гнев нет силы. Руку дай, Паллада, Гнев, гордость – всё пускай умрёт с отрадой. Но я прошу, не покидать мой дом Врагами. Вместе вечер проведём, Я расскажу, что о Пеларге знаю, И если вас, как я предполагаю, Ничем нельзя от плана отклонить, Совет мой будет в пользу, может быть».

И вот что рассказала богам Майя: В долу Молчанья есть гора, вернее, гроб – Там и живёт Пеларг – ужасный поп.

Не силою ужасный, нет, наоборот,
И слаб и еле-еле что живёт.
Быть может, прежде совершал он преступления,
Но прошлое его ушло давно в забвенье:
Теперь он дряхл, почти холодный труп,
Дух отлетел, он немощен и глуп.
Не меньше тысячи годов он носит,
Но смерть его из мира не уносит.
И потому, что смерть ту отдаляет
Дочь старца Гагия, она употребляет
Для этого все средства. Спрятала в пещеру
Отца, где Атанаст лежит: тот камень серый
Непереносен Смерти. Окружён, как бог,
Пеларг заботами, чтоб умереть не мог
От дряхлости. Ни ветерок, ни свет
В пещеру не пройдут. И звуку места нет
Вокруг постели. В темноте молчанье
Тихонько кружится, давя собой шептанье.
И сонм врачей больного окружает.*
Лекарство страшное нашла её любовь:
Питанье старца – дев живая кровь!
Он в чашке крови каждый час черпает силы,
И кровь ту льют ему искусно прямо в жилы.
О, сколько юных пало жалкой жертвой,
Чтобы жил старик, тупой и полумёртвый.
Всё это истина, всё так, вы мне поверьте.
Гермес сказал: «Вот где есть дело Смерти».

Из дальнейшего рассказа выяснилось, что население страны, ослеплённой дочерней любовью Гагии, впало в какое-то безумие и безропотно доставляет Гиераю кровь собственных детей, даже высоко гордится этим. Паллада торопила Гермеса: «Да, всё правда. Остальное пусть расскажет меч».

Но Майя отрицательно качнула своими роскошными локонами. Она продолжала рассказ:

«Допустим, что каким-нибудь чудом вы пройдёте сквозь толпу поклонников Пеларга и его жрецов к горе: ни один глаз не в состоянии найти там вход в пещеру. Но если бы

* В переводе отсутствует парный стих. – *Прим. публикатора.*

даже вы нашли дверь, как прошли бы вы по чёрному туннелю, ископанному волчьими ямами? Наконец, у самой пещеры живёт исполин Олим*, который может подставить тебе спину, как наковальню, ибо никакие удары ему нипочём. Дальше ты встретишь змею Гипокризис**, сочащуюся страшным ядом.

И, наконец, я вам последнее скажу:
Пеларга ничьему не поразить ножу,
Кто б ни взглянул в его чела морщины,
Вдруг погрузится памятью в пучины:
Во взоре глупом теплится бывшее –
Благоговейно вдруг погасит чувство злое.
Седая древность дремлет в старике,
И ты опустишь нож в расслабленной руке.
Но Гагия подкрадётся бесшумно,
И от её ножа падёт герой безумный.
Лишь женщина сильнее того очарованья –
Ей помогает против чар непониманье.

Боги внимательно выслушали всё это. Все трое разошлись в задумчивости и легли спать.

Гермес, когда все звуки в доме онемели,
В поля пошёл, тихонько встав с постели.
И чрез оракула таинственный проход
По чёрным ступеням к Аиду он идёт.
В колодец огненный Изиды, что сверкает,
Как солнца блеск, копьё он погружает,
И раскалилось оно, и пламя
Хвостом за ним виётся, словно знамя.
Конец меча вложил в огонь потом
И вензель огненный им в сумраке ночном
Он описал. И так вооружён,
В постель свою вернулся к утру он.

Царица Майя была бесконечно грустна и не произнесла на прощанье ни одного слова. Но когда она ласкала коня Гермеса, то потихоньку поцеловала ногу дорогого бога. Гости уехали.

За ними вдалеке и несколько пугливо
На кляче ехал мастер Смерть неторопливо,

* Олим – некогда, когда-то. – *Прим. переводчика.*

** Гипокризис – лицемерие. – *Прим. переводчика.*

Так сзади льва, когда как князь пределы лена*
Обходит он, трусит хромой рысцой гиена.

Едва увидел их народ, поклоняющийся Гиеравсу, как бросился навстречу, махая оружием и кулаками. Впереди жрецы колебали огромное чёрное знамя. Народ стал в ужасе разбегаться. Гермес же вонзил своё копьё в землю, и оно сияло огненным флагом.

И вот они у горы. Долго ехал Гермес на своём коне вдоль каменных стен, и конь стучал копытом, чтобы найти место, где эхо глухим отзвуком выдадо бы пустоту. Наконец это место было открыто. Ударом молота Гермес проломил себе дверь. Не страшна была ему и Палладе темнота хитрого туннеля: лезвие меча светило им ярче факела, и золотой пар дыхания коня отражался на стенах, а сзади сквозь брешь долетал до них в промозглый воздух коридора вольный ветер небес.

Посредине прохода напал на Гермеса великан Олим. С ним трудно было что-нибудь поделаться: со смехом подставлял он спину ударам бога и ждал, пока он выбьется из сил. Но Паллада зорко смотрела за Олимом и заметила, что он попивал жадно от времени до времени из глиняного кувшина. Длинным копьём своим она вдруг разбила тот кувшин в черепки. Взыл великан, ибо именно этот напиток давал ему его чудесную выносливость. «О Пеларг! – кричал он. – Конiec твоему верному Олиму!» И действительно, скоро он рухнул под сокрушительными ударами Гермеса.

Недалеко от главной пещеры они слышали раздражённое бормотанье и визг старика, сильно пахло гнилью и разложением. Вдруг со свистом ринулся на Гермеса змий Гипокризис, сплетённый из сотни змей. Но три священных слова произнёс Гермес, и при каждом из них слабел, а при третьем околел отвратительный гад. Те три слова были: Жизнь, Свет и Смелость.

Боги проникли в преддверие центральной пещеры. Тут на полу валялись кости и женские черепа. Между ними вились длинные тяжёлые косы, кое-где лежали бледные обрубки человеческого тела. На жертвеннике посредине

* Лен – земельное владение. – *Прим. публикатора.*

лежала связанная и с заткнутым ртом та самая девушка, которую встретила накануне на колеснице смерти Паллада. Тотчас бросилась богиня освобождать её, а Гермес вошёл в покой старика и невольно остановился у порога.

В толпе врачей, пришельцем возмущённых,
В величественных колпаках учёных,
Средь разных тиглей, склянок и горшков,
Бинтов, аптечных мазей, порошков,
Которые воняли остро-кисло-сладко,
До тошноты всё пропитавши гадко,
Сидел Пеларг, сам ветхий Гиерай,
Глядя бессмысленно на одеяла край.
Расслабленный, не мог он сам держаться:
Дочь Гагия поддерживала старца.
То с льстивым взором блюдечко давала,
То мягкие подушки поправляла
И лепетала ласково, заботой
Тяжёлою не тяготясь. Но идиота
Раскисшего ничто не умиляло:
Рука пыталась бить, да всё не попадала.
И от тоски ль, от боли ль заскулил,
Забормотал он и тихонько взвыл.
Взор освещён порой был отблеском далёким
Давнишней юности, и старец мутноокий
Как будто полон призраками был
Былых вещей. Мир пращуров в нём жил.
И в нём читал Гермес глазами ясновидца
И жаждал прошлого историей упиться.
Дней первых открывалась летопись всё шире
И складывалась в песнь о странном чуждом мире.
Но, чу! Раздался громкий крик орлиный
Паллады вместе с плачем девушки невинной.
Гермес очнулся и, коня прищпоря,
Он ринулся вперёд. Тогда, с судьбою споря,
Ему рванулась Гагия навстречу,
Щитом простёрла руки. Чуждой речи
Не понял слов Гермес, но понял взгляд страданья,
Не знал, кого разить из этих двух созданий
Преступных, и копьё то к шее старика,
То к груди Гагии клонит его рука.
Но кто осмелился толкнуть его? В грудь девы
Его копьё толчком вонзить? Он полон гнева

Глядит и видит лик Паллады. «Это я!
Заколебалася уже душа твоя,
Но казнь ей поделом! Преступна тут пощада.
Теперь рази Пеларга!» – говорит Паллада.
Но незачем разить. Опору потеряв
И страхом потрясён, упал он, завизжав,
И вылетело вон последнее дыханье.
За страшные дела свершилось наказание.

Между тем образумившийся народ коленопреклонённо
окружал огненное знамя Гермеса. Гермес, Паллада и спасённая ими девушка были встречены кликами ликования. Но что это за фигура в чиновничьем мундире и с орденом на груди? Да это мастер Смерть! Он вдруг вскочил на самую вершину горы Молчания и стал плясать на ней, пока громовым шумом не обрушилась она и не превратилась в столбы праха.

Смотрели все глаза на эти тучи пыли.
Палладе прошептал тут Смерть: «Не вы ли
Мою полезность отвергали? Может быть,
Пример сей в силах вас немного просветить». –
«Да верно, нужен ты, в тебе я пользу вижу,
И всё ж тебя всем сердцем ненавижу,
И всё ж ты негодяй!» И дело сделав, боги
Поехали домой, и веселы, и строги.

Паллада

Песня 12. Аполлон-герой

С удивлением заметил Аполлон, что иной раз, когда он на радость всему миру подымается на своей колеснице, кто-то пускает в него камнем из засады. Большого внимания он, однако, на это не обратил. Но однажды он встретил Гермеса, вид которого был сильно озабочен. Он сознался Аполлону, что судьба последнего его несколько беспокоит. Дело в том, что против Аполлона куются опасные ковы: заключён уже направленный против него союз, во главе которого стал народ плосконогих. Народ этот живёт в болотах, покрытых такими густыми испарениями, что взор олимпийцев туда не проникает. Но с некоторых пор раздаются оттуда воинственные крики и шум: очевидно, подготавливается какая-нибудь гадость. Один из видных деятелей этого народа, трусливый Какоклес, и швыряет порой камнями в Аполла.

«Я не даю тебе советов и не обещаю помощи, – прибавил Гермес, – ни в том ни в другом Аполлон не нуждается».

«Спасибо, друг, но мне позволь ответить, –

Сказал Аполл. – Ужель тебе заметить

Такого человека привелось,

Что ненавидит Аполлона? Брось!

За что и злому злиться? Ведь покуда,

Сияя всем, кому я сделал худо?» –

«На всё ты смотришь сверху, мчась в эфире,

Иначе жизнь идёт внизу, в болотном мире.

Ты мнишь, что доброта и скромность суть щиты

От зависти людской? Аполл, ошибся ты!

Ты царственно прекрасен, светло благ –

Тем ядовитей ненавидит враг!

Как? Ты летишь всё выше в высоту?

Простит ли это уж? Приятно ль то кроту?

Как скользким кожею простить твоё сиянье?

Подслеповатым – красок, образов даянье?

Или покой божественный чела –

Не вызов гордый всем исчадьям зла?

Вооружись и осторожен будь», –

Сказал Гермес и продолжал свой путь.

Аполл подумал: «Злые! Вот загадка!

Ведь добрым быть так просто и так сладко».

В общем, Аполлон был очень опечален. Несносна была ему мысль, что кто-то проклинает его существование. Он молился своему демону, чтобы тот поддержал его в час горького сомнения в себе.

Я мнил, что лишь добро всему на свете значу...
И вот теперь... Душа болит, я чуть не плачу...
Коль может человек врагом мне быть, то, может,
И вправду плох я? Вот что сердце гложет.

Он требовал от демона верховного суда. Быть может, собственная совесть не в силах открыть ему в нём самом какой-нибудь отвратительный порок? Тогда он готов немедленно сойти с солнечной колесницы.

Но демон явился ему и сказал: «Спокойствие, Аполлон. Ты много раз испытан и можешь быть уверен: кто враг тебе – тот зол».

Немного дней спустя в столице плосконогих
Собрался высший штаб, совет из лиц немногих,
Но избранных: князья и дипломаты
Да полководцы – все краса сената.
Зал крепости на острове озёрном
Служил им кровом, и кругом дозорным
Конвоем окружён был совеща́нья зал,
Чтоб кто чего из тайн совета не узнал.
И стены замка были, словно скалы,
И окон не было, свет шёл чрез купол залы.
В присутствие явились все, кто зван,
И видно было, что серьёзен план.
Все лица были мрачны, словно гробы:
Всё государственные люди высшей пробы.
Решить вопрос огромный час пришёл:
Союзная война! Поход, чтоб пал Аполл.
Давно уж плосконогие со страстью
Мечту сию лелеют... Что же медлят власти?
Поднялся с места плосконогих Зевс –
Король Гангрены, затхлый Пионевс.

Речь его доказывала необходимость сокрушить невыносимую надменность Аполлона. Для этого надо было создать большой флот воздушных кораблей, ибо нельзя же бороться с солнцем на суше.

И многое было готово. Целая эскадра воздушных шаров, механаутов, летучих змиев. Но наибольшую надежду возбуждал гигантский воздушный корабль в милю длиной, окрещённый звучным именем гангреноптер. Отравленное выдыхание миллионов лёгких должно было быть утилизировано: сконцентрированное в особый газ, оно подымет великий корабль и послужит для него движущей силой.

Затем Пионевс предложил выслушать доклады двух государственных мужей: военного министра Фавлонида и дипломата Какоклеса, ездившего за границу с особой миссией.

Уже самая физиономия Фавлонида внушала полную уверенность в успехе. «Мы готовы, – сказал он. – Всё до последней пуговицы. Для тушения солнца уже построен огромный паровой шприц. План военных действий зрело обдуман. Сначала нервы Аполлона будут расстроены криками и ругательствами. Затем на маленьких аэропланчиках тучами окружают его пигмеи. Разными хитростями они подготовят главную атаку. И вдруг придёт в действие вышеупомянутый шприц-солнцегаситель». В подробности министр отказался входить.

В отличие от его оптимистической речи доклад Какоклеса вызвал всеобщее разочарование.

«Моё путешествие привело лишь к весьма частичному и ограниченному успеху, – говорил он. – Только клопы и им подобные паразиты, затем вороны и близкие к ним пернатые пожелали заключить с нами союз. Большинство человеческих народов, несмотря на все мои клеветнические усилия, осталось равнодушным к нашему плану. Есть даже опасность, что в случае нашей победы над Аполлоном они набросятся на нас же. Но в неудаче я не виноват: я лгал что было мочи. Что поделаешь! Большая толпа непонятным образом относится к Аполлону с восторженной любовью.

Я не без ужаса подумал даже,
Что, раб отсталости и солнцелюби,
Несчастный род людской вовеки не поймёт
Ни прелесть плесени, ни дивный смысл болот».

И свой доклад Какоклес закончил весьма пессимистически: «Мне кажется, что мы не имеем никаких шансов на победу».

Собрание было сильно смущено. Но в это время луч пролетавшего солнца проник в залу через купол. Поднялись крики ненависти: «И это-то называют красотой?» – шипел один. «Ни дыма, ни чада, только глаза слепит», – критиковал другой. «А рельсы? Где рельсы?» – иронически спрашивал третий.

Но Какоклес пребывал в неподвижности. Он глядел на солнце со сжатыми кулаками, глазами полными ненависти, со ртом, открытым, словно для укуса. Все умолкли. «Смотрите, слушайте – он творит!» – пронёсся шёпот. И он сказал:

О братья, вам могу совет победный дать:
Противосолнце мы должны создать!

По мысли Какокlesa, знаменитый химик Авгий способен на такое великое дело: «Ведь богатства наших болот неисчерпаемы. Заметьте: наше солнце будет не только пускать облака дыма, но ещё выть и свистать. Это солнце будет поставлено на наш гангреноптер».

План создать химическое солнце был одобрен. Решено было проповедовать народу новый символ веры:

Вот Оц-Копроц, великий славный свет –
Другого солнца, кроме Оца, нет!
Лишь Оц, есть Оц! Молитесь солнцу Оцу,
Сияющему вечному Копроцу!

Это решено было проповедовать повсюду, бия в литавры и трубя в трубы.

Упрямы люди: всё ж есть доступ к их уму,
Коль трубишь здорово – поверит он всему.
А богохульников, что не поверят, надо
Избить! Пускай умрут от тяжких камней града.

«Ну а если кто-нибудь увидит, что солнце наше не светит, – спросили Какокlesa, – а только дымит, и станет кричать об этом?» – «Тогда я закрою глаза руками, – отвечал он, – и закричу: не смотрите, не смотрите на Оца, что-бы он не ослепил вас, как ослепил меня!»

Когда к Авгию обратились с просьбой сделать солнце, которое не только блестело бы, но дымил и свистало, он сморщил нос и произнёс: «Только-то?»

Скоро готов был асбестовый шар, полный всякой гадости. У этого солнца была длинная труба наверху, и оно с шипением клокотало горячими смолами.

Сначала при виде нового солнца массы народа плосконогих отнюдь не пришли в восторг. Дым, чад – хоть нос затыкай. Но когда Какоклес пустил в ход все свои приёмы пропаганды, это подействовало. И вот гангреноптер, дрожа всеми своими рёбрами, гремя машинами в брюхе, тяжёло поднялся с земли и засвистел всеми своими свистками. Народ остался доволен.

Вот Оц-Копроц, великий славный свет, –
Иного солнца, кроме Оца, нет!

Литавры, трубы гремели. Несколько еретиков было побито камнями. «Видите, – говорил Какоклес, – дело прошло глаже, чем я думал».

Сам Какоклес надел на себя ризу, всю усеянную золотыми звёздами, и объявил себя главным жрецом солнцего Оца. Наполовину он сам уже уверовал в него. С умилением стоял он на четвереньках перед алтарём Оца, устроенном на гангреноптере. По стране же шёл слух, что Какоклес есть воплощение нового бога.

Аполлон между тем пребывал в чистых эфирных высотах Метакосмоса. Возвращаясь оттуда, он с удивлением заметил на дороге какой-то чад. Когда он приблизился, раздался предостерегающий крик: «Бог Аполлон, враг приближается!»

Аполлон оглянулся на Артемиду и сказал: «Любимица моя, хочешь ли быть моим ловким оруженосцем в предстоящей битве?» Конечно, она с радостью согласилась.

Между тем туча чада всё приближалась, и края её горели медным заревом. Словно привидение, высилась над нею высокая труба. Над трубой носились стаи крикливых ворон. Хор голосов орал:

Вот солнце верное, вот он – великий Оц,
Лишь Оц есть бог, бог истинный – Копроц.
А богохульников, неверующих надо
Избить! Пускай умрут от тяжких камней града!

На небольшом воздушном шаре подлетел вестник и спросил, согласен ли Аполлон погасить своё солнце и пре-

клониться перед Оцем. Иначе солнце Аполлона будет погашено насильно – таков категорический приказ Какоклеса.

Какой там Какоклес? Не знаю Какоклеса!

Приказы Оцова попа? В них нету веса.

Мне солнце погасить? Мне Оц-Копроца чтить?

Иль солнце вас слепит? Могли б зонты купить.

Вестник удалился, и туча вновь стала надвигаться. Уже можно было в чёрном разглядеть ещё более чёрное ядро, дегтярную звезду. Всё время свистели свистки и грохотали машины. Гангреноптер летел, подняв нос кверху. Огонь в огромной печи поддерживал Авгий со своими подмастерьями. Какоклес молился.

Страшно разгневался Аполлон, разглядев всё это. Атака началась. Кругом себя Аполлон видел лишь дикие глаза, красные пасти. «Никогда не предполагал я, что под небесами живёт столько подлых созданий!» И он не мог удержаться от смеха. Поставив подле себя копьё, он наблюдал. Артемида, любуясь, склонилась перед ним. «Как ни прекрасен был ты, – говорила она, – когда направлял свой великий полёт в Метакосмос, как ни прекрасен среди тысяч тамошних чудес –

Ещё прекрасней ты, во много раз прекрасней,

Когда из глаз твоих блестит огонь опасный

И на губах презрительно и гордо

Дрожит улыбка... Вкруг все эти морды!

О, зрелище, достойное богов:

Один великий против тьмы врагов!

Я, бесполезная, я, выродка без силы,

Как я могу вместить твой образ милый?

Не преклониться, я б хотела ниже стать

Самой земли и на тебя взирать,

Обнять, но не тебя, а след твой, тень твою:

О, слишком много счастья, я тебя молю

Остановись, за шагом исполина

Не в силах мысль поспеть!» – молилась так богиня.

В это время Оц-Копроц замыкал. Какоклес перед жертвенником рвал волосы и бороду и в исступлении призывал гибель на голову нечестивого Аполлона. «Властью слуги солнца я повелеваю тебе, Фавлонид, быть беспощадным», – визжал он.

После некоторого колебания Аполлон бросил своё меткое копье в гангреноптер. Какоклес был смертельно ранен. На минуту нападавшие смутились. Но вновь тучами закружились пигмеи на маленьких аэропланах, старясь острыми крючьями зацепить ноги Аполлона, опутать ему руки сетями, набросить петли на его шею. Впрочем, наиболее умные из них держались на почтительном отдалении. Аполлон начал разить. Прوماхов не было. Артемида, вся разгорячённая битвой, подавала стрелы и дротики. Сравнительно немногими ударами первый приступ был отбит.

Ветер земли сказал тогда ветру неба:

Иди сюда. Хочу поговорить. Скорее!
Ты думаешь, как трус пребуду я, глаза
С опавшими щеками, как болваны
Ничтожные сгубить хотят Титана?

Оба ветра принялись дружно дуть на флот плосконогих и их союзников. Треть воздушных корабликов была опрокинута.

Меж тем гангреноптер открыл по солнцу бомбардировку водяными гранатами, а шприц стал поливать его грязной водой, полной дохлых крыс и живых лягушек. Аполлон со своей стороны погнался на врагов широкую волну солнечных лучей. Вся вода превратилась в густой пар. Гангреноптер, выбрасывая воду, кувыркался, оставляя широкий след вонючей смолы.

Околевал уж Какоклес, и смерти тени
Окутали и взор и мысли. На мгновенье
Очнулся он от криков жалких. Аполлон
Сиял над ним, победой озарён,
Над головой его метал он яркий луч,
У ног влюблённая подруга, из-за туч
Над горизонтом дальним, словно звёзды ночи,
Из Метакосмоса друзей сияли очи.
Боль ран и близость смерти заглушила
В нём зависти безмерной злая сила,
И новой ненавистью старую скрепляя,
В душе он шарил, там найти желая
За несколько минут до чёрной смерти
Сюрприз, какому бы порадовались черти.
Чтобы наследством бога отравить,

Вред причинить и гибель, может быть.
«Нашёл, нашёл!» И манят его руки,
И мигом подлетает Авгий, князь науки.
«О Авгий мой, ты ль это, друже, ты ль?
Скорей беги и отыщи бутылъ
Да пробку плотную. Сейчас издохну я:
В бутылку пусть войдёт душа моя.
Ты пробкою закупорь дух зловонный
И положи бутылъ в огонь кухонный».
Едва сказал слова те Какоклес,
Как пал. И дух из тела перелез
В пузатую стеклянную реторту,
Что Авгий вовремя ему приставил ко рту.
«Ну, солнце, – говорит, – теперь потухни!»
Закупорил и побежал на кухню.

Ужасное зловоние распространилось вокруг, притом
оно не уменьшалось, а всё росло. Само солнце покраснело.
И вонь, черна, как ночь, густой волной плыла,
До дальних уголков мир целый обняла.
А что ж пигмеи, что же плосконогих род?
Ты думаешь, задохлись? Нет, наоборот,
Как в скверной пище видишь ты под микроскопом,
Как плавают, тошноту вызывая, скопом
Микробы и бактерии, хвостами
Виляя радостно и целыми роями
Ежесекундно размножаясь, так тот смрад
Болотный род приветствовать был рад.
И, расправляя грудь и мускулы вольготно,
Живительную вонь вдыхали преохотно.
Забыто поражение. Словно пьяны,
Храбриться стали. Били в барабаны,
Готовились напасть напором новым:
Ведь вонь и мгла служили им покровом.

На Аполлона, наоборот, зловонье подействовало, как
сильный яд. Невыносимое отвращение овладело им. От-
вращение это превратилось в бешенство, когда он увидел,
как ободрились его враги.

Гниль, трусы вы, слеплённые из грязи,
Вы злопахательные маги безобразий –
Оружье стоит вас! Вот с кем прямой Титан
Сражаться должен. Но урок вам будет дан.

И он сыплет удары, но гнев и мгла ослепляют его, и часто насмешливый хохот врагов указывает на промах. Между тем дыхание его становилось всё более прерывистым, и с тоской видела Артемида, как он пошатывался иногда от головокружения. Но её гордость не позволяла ей выражать ему сострадание. Вместо этого она притворилась весёлой и стала танцевать вокруг Аполлона, пока он не улыбнулся, хотя и с трудом, преодолевая себя. А враги кричали:

Шатается! Смотрите – стонет, издыхает.

Сомкнёмся, пусть наш род Аполла доконает!

Последнее своё копьё бросил Аполл и сказал: «Если так устроен мир, то я не хочу жить. Поистине устало моё сердце. Приди, уничтожение, общество слишком дурно!!» И, сжав кулаки, он три раза плюнул во вселенную. Артемида готовилась умереть с ним.

Но что за дух, повелительно разделив пьяное от предвкушения победы войско, приблизился к Аполлону, неся ему чашу? То его победный демон. Едва коснулся Аполлон устами священного вина, как усталость оставила его. Теперь казалось, что его окружает целый оазис эфирного сияния. Между тем враги орали:

«Юхгуй, вот наступает корпус плосконогих:
Погасим солнце! На началах строгих
Подтянем небо, горы все сравняем,
Мы плоскогый марш богам привить желаем!» –
«Стоп, торопыги! – хохотал Аполл. – Вы рано
Мир пачкать стали, от успеха пьяны».

И дав рулём солнцу направление прямо на гангреноптер, он сказал Артемиде, чтобы она обняла его и крепко держалась за его шею.

И прежде, чем ждала – враг оказался близко:
Аэрокорабля огромнейшая миска,
Как привиденье чёрное, дыша огнём,
Летела, и враги бесились на нём.
Топтались тупо в танце неуклюжем,
Смеясь, печь правил Авгий болтом дюжим.
Глаза закрыла Артемида и на грудь
Широкою героя бросилась прильнуть.
И бледное чело сокрыла: «Мой дружок,
Не бойся, лишь держись! Ага! Вот так толчок!»
Удар, взрыв, треск! И солнце закачалось,

Кружа ей голову: «Что, детка, испугалась?»
Дождь щебня, щепок и куски большой трубы,
Град угольев горящих и, как гром судьбы,
Ужасный грохот, будто светопреставленье.
Где ж гангреноптер? Атомов паденье
На землю – след его. Соперник солнца, где ты?
А солнца диск царит, сверканием одетый.
И колокола звоном загудел
Немой обычно луч, чтобы земли предел
Оповестить, как тысячи фанфар,
Что победил Аполл войны пожар.

В ответ раздался другой хор труб. На белых крылатых
конях летело войско вассалов Аполлона из Метакосмоса.
Хотя оно и прибыло с опозданием, но занялось теперь
окончательной чисткой воздуха.

И глядя вниз, где тысячи сражённых
Лежали, где рыдали дети, жёны
Среди пожарищ чёрных поля битвы,
Аполл свой дух настроил для молитвы.
«Средь всех желаний самым дорогим,
Царём души моей, любимейшим моим
Желанье было быть в крови и плаче
Невинным. Тяжкий рок судил иначе.
Вот я – герой! Убийца – значит это!
Как грустно мне... Но солнечного света
Пусть не мрачит кровавый знак. Тебе,
Создателю миров, тирану иль судьбе,
Как ни зовёшься ты, я этот знак швыряю
Презрительно в лицо! То, что я здесь свершаю –
Твои жестокости, всему виновник ты,
Ты разрушаешь мирного мечты;
Убийства враг не может быть спокоен,
И воином становится не воин», –
Так он молился, и его широкий жест
Благословил всех павших. Но уже окрест
Гремели клики радости, приветы
Героям. Толпы без числа и сметы,
Родных земель народы, отовсюду
Махали, пели и дивились чуду.
Вон там Гермес, вон Афродита, вон Паллада.

А вот и Зевс стоит на высшей башне града,
К челу подьѐмлет руку, царственно склоняясь.
И лепестки цветов по ветру, улыбаясь,
Им Гера шлѐт. Поют, поют, коврами
Им машут. И обеими руками
Благодарит Аполл. Но счастье слишком сильно,
И жатва зрѣния чрезмерно изобильна,
И слѣзы потекли из глаз героя-бога,
Поднялась вздохом грудь, вместившая так много,
И Аполлон, почти готовый зарыдать,
Объятия раскрыл, чтоб к сердцу мир прижать.
«Я счастлив! Благородным всё же нет числа!
Ко мне, все, все, чтоб всех душа любить смогла!»

Аполлон

Часть четвёртая

КОНЕЦ ВРЕМЕНИ РАСЦВЕТА

Песня 1. Афродита

Афродита была полна честолюбивых снов и желаний. Ей мечталось, что когда-нибудь она станет настоящей госпожой мира. Вот почему в своих путешествиях на землю она не остановилась у положенной Мойры границы и нарушила запрет вступать в область людей.

Правда, пробравшись туда, она подвигалась вперёд не без опасений и вся задрожала, когда из чащи леса выехал ей навстречу Пан на своём единороге. Но потом она собралась с духом и сказала: «Доброе утро! Хорошая погода сегодня. Скажи, иду ли я по верной дороге к земле?» Пан посмотрел ей в лицо умными глазами, поморгал немного и уехал, ничего не сказав. Афродита показала ему язык за спиной. Скоро она стояла у дома с вывеской «Гостиница человеческой жизни». Она с осторожным любопытством заглянула через забор. Сад и беседка были полны лечащимися гостями, которые лежали в качалках. Некоторые медленно прохаживались, опираясь на палки, набалдашниками которым служили маленькие черепа из слоновой кости.

И старенький рояль в столовой, префальшивый,
Похожий на скелет, старался как-то криво,
Костями щёлкая и дребезжа, всё вновь
Упорно наигрывать им танец мертвецов.

Дальше богиня увидела крестьян, работавших в поле и, решившись заговорить с людьми, подошла поближе.

Высокая, блестя богини взором,
Она казалась ярким метеором.
Смотри, в траве, под деревом вишнёвым
Ребёнок в люльке под тенистым кровом
Лежит; мать издали следит за ним,
Он взором любящим и ласковым храним.
На цыпочках на пашню потихоньку
Богиня всходит, молча смотрит на мальчонку,
Грозит рукой и долгим жутким взглядом.

«Мужчинка ты, машинка, очень надо
Хвалить тебе судьбу: будь старше ты чуть-чуть,
Без кары ты б не мог в лицо моё взглянуть».
Так думая, набрала с дерева пучок
Созревших вишен и вложила в кулачок.
Что это? Сахар? Молоко? Суёт их в рот.
Но ягод он не знал, помуслил и кладёт.
И, вишню разорвав, кусочек запихала
Ребёнку в рот она, потом поцеловала
И стала петь: «Беда тебе, ребёнок,
Яд поцелуя Афродиты тонок,
Он вкусен, действует не очень скоро,
Но верно. Будешь раб любви, и взора
От женской красоты не сможешь оторвать.
Усад, пороков будешь вечно ты искать.
Чужд добродетели и разумом нестроен,
Без счастья, мудрости и вечно беспокоен,
Воскликнешь: “Суета!” и вновь искать покоя
Взойдёшь, бедняк, на ложе сладострастия злое.
И станет пуст котёл, и лампа догорит.
И надпись на плите надгробной говорит:
“Мужчина, женщиною мужества лишённый”.
А, ты кричишь, ты тянешь, словно иступлённый
С мольбою ручки? Нет! Я жалости не знаю.
Прочь сострадание – сердца я разбиваю.
Ах, это чудно! Пусть среди мужчин всё вновь
Звучит победный клич: “Жизнь – есть любовь!”» –
Так пела. И пошла потом украдкой
В сознании, что поступила гадко.

Но мать издали заметила высокую женщину, бормотавшую что-то над её ребёнком. Она закричала: «Эй ты, проклятая ведьма, ты, чудовищная великанша, стой! Со знавайся, что ты сделала с моим ребёнком?» И стала швырять ей вслед камни.

Но вот бежит толпа крестьян на крик,
Несётся впереди отец, большой мужик,
Махая топором. Она остановилась,
Сложила руки за спиной и в них вонзилась
Очами ясными, сильна красой.
Прыжками неуклюжими, босой
Приблизился мужик, отчётливо не зная,

Грозить ли только или бить. Глаза, сияя,
Его остановили вмиг. Ему на ноги
На безобразные глаза глядели ясно строги.
Попятился мужик и снял колпак свой пёстрый.
На плоское лицо взор перенёсся острый,
Он густо покраснел и опустил зрачки.
Волшебный взгляд скользнул с лица на кулачки.
Он выпустил топор. Стоял он, как горбатый,
И что-то лепетал, огнём стыда объятый.
Приблизилась. Ещё раз осмотрела
Всё бледное, всё трудовое тело
И слово едкое, презренья горький дар,
Сказала: «Человек, зачем ты стар?»
И повернувшись, удаляться стала.
«Что тут случилось?» – «Что она сказала?»
Пустил насмешку кто-то, он ответил криком,
Другой наддал – и в исступленье диком
Ударил он, и, злые как собаки,
Сплелись мужчины в разъярённой драке.

Афродита между тем вошла в мирный провинциальный городок. Улицы его были пусты. Она шла в невольном страхе по теневой стороне, заглядывая, однако, в окна и двери домов. И когда при виде её кузнец выпускал из рук молот, писец ронял перо, она была довольна. Но всё же надолго невозможно было остаться более или менее незамеченной, будучи Афродитой. Заглядевшись на неё, какой-то кровельщик упал с крыши и убили. Собралась толпа. Скоро выяснилось, что причина падения – эта странная незнакомка. Поднялись угрожающие крики. Афродита струсила и побежала по переулкам, гоня перед собой ещё более перепуганных, чем она, кур. Собака лаяла позади. Богиня чуть не опрокинула какую-то старушку, которая сначала шарахнулась от неё, а потом долго проклинала, потрясая ей вслед своей клюкой. Дальше лошади какой-то грузной телеги с кладью испугались её и понесли. Были жертвы. Богиня совсем растерялась: «Глаза мои, глаза мои, – говорила она, – куда мне спрятаться?».

Наконец она забежала в какую-то совсем тихую улицу. Сюда выходила ратуша. Двор её спал, а посередине бил фонтан, украшенный группой мраморных нагих нимф. Тотчас же в голову Афродиты пришла забавная затея. Она

живо разделась, спрятала сандалии и платье и, подпрыгивая, присоединилась к группе, приняв среди других красавиц неподвижную позу.

И мрамор уст недвижных дев с приветом
Ей прошептал: «Богиня, дивным светом
Высокой красоты ты миловидность нашу
Затмила, пожелав собой фонтана чашу
Украстить. Если мы не падаем к ногам,
То потому, что камень тел мешает нам.
Мы статуи, ослаблены в нас чувства,
Прости произведения искусства».
Король ручья меж тем запел в семь струй
Прекрасной гостье: «Дух мой, возликуй!
Уж вечность целую теку я в сих местах,
Мечтая об истоках и моих лесах,
И среди ровных дней день радостный настал,
Что мне красой красот полюбоваться дал.
Когда бы трубки мне гортани не сжимали,
Моей живой души свободы не лишали,
Я, как пожар, как вихрь, понёсся б по долине,
Громовым языком глася хвалу богине.
Но я не виноват. Красавица, прости,
И мой подарочек ты к сердцу допусти».
И меж семи ручьёв семь красок он заплёл,
И радугой фонтан, как счастьем, расцвёл.
Меж тем советники, болтая меж собою,
Спускались с лестницы степенною гурьбою.
Вдруг удивились. «Что за шутка? Нимфой новой
Украшен наш фонтан, даю я слово».
Тут голова сказал: «Подумать здраво –
Так то сюрприз от граждан для управы».
И стал хвалить подарок, но особо
Почтившие их даром тем особы.
И выбор как хорош: что в свете есть святее,
Чем тело женщины, подобное лилее,
Когда его без риз и лишних украшений
Дарует нам искусства чистый гений?
Все хлопали: «И кто пред наготой
Не чувствует один восторг святой,
Кто низкой чувственности раб послушный –

Пускай живёт со свиньями в конюшне!»
Тут подошли те из состава гласных,
Которые с ним не были согласны,
Наморщив лоб, они ходили вкруг,
Ценители искусства: «Милый друг,
Вы правы. Выражение, улыбка
Не худы. Жизни мало всё ж». – «Ошибка
В руке...» – «И неестественные ноги». –
«Зализано», – промолвил кто-то строгий.
«Всё ладно слишком, правильность есть яд».
Судья сей, надо знать, заметно был горбат.
Тут подошёл один большой хитрец,
Он растопырил пальцы: «Наконец,
То мрамор или гипс? Не ясно это мне».
И стал трепать богиню по спине.
Тут смеха Афродита не сдержала,
Вскочила, хохотала, хохотала...
Смущение... Скандал! «Обман, обман, жива!
О, стыд!» – «О, срам!» – «Тут слабы все слова!» –
«Кто ты, бесстыдница, желаю тотчас знать я,
Откуда ты явилась? И притом без платья!»
И голова кричит: «Нарушены законы!
Полицию сюда, сорочку, панталоны!»
И, спрыгнувши легко на землю, перед ними
Прошлась, высокая, движениями своими,
Как музыкой, чаруя, величава
И совершенна, и пред ней сияла слава,
Как будто звёзды рассыпались, как кристалл,
Когда в него, дробясь, луч солнечный упал.
Богиню все узнали и склонились,
Прощения просили и молились.
Но непринуждённо она себя держала:
«Мужчинки, вы меня потешили немало,
Принявшись порицать моё телосложение.
Вы поняли ль всю глупость заблужденья?
Теперь: раз – два! Все отвернитесь! Буду
Я одеваться. Ваши дерзости забуду.
Но только пусть никто не косит глазом,
Иначе милость потеряет разом».

Они отвернулись. Очень хотелось оглянуться каждому, но сосед наблюдал за соседом. А Афродита нарочно затягивала свою лёгкую работу.

Ну, конечно. Быть может, есть желанье
У одного из вас вкусить моё лобзание?

И словно свиньи, когда им приносят корм, с каким-то хрюканьем затолкались к ней господа гласные.

Моё условие: наверху колонны
Оставлен мной шиповник благовонный,
Который я в горах сорвала и у груди
Несла. Послушайте же, миленькие люди:
Кто мне цветок достанет первый – тот...
Ой, стыдно мне... Меня пусть поцелует в рот.

Они бросились, словно собаки на крысу. Но при такой толкотне дело оказалось нелёгким. Многие с плеском падали в воду и фыркали там. Удачливых срывали вниз неудачники.

Но вдруг с улицы раздались крики: «Где ведьма? Ищите её, хватайте её!» Афродита быстро помчалась по лестнице, потом по каким-то тёмным коридорам в зал заседаний думы, оттуда на счастье найденным ею задним ходом – вон из городка!

В лесу, довольная собою, прилегла.
Приятно причинить иной раз каплю зла.
Так счастлива была победою своей,
Что стала петь, кружась под зеленью ветвей.
Стой! Что так светит средь стволов? Пятно бросает
Там солнце? Нет, тот свет места меняет.
«О, ужас! Может быть, я жертва чувств обмана?
Ведь то единорог таинственного Пана!»
И торопливо удалялась, озираясь,
Остаться незамеченной стараясь,
В глубины леса, в чашу тёмных сосен. Вдруг
Потряс богиню бедную испуг.
Плеча коснулся тихо палец тонкий.
И вздрогнула, и с жестами ребёнка
Трусливо смотрит: перед ней спокойно строг
Стоял сам Пан, загадочнейший бог.
Чело он сдвинул грозно. Звал к ответу
Его глубокий взор шалунью злую эту.

Но женское упрямство подоспело,
И выпрямила Афродита тело,
Прошла красивая – надменна мина.
Одно лишь слово бросила: «Мужчина!»
И засмеялась. И походкой твёрдой
Ушла всё тою же царицей гордой.
Как только взор его не жёг ей больше тело,
Рванулась в бегство... Как уйти сумела?

Но что это? Все обитатели леса: олени, зайцы, лисицы, барсуки стали собираться вокруг неё толпами, очарованные её прелестями. А вот подходят с соседних лугов и другие животные: ослы, клячи, кабан, несколько псов, поодаль стоял и смотрел бык. Всё это мычало, хрюкало и визжало. Афродита хохотала. Порой она хлестала того или другого ухаживателя розгой, и все, ворча, разбегались; порой она манила их мизинцем, и они, громоздясь одни на других, теснились к ней.

Но ужас! Фу! Что это?.. Нос зажмите!
Кто блеет там средь поля так сердито?
Чудовище какое-то из ада
Несёт собой дыхание злого смрада.
Космат, рогат и бородат, козёл
Походкой важной к Афродите шёл.
Уставился, стоит и вновь заблеял глухо:
«Вот я – рог мира и венец творенья, нюхай!»
И хохотала Афродита: «Строгий Пан,
Тебе двойник-близнец природой доброй дан!
Бог, человек иль зверь – отличен лишь камзол.
Сними костюм – под ним окажется козёл».

Афродита пошла в гору, подымаясь к Олимпу. Утром ей легко было сбежать по откосам, но сейчас, в полдень, карабкаться в гору было очень трудно. Она продвигалась не скорее улитки. Наконец, выбившись из сил, присела на пригорке. Ей было жарко, и она разделась. Потом решила вздремнуть, положив свои одежды под голову, как подушку. И должно быть забавный сон снился ей, потому что она несколько раз принималась смеяться.

Но тихо на немом своём единороге
Подъехал к спящей Пан по дремлющей дороге.
Как только бога тень коснулась Афродиты,

Так ахнула она... Её глаза закрыты,
Но в судороге спящая поднялась,
Незрячая испуганной казалась.
Он поднял руку, пальцы, чары полны,
Погнали к ней волшебной силы волны,
И дух её был волей напоён.
Смотрел в её лицо не отрываясь он.
«Я – Пан, царь бессознательной души.
Тебя здесь испытаю я в тиши.
Отбрось же лжи покров, отпрянь уловок рой
И правду о себе глубинную открой.
Скажи, насмешница, скажи мне, сердцеедка,
Что кроет лёгкости твоей золотая сетка?
Ужель душа насквозь пуста и холодна?
Ужель любви чужда на свете ты одна?
Ужели сердца нет в твоей груди прекрасной,
И мил тебе лишь смех кокетки своевластной?
Вот мой вопрос. Жена чудовищная, мне
Ответишь правду ты, откроешься вполне?»
И стон тоски, и слёзы на ресницах
Ещё прекрасней сделали царицу.
И, плача, молвила: «О беспощадный бог,
Ты в недра духа взор твой бросить смог.
Да будет! Как кинжал, мой дух вопрос рассек.
Я тайну выдаю, сокрытую навек.
Нет женщины, о Пан, на свете столь презренной,
Которая б в душе любви благословенной
Не жаждала. Мечтой летя среди светил,
Всё ищет лишь того, кто б сердце покорил.
Дразню мужчин, со мной страдает стар и молод,
Но ах! В душе озноб, на сердце страшный холод.
Величие моё готова я забыть,
Чтобы найти того, кто девушкою быть
Меня бы научил. Кто даст мне искупление,
Склоню я перед ним восторженно колени.
Жестокий Пан, о ненавистный Пан,
Что сделал ты со мной? Согнул мой гордый стан...
Аполла красота, очей Гермеса сила
Меня ни разу в жизни не смутила.
Венчанная глава Зевеса ни на миг

Меня не трогала. Ты этого достиг.
А пред твоею мощью я слаба.
Я чувствую, что я твоя раба.
Царь духов тёмных, красоты царица
Перед тобой принуждена склониться.
Не радуйся!.. Призналась я во сне,
Но я проснусь. Вернётся смех ко мне.
Поберегись, о Пан, в сознание красоты
Отпряну я всё то, что здесь изведаль ты.
Все хитрости природы и искусства
Пушу я в ход, чтоб, взволновавши чувства,
Тебя рабом любви увидеть... Да, раба
Я сделать захочу всем сердцем из тебя!
Похитить гордость, самоуваженье,
Чтоб смель почувствовать к тебе одно презренье,
Чтоб сверху ненавидеть тем сильнее,
Чем будет над тобой победа та полнее,
И рада буду я, что победила Пана,
А в сердце скрыто над победой плакать стану.
Так я должна. Я такова. Мне злой свирелью
Наколдовала в кровь Ананке это зелье.
О милый, сильный, убегай от Афродиты,
Мужское губит всё недуг мой ядовитый».
Молчал и думал Пан. Угрозу взвесил он,
Измерил мощь мужчин, обнял коварство жён.
Меж тем единорог, подняв своё копыто,
За ухом почесал, заржав на Афродиту
В неясном страхе. Кончик языка
Из-за зубов её сверкнул слегка,
И улыбнулась, и в дремоте томной
Раскинулась роскошно и нескромно.
И ослеплён, смущён телесной красотой,
Закрылся Пан плащом, и с робкой быстротой
Направился назад скалистою тропой
Волшебник, не посмев вступить в борьбу с судьбою.
Было уже очень поздно. Афродита не узнавала дороги.
Неужели она заблудилась?
Что там шумит? Ох, страшно не на шутку.
Зверь? Ветер? Человек? До дрожи жутко!
И вдруг в испуге громко закричала в горы:

«Друг, сильный Пан, приди, помощник скорый!
Прости, будь милосерд, клянусь, я нежной буду,
Угрозы все мои навеки позабуду.
Брани меня, мой милый, бей меня
Рукою строгой. Я совсем одна,
Мне страшно». Тут со скал повеял ветерок
И обласкал её, как ласковый дружок.
«Что слышу? Голосок Хариты, дорогой подруги,
И близко так! О, милый Пан, твои услуги
Я не забуду. Спасена! Харита, рада?»
И обнялись, смеясь, средь поцелуев града.
Болтает и хохочет Афродита,
Но всё внезапное, что ею пережито
Вдруг переполнило ей сердце: припадая
К груди подруги, затряслась она, рыдая.

Но всё же в результате этого приключения богиня получила самое лестное представление о своей силе. «О, скоро сам Зевс заболит от зависти, когда убедится в моём превосходстве. Это я буду подлинной правительницей мира. Коронку я ему оставлю, но власть будет в моих руках. Пусть он ведёт человека за голову, я найду, за что его повести».

На другой день с трубами и колоколами она объявила всему Олимпу, что вновь спустится в страну людей, на этот раз в торжественном шествии.

«Я зрелище вам дам, какого не видали:
Все люди ближних мест и из далёкой дали
Гирляндой длинною последуют за мной.
Король в венце, священник в ризе золотой,
Их поведу я, как собак, как стадо,
Движенья пальца слушать будут рады.
Придут они к Олимпу. Смейтесь, боги!
Пусть смехом переполнятся чертоги!
И если кто из вас пристать ко мне захочет,
Я позволяю всем, никто пусть не хлопочет», –
Так говорила гордая, и повсеместно
Угроза разнеслась проказницы прелестной.
И боги, слыша эти дерзостные вести,
Не знали, смех иль страх тут более на месте.

Песня 2. Ананке говорит: «Стоп!»

Всемогущая Ананке обратила, наконец, внимание на мир Олимпа и земли, где волею её дочери Мойры расцвела свобода. Она была возмущена. Мойра даровала свою милость, даже не снёсшись с матерью. «Откуда она взяла полномочия?! Если она полагает, что я буду сидеть сложа руки, она ошибается. Кто, в конце концов, высшая власть: она или я? Надо мне вмешаться немножко в эту игру».

Между тем с Олимпа доносились трубные звуки и весёлый шум. И, фыркая от злости, выставила Ананке свою хищную маску и присматривалась к происходящему. Тотчас поняла она затеи Афродиты.

Что? Кровь созданий для забавы злой бабёнки?
Для этого творенья жизни слишком тонки.
Я не чувствительна. Отнюдь! Меня жестокой
Все называют во вселенной во широкой.
Терзаю я, но я терзаю лишь серьёзно,
И жалости – не стиль Ананке трижды грозной.
Так хочешь ты со мной держать пари?
За игры на земле заплатишь ты, смотри!
Мне кажется, дружок, что знаю я лекарство,
Чтоб обессилить чар твоих коварство.

План Ананке заключается в том, чтобы пролить на землю в день назначенного торжества потоки ливня. Потопить весь мир в грязи и скуке. «Если хочешь шествовать к твоей победе, – смеялась она, – то приобрети непромокаемый плащ и ботфорты».

Так и сделала повелительница мира. Но, несмотря на ужасный дождь, Афродита, покинутая всеми олимпийскими спутниками, всё же пошла на землю. «Благоразумие меня всегда приводило в ужас», – заявила она. Но скоро она так промокла, что пустилась бегом в поисках за каким-нибудь убежищем. Она нашла что-то вроде сторожки на лугу вблизи ручья. Немедленно вскочила она туда. О, как она была мокра!

Но попав под крышу, она отдышалась: «Здесь хорошо, – сказала она. – В конце концов, дождь чист, свеж... В чём тут опасность?» Её роскошные волосы намокли и отяжеле-

ли так, что тянули её голову назад. Она распустила их и, найдя в углу кучу сена, решила расположиться на ней.

Но пока она отдыхала, в углу держали совет паразиты, которыми полна была вся хижина. В какой ужас пришла богиня, когда вскоре почувствовала сотни укусов. «Блохи!» Немедленно похватила она всё сено и выбросила его в окно. Новая беда: ей стало невыразимо холодно. Она старалась согреться движением. Принялась было даже танцевать. Но дрожь её пронимала. Тут она потеряла наконец всю свою весёлость. Свернувшись в комочек, грустная-грустная, она прижалась к углу.

Пришла ночь и потянулась, как вечность. Страшные сны снились продрогшей богине, когда она дремала. К утру поднялся ураган. Он тряс хижину так, что, казалось, она готова обрушиться. «Ну, – стонала богиня, – человеческий род горько заплатит мне за эту ужасную ночь!» Она совсем превратила своё тело в узел, свернувшись, словно випера*. Наконец стало рассветать. Прочь, прочь отсюда! Какой дождь! Какая грязь! Всё равно – в дорогу!

Должно быть, здесь было поле, но теперь это какой-то клейстер. Грязь пугала её больше дождя и холода. Но вот дело становилось ещё хуже: земля совсем потерялась из виду, и вокруг стелется только жёлтое море. По щиколотку богиня в болоте.

«Вниманье. Стой на месте». Афродита чутко
Прислушалась. Повсюду было тихо, жутко.
Средь туч мерещились ей демоны, а в вое
И плеске бури что-то странное, живое.
От крика ворона, от зрелища куста
Дрожала вся: «Какие грозные места!
Дракон скрывается в кустах, ах! – шевелится.
Нет, ветер то», – бормочет бедная царица.
Но вот – о ужас! – это не ошибка:
В воде плывёт кругами что-то. Просто рыбка?
Нет – вся кривая, как-то странно скачет...
И бедная богиня горько плачет.
«То уж! Он всех животных для меня страшней!
Да уж ли, полно, не морской ли змей?

* Випера – гадюка. – *Прим. публикатора.*

Ой, с каждым мигом здесь становится всё хуже!»
И побежала без ума она вдоль лужи.
«Ой, гонится за мной, я чувствую погоню!
Эй, люди, помогите!» На косом уклоне
Упала, встала и бежит ещё быстрее.
«Иль нет убежища средь дождевых морей?»
Вот хижина. Туда летит в одно мгновенье.
А это домик был недавнего мученья!

К вечеру Харита с каретой отправилась на поиски за Афродитой и наконец отыскала её. Богиня была доставлена на Олимп, вся закутанная в меха и одеяла. Она наглухо заперлась в своём дворце. И такой ненавистью веяло от самих стен её жилища, что никто не смел и близко подходить к нему.

Между тем Ананке говорила: «Теперь надо приняться за Зевса! А, так тебе недостаёт маленькой семейной сцены? Ладно!»

В своём садке злобы она выбрала самую страшную ехидну и решила поселить её в сердце Геры.

Тихо подкралась Ананке к главному дворцу Олимпа.

При лунном свете видно было, как спала
Беззлобно Гера рядом с мужем. И была
Полна вся спальня мира сладостным дыханьем,
Беспечен сон двойной, согласны два желанья.
Ананке пред окном стояла и ехидну
В руке держала. Сердце Геры, очевидно,
Почуяло беду. Тень страшная упала
На спящее лицо и вмиг дала начало
Ужасным снам. Приснилось Гере, будто в храме
Каком-то тёмном, окружённая богами,
Сидит она на троне. Смутны очертанья
Большого алтаря, плывёт благоуханье
Смолистое от тусклого огня,
И песнь из подземелия слышна,
Песнь погребальная. И вдруг в дыму кадил
Возник ряд образов, огнём рождён он был,
И ярко рисовались беглые картины
И исчезали. Проносились личины
Всех тварей, жизнью созданных в порядке
Их восхождения. Нелепые зачатки

Как бы в разумном плане развивались,
Всё выше типы в смене появлялись.
Немой род рыб, различнейшие гады,
Скользящие, сочащиеся ядом.
Потом взлетели пёстрой стаей птицы,
И потянулись длинной вереницей
Млекопитающие существа.
Вот обезьяна. Человек. До божества
Дошло. Гряди, гряди в твою обитель,
Божественный титан, герой, мироправитель!
Погасли образы на время. В напряжение
Все ждали откровений продолженья.
Чу! – слышится молитва, робкая хвала.
Картина новая сияние зажгла:
То образ Геры. Царственно затмила
Она всё то, что прежде лучшим было.
Воистину венец творенья! И с приветом
Смеётся Гера перед собственным портретом.
Все встали, и гремел похвал согласный хор.
И, с трона на толпу бросая милый взор,
Приветствовала всех царица, посылая
Рукою поцелуи... Стой! Измена злая!
Поверить ли глазам: сияние бледнеет.
«Какая женщина сменить меня посмеет?»
Но место, только что прославленное тою,
Заняла новая полнейшей красотой.
И все изменники к ней обратились ныне
И славу воздают уже другой богине,
Забыв её, кричат в восторге буйном
Перед соперницей. Тут Гере стало дурно,
Жёлчь рот наполнила, и дикий крик
На сердце яростно и мстительно возник,
Но вырваться не смог – уста вдруг онемели.
Рванувшись к алтарю, где радужно горели
Черты соперницы, ударила жезлом:
Но образ цел, он трепетным огнём
Горит, бесплотный, но отнюдь не бледный,
Живой без жизни, радостно-победный.
О, с призраком борьба бесплодна и напрасна:
На дымных облаках дрожит тот лик прекрасный.

И над её бессильем в подземелье храма
Смеялся кто-то громко, едко и упрямо:
«Оставь! Твой царский жезл не более как палка,
Что подымаешь ты в руке тот прутик жалкий
Перед Ананке? Думаешь, что ты
Была венцом на миг, так с высоты
Не свергнешься, как червь или улитка?
О дура! Жизнь творит от вечного избытка,
И цели нету в ней, все – средства, все – лишь часть.
Неведомый дворец из всех вас строит власть
По плану тайному, великому. Покинешь
Ты место для другой и, как другие, сгинешь», –
Так голос хохотал. «Молчи, молчи! Пощады!»
Она упала. И тогда тяжёлые громады
Стен храма рухнули в огне и дыме,
И горами громадными седыми
Нагромодились, покрыв Кроноса дочь,
И вокруг навеки воцарилась ночь.

Меткой рукой бросила ехидну в это мгновение Ананке в сердце Геры. Спящая словно защищалась, она металась головой по подушке и громко плакала. Потом долго лежала она неподвижно, словно труп. Проснувшись, сразу села, обняла колени и задумалась.

Скорбные думы! «Что дало мне замужество? – спрашивала она себя. – Чего только я не принесла в жертву этому единственному мужчине?

Казалось бы, – и каждый, в ком есть честь,
С тем согласится, – должен был бы несть
Он счастье это со смиреньем, предо мною
Быть мышью, пресмыкаться пред такою женою,
Весь день надеяться, что к ночи, может быть,
Его присутствие сумею я простить.
Так нет! Совсем иначе думает об этом
Супруг мой; он готов пред целым светом
Считать мою любовь за должное! К чему
Ухаживать, бояться и блистать ему?
Ведь я – его жена. Захочет пошутить
Супруги тело – я должна сносить.
И свой часок прожив и похоть утоля,
Не спросит даже он, как жизнь идёт моя.

Он занят. Большею частью разным вздором!
А мой-то день-деньской? Не удостоит взором!
Игрушка я. Раба веселья. Это стыд!
Как я терплю весь этот рой обид!»
И жаловалась всё, и сердце распалялось,
И ненависть к супругу возрождалась.
Ананке слушала. И тонко и лукаво
Сжимала губы от такой забавы.
Когда жена твердит: «Не понята!», под юбкой
Уже есть чёрт. Кусать начнёт голубка.

Афродита

Часть пятая

ЗЕВС

Песня 1. Знамя Ольбия падает

Наутро Зевс пришёл к Гере и любезно предложить ей осмотреть сад, всё ли устроено там по её вкусу.

Оглядевшись, Гера сказала: «Очень удивляюсь я, что совсем не вижу милых земных фиалок».

«Разве тебе недостаточно олимпийских? – спросил Зевс. – Ведь они вдвое больше и во сто раз красивее».

«Да, но это не то». – «Но чего же им не хватает?» – «Ах, – воскликнула она с досадой, – у земных фиалок особенный весенний запах. Но довольно об этом. Похороним эту ссору».

Зевса сильно кольнуло это слово. Как только удалилась Гера, он призвал садовника Празию и приказал ему немедленно ехать с возами и прислугой на землю и к следующему утру привезти множество земных фиалок. Так и было сделано. Вечером Зевс поблагодарил прекрасных садовниц и Празию и попросил их за ночь без шума убрать фиалками столовую к завтраку. Такой утренний сюрприз задумал он для царицы.

Ранним утром Гера встала с постели, отворила дверь спальни и стала впитывать в себя воздух. «Ну чем это пахнет? – радостно спросило её самолюбие. – Пойми, женщина, заслуживающая зависти: всё это фиалковое благословение – тебе в угоду!» И она уже готова была вознаградить Зевса любящим взором и горячим поцелуем. Но не позволила этого ехидна в сердце Геры.

«Да, – говорила Гера себе, – после того, как я сказала. Но, по-моему, супруг должен угадывать желания жены ещё в зародыше. Нежное чувство даже под притворным “нет” понимает “да”. И наоборот. Кроме того, к лицу ли мужчине подобная угодливость? В муже женщина ищет прежде всего опоры, надо, чтобы у него был характер, воля, даже кулаки». И она вновь вернулась в постель, думая: «Прежде всего я хочу поучить тебя терпению, мой супруг». Напрасно Зевс прохаживался мимо её двери и покашливал: она не выходила. Наконец появилась.

«Скажи, что значил этот стук ночной,
Который нарушал назойливо покой?» –
«Быть может, ты простишь, узнав его причину:
Сюрприз тебе готовил я». Но мину
Она скроила: «Фу! Как пахнет неприятно,
Дышать нельзя!» – «Но, Гера, непонятно
Твоё неудовольствие». Немного жалкий,
Он указал жене с улыбкой на фиалки.
И оскорблённая, отпрянула она,
И слёзы заблестели: «Но кому нужна
Такая шутка?» – «Дорогая, разве ты
Мне не хвалила эти самые цветы?» –
«Когда? И где? Нет, я их не хвалила...» –
«Как не хвалила? Отрицаешь? Это мило!» –
«Итак, я лгуныя? Ты с утра любезен». –
«Я только правду говорю, поверь, полезен... –
«Довольно. Будь же прав. Теперь открой загадку,
К чему всё спор искать: ведь это, право, гадко.
Итак, загадку мне твою открой:
В чём заключается сюрприз хваленый твой?»
Зевс выкатил глаза и заскрипел зубами:
«Жена, что за игра идёт сейчас меж нами?
Я очень терпелив, но есть терпенью мера,
И раз я рассержусь, то плохо будет, Гера». –
«Вот так! – она захохотала. – Будь грубияном:
Не так легко прикрыть мужицкий норов саном.
Заставь раскаяться меня ты по заслугам,
Что выбрала тебя по глупости супругом.
О стыд, о горе, слёзы! Слёз тут мало!
О, если бы тогда, что знаю, я уж знала.
Бей, бей! То справедливо: мной был оскорблён
Пресветлый бог – владыка Аполлон.
О, если б снова всё вернулось! Он, желанный,
Был мной покинут дико, глупо, странно.
Ради кого? Глаза, глаза, где были вы?
Аполл, ты отомщён за боль твоей любви».
От слов таких всю вежливость забыл
Владыка Зевс и в гневе завопил:
«Ах ты, куриный мозг, бессмысленная пава –
Иначе как тебя назвать, не знаю, право!

Что клюв свой разеваешь вновь за Аполлоном:
Он твой был – ты ко мне пришла с поклоном...
Да что там! Нет мужчины в небесах,
И на земле внизу, и под землёй в гробах,
Кто мог бы спесь твою сносить с терпением.
Ты хочешь знать, что было б для тебя спасеньем?
Большая бедность, о грядущем дне забота
Да труд физический, тяжёлая работа,
А вместо нектара с амброзией – горох,
Да муженёк, который, будь не плох,
Рук волосатых, кулаков, почтенных весом,
Не постеснялся в ход пускать. Когда бы бесом
Расхорохорилась, твою прервал бы речь,
Чтобы тебя как следует посечь.
Тогда бы и любовь в тебе нашлась... Немного
Хватил я через край почтительного слога,
Но то тебе на пользу». Вся дрожа
И кинув взгляд ему острей ножа,
Царица прочь пошла, шумели гордо ризы.
Свершилось. Жутко. Тихо. Вдруг с карниза
Со стуком знамя Ольбия упало.
И песня Эйдолона замолчала,
Прервавшись рыданьем. Зевс, весь бледный,
Раскаяньем томимый, слушал, бедный,
Все эти страшные предвестия беды
И видел, как, спустившись в сады,
Погналася за мальчиком царица.
Тут Зевс решил скорее помириться.

Лаская Эйдолона, Зевс, не глядя на Геру, обещал явиться в её покои и просить прощения. Целуя ребёнка, Гера сказала: «Если Зевс покается и сделает это – он получит прощение».

Гера отправилась к себе и выглядывала в окно – придёт ли Зевс? Он пришёл. Чуть было не размягчилось сердце царицы. Но ехидна ужалила его: «Так скоро простить? Пусть постоит перед дворцом». Подождав немного, весь красный от унижения и гнева, с глазами, загоревшимися тёмным огнём, ушёл Зевс, под косыми взглядами стражи и под сдержанный смех горничных.

«О, я несчастная дура! – воскликнула Гера. – Зачем я сделала это? О, если бы он вернулся!»

И он вернулся на другой день. Но в новом припадке гордости она заперлась. А после опять день и ночь только и думала: «О, приди ещё раз!» Через пару дней он снова пришёл. «Ну, на этот раз я не прогоню его. Нужна только некоторая постепенность в прощении». Но пока она предавалась сомнениям, терпение Зевса лопнуло наконец окончательно. Он удалился в бешенстве, крича: «Что я? Собака?!»

«Терпенья нет, – сказала Гера слугам. –
Пойдите отыщите мне супруга.
Что он там делает?» – «Воссев на трон,
Герольдами и свитой окружён,
Вещает мощно волю он...» – «Спешите,
Скажите, что простила я, просите
Немедленно его ко мне!» Служанка вскоре
Вернулась с ужасом в своём наивном зоре.
Зевс рёк: «Прощай, пока просящий просит, час
Ты пропустила: гордость пробудилась в нас». –
«Измена!» – закричала Гера, в волоса
Вцепившись. И жестокой мести голоса
Завыли в ней: «Постой, ты не видала?
Что покатилося? Что там звонко зазвучало?»
Волшебное кольцо то было, талисман
Любви, что Мойрой Гере был в подарок дан.
Но вот оно лежит! Ах, сломано в куски,
Не починить его. Исполнена тоски,
Бессмысленно глядит царица, и сперва
Ей жалко украшенья, но потом, едва
Припомнила, что с ним она теряла,
Как пошатнулась и, взрыдав, упала.

Песня 2. Зевс созывает богов

Зевс между тем послал Эола облететь мир и созвать трубою всех богов. Через семь дней все должны были собраться во дворце, чтобы узнать волю Зевса.

Все собрались. Зевс воспретил отныне раз навсегда поездки на землю. Но в ознаменование конца счастливого времени, в утешение он объявил, что будет устроен большой праздник на целый месяц.

И бесконечно разнообразное население Олимпа: от порфириносных титанов через второй и третий разряды богов до серьёзных муз и козлоногих сатиров, сладострастных менад и кентавров – все забавлялись среди музыки и фейерверков.

И Зевс сказал: «О Афро золотая,
Осмелюсь ли просить? Там, светом залитая,
Трибуна высится, взойди нам на показ,
Народам радость дай твоих зелёных глаз». —
«Я просьбу нахожу вполне, вполне уместной». —
И вот она вверху с улыбкою прелестной.
Едва взошла, как пенье, разговоры
И музыка умолкли, все с тоскою взоры
В лицо волшебное вперили, и текла
К ним чара от неё, пленительна и зла.
«Шагни, богиня!» — «Повернись...» —
«Склонись немного!»
И слушалась она кентавра, как и бога.
И долго длилось это любованье,
Часы прошли, не утолив желанья.
Но наконец, став на колени и ликуя,
Она толпе послала роем поцелуй
И закричала: «Милые мои друзья,
Довольно! Есть конец всему. Устала я.
Едва я руки подымаю, наконец,
И ноги тяжки, словно в них свинец.
Прошу прощенья, не сердитесь, я свободы
От поклонения чрезмерного прошу, народы!»
Но бунт поднялся: «Нет, не быть тому! Должна ты
Часок ещё побыть, будь милостью богата!»
И продолжалось так, пока её, в слезах,

Не свёл сам Зевс. И лепетала: «Ах,
Какая мука! Дай к груди прильнуть, Паллада.
Ведь завтра, верно, вновь... Ах, я смертельно рада».
И, правда, каждый день, толпой пав на колени,
Народы славили царицу наслаждений.

Однажды Зевс покинул шумный праздник и задумался в тиши чёрно-шёлковой ночи. И вдруг показалось ему, что небо расщепилось и за блистающим звёздами куполом предстала подлинная правда, наполнившая ужасом его грудь.

Он видел, как размеренным шагом ступали гневные исполинские ноги Ананке, вертя мельницу миров; с мельницы творенья вылетали кругом в пространство тысячи солнц. Некоторые из них сталкивались и среди шипения и дыма уничтожались.

И солнца лопались, и вечный град железный
Обломков сыпался в неизмеримость бездны.
Но вот пылинка жизни, бедное яичко,
Летит в пространстве беззащитной птичкой,
Ища пристанища в смятении светил,
Угла, что странника на время б приютил.
«Вот кружится Земля! Решусь ли? Даст ли кров?»
И спряталось оно за камни, в тёмный ров.
И плоским стало, чтоб от глаз сокрыться,
Но зорко смотрит злой судьбы зеница.
«Что вижу? Жизнь жива! Позор, проклятье,
Измена! Мог ли жизнь опять создать я?
Смерть, мой палач, топчи, сожги, убей», –
Бог снова в мире в скорлупе своей.
И пеной брызгала Ананке злоба.
Не видел дальше Зевс. Сомкнулись края оба
Зияния, и мирно красовалась твердь,
За светлой вывескою звёзд скрывая смерть.

Вернувшись на праздник, Зевс обещал золотое яйцо в награду тому, кто откроет цель мира Ананке.

И все погрузились в бездну размышлений, повеся головы, наморщив лбы и почёсывая затылки. Но кто ни предлагал решение – выходило глупо.

«Ну, Афродита, – шутит Зевс, – приди, плутовка.
Не даст ли нам ответ лукавая головка?» –

«Да что! – воскликнула. – Ответ яснее дня:
Смысл мира, милый Зевс, конечно, это я!
Флари-флари!» – запела и, игриво ножкой
Проделав антраша, глядела хитрой кошкой.
И многое сказал её ответ Зевесу.
«Слова красавицы подъемлют нам завесу,
Нравоучительным ответ нельзя назвать,
Но он правдив. Должно существовать
Всё бытиё для формы и явления.
Целуй меня, Афро, и вот вознагражденье».

Так получила Афродита золотое яйцо мудрости. После этого она до того зазналась, что хотела сесть на трон Геры. Но строго согнал легкомысленную царь Зевс: «Я в ссоре с супругой, но требую уважения к ней».

Совет богов

Песня 3. Люди

Наконец праздник кончился, начались будни.

Зевс решился в первый раз отправиться в страну людей, отданную ему Мойрой в исключительный день, и держать там суд. Он велел приготовить пурпурную мантию, скипетр, корону и всё прочее и заложить лошадей в большую колесницу. Но с лошадьми замешкались, и Зевс решил пройтись вперёд пешком по парку. Он был один, только поодаль следовал старый слуга.

«Итак, ты отправляешься судить? – спросил себя Зевс. – Ты, который сам совершил преступление! А между тем у преступных людей найдётся много оправданий, которых нет у тебя: они дети болезни и смерти, рабы страдания и страстей, – бия себя в грудь, Зевс отвечал себе самому. – Похищение короны было делом судьбы! Строгая воля сделала меня царём, а в обязанности царя входит и суд. Но на конце скипетра я понесу людям сострадание. Тысячи преступлений готов я простить каждому, только злобу и ложь не буду прощать. Повсюду одной лишь добродетели стану искать я – доброты».

И царь Олимпа уже рисовал в мечтах картину глубокой благодарности к нему людей.

Зевс с балюстрады парка устремил глаза на страну человеческую. Вдруг ветер донёс оттуда тухлое зловоние. Что это? Слуга объяснил: «Это бывает, когда лицемеры лгут». – «А что это за шум слышен оттуда?» – «Это они увидели тебя и кричат “ура!”» – «Почему? Они ещё не знают, стою ли я этого».

А это уж в людском, как ты увидишь, духе:

Пред кем-нибудь всегда ничком лежать на брюхе.

Зевс покачал головой. «Принеси мне зрительную трубу», – сказал он. Недолго смотрел он, как начал ворчать, и кулаки его сжимались сами собой. «Ступай домой, скажи, что я не еду сегодня, – приказал он. – Надо подумать. И отнеси всю эту дрянь», – прибавил он, указывая на атрибуты царской власти. Слуга понёс их вдоль балюстрады. Вместе с ними стало удаляться от Зевса и ликование людей.

«Ага, обязан я своим успехом

Лишь блёвствам!» – Зевс сказал тогда со смехом.

Вечером он призвал к себе писца и приказал ему прочесть себе о людях что-нибудь точное и поучительное.

Писец стал читать:

«Лоб у людей высок, взор мыслью напоён,
Душа расщеплена, и мозг их раздвоён.
Он может твёрдо принципов держаться,
Но, если нужно, может и меняться.
Одежду носят из сукна, бумаги, кожи.
С характером есть люди. Без него есть тоже.
Жуют охотно добродетель, держать вечно
Её во рту для здоровья – это человечно.
Мудр человек: в нос палец погрузив,
Охотно дивится он всем разрядам див.
Загадки любит разрешать в трудах, без гнева.
Коль учит он “Направо!”, то пойдёт налево,
Горд человек, по-разному, однако:
Пред низшим – лев, пред высшим он – собака». –
«Довольно, – Зевс сказал. – Спасибо за рассказ».
И в эту ночь не мог сомкнуть он глаз.

Утром он приказал привести к нему ручную человекоподобную обезьяну Макака. Её называли так потому, что единственный крик, который она испускала, был: «Макак!»

На Макака по приказу Зевса надели пурпурную мантию, в кулак ей дали скипетр, а на брови надвинули корону. Обезьяна сразу загордилась и стала бросать вокруг спесивые взоры. Зевс даже рассердился и ударом в зад заставил её вскочить в колесницу. Затем он позвал двух герольдов и приказал им проводить Макака на землю, крича: «Вот царь Зевс! Преклоняйтесь, удивляйтесь!»

Через двенадцать дней после этого Зевс сам отправился в страну людей, одетый странником. Поодаль следовали за ним Эринии, страшные богини возмездия.

Первым в стране людей Зевс встретил крестьянина, который, после некоторого колебания, раскланялся с ним.

«Ты должно быть чужой здесь? – спросил он. – И, вероятно, идёшь в город на праздник? Что касается меня, я туда не пойду. Я боюсь толпы, Да и времена нынче строгие. Слышишь шум и пение?» – «Что за праздник?» – спросил

Зевс. – «Да разве ты не знаешь? Ведь великий Зевс посетил свой народ!». – «Вот как... И что же, люди им довольны?» –

«Не спрашивай об этом, странник, то опасно.

Сначала не казался он отнюдь прекрасным,

Его лицо, особенности стана

Немного странны: словно обезьяна!

Гримасничал, кривлялся так и сяк,

Всё повторял одно: “Макак, макак, макак!”

Народ в смущенье был... Но тут мужи науки

Принялись разъяснять и показали штуки

Такие в рассужденье размышленья,

Что больше не было ни в ком сомненья.

Зевеса славу разнесли повсюду

Учёные мужи. Теперь привыкли к чуду.

Лишь трое бунтовски держали всё же речь,

Что обезьяна то. Башки им сняли с плеч.

Для всех сомнений самый лучший врач

И лучший адвокат для сложных дел – палач.

И правильно, – прибавил он с оглядкой. –

Без общего согласия нет порядка».

Вступив в город, Зевс приказал Эриниям оставаться спокойными, что бы ни произошло с ним, и явиться лишь на его зов.

Совсем мрачным стал Зевс, когда увидел на одной из площадей города изображение Макака, перед которым все снимали шапки. Полицейский остановил его, заметив, что он не приветствует изображение. «Куда? Откуда? Кто такой?».

Ответил хмуро Зевс: «Иду, куда желаю,

И *независимый* себя я называю».

Полицейский минуту подумал и сказал: «Пожалуйте в участок, там разберут».

Придя в участок, полицейский доложил, что субъект кажется ему подозрительным. Зевса тщательно обыскали, улики не оказалось.

«Ступай, ступай, – сказали ему. – К сожалению, мы тебя должны отпустить на этот раз, но смотри: вперёд не попадайся».

Долго толкался Зевс в толпе и становился всё сумрачней. Но вот раздались крики: «Король приближается!» То был Макак.

Облокотясь покойно на подушки
И важный весь от пяток до макушки,
Вельможами, князьями окружён,
Меж королём и королевой он
Сидел. «Дивитесь чуду, взоры! –
Вскричал Зевес. – Для этого позора
Негодования не найдёшь, а только смех».
И хохот Зевса оглушил их всех.
«Кто смел смеяться?!» – закричали власти. –
«Кто смел смеяться?» – скаля зубы пасти,
Макак глядит и Зевса вдруг узнал.
Сперва он от испуга задрожал
И локтем голову закрыл в волнение:
Он помнил Зевсова хлыста ученье
И с тростью тоже был достаточно знаком,
Взревел поэтому дрожащим тенорком.
Но вспомнив вдруг, что он король теперь,
Нахохлился внезапно глупый зверь,
Из-под короны смотрит с злобой чванной.
«Что? Так и впрямь король ты самозванный? –
Сказал Зевес. – Ты смотришь мне в глаза?
Ой, обезьяна, знай: придёт гроза!
Сейчас же кланяйся, нахальная скотина,
Сейчас признай, негодник, господина.
Или забыл, какую я награду
Отхлопаю тебе, чудовище, по заду?»

Тут поднялся невообразимый шум. Засверкало оружие
«Бейте его! Он называет себя господином Зевса!» – «Да
нет же, нет – это просто сумасшедший».

Король немедленно приказал исследовать, действительно ли сумасшедший человек, осмелившийся оскорбить величество.

Три врача подвергли Зевса тщательному допросу.

Всё тело осмотрели, грудь, живот,
Особенно исследовали рот.

«Был прежде болен ты? Наследственность какая?
Озноб и жар бывают? Память как, плохая?
А обмороки? Путаница в мыслях? Нет».

Тут три врача собрались на совет.

И старший говорит: «Не сумасшедший это,
А симулянт». То был ответ совета.

Зевса пока что посадили в тюрьму. Эринии, оставшиеся за городом, в великом нетерпении присутствовали при всём этом, они рвались на город, словно разъярённые собаки, но Зевс из окна тюрьмы знаком сдержал их пыл. «Надо, чтобы исполнилась мера, – говорил он себе. – Пока я ещё не всё изведal и не хочу судить человека преждевременно».

Между тем Макак торжествовал, окружённый льстецами.

Одни перед другими льстить старались,
По лестнице похвал всё выше подымались
И утверждали все, что высшей мысли знак
Есть именно словцо короткое: «Макак!»
А также, что в хвосте и обезьяньей роже
Воистину сияет ярко образ божий.
Макак доволен был: конечно, он не плох!
Рыгал он весело, ища на брюхе блох.

Эринии просили Зевса: «Сжалесь! Позволь!» – «Терпенье! Я всё ещё надеюсь, что они раскаются, – раздумывал Зевс. – Но если нет, то, кажется, я утоплю их в клоаке вместе с их обезьяной, и пусть их мудрецы доказывают, что пребывание в ней – верх чести и счастья».

Но вот с завыванием приближается толпа. Что это? Люди или гиены? «Где этот мерзкий иностранец?!» – орёт толпа. Град камней выбил все окна тюрьмы, факелы поджога запылали, и несколько сторожей было убито.

А впереди толпы в триумфе диком
Несли со смехом женщины две пики,
На них две мёртвых головы: их лица
Изранены, с волос их кровь струится.
А хохот всё звучит, и спрашивают с воем:
«Знаком ты с ними? Ждут приветов двое
Сообщников твоих. Смотри и предвкушай:
Тебя постигнет та же участь, негодяй!»
И Зевс узнал своих герольдов верных.
Теперь исполнилась мера скверны.
«Довольно, – простонало сердце. – Слишком даже,
А, волки, вам убийство мило, ну так я же
Вам дам его! Эринии! Ко мне! Ко мне!!
Проклятие, проклятие людской стране!»
И гром ударил, и прорвались тучи,

И тьма объяла мир. И веял ветер могучий,
Град, дождь волнами падали, Эринии плясали
В водоворотах пара, бушевали
От криков их и жестов бури. Что за красный
Огонь ведёт их? Это взор их властный,
Мечом замок тюрьмы отбили и ворот
Раскрыли обе половины. Зевс идёт
Медлительно, их стражей окружённый,*
По улицам, синеющим от молний,
Негодования, омерзенья полный,
Подальше от людей, в белеющие горы
Олимпа, где судья уставит приговоры.

И едва вернулся к себе Зевс, как произнёс страшные слова:

Хочу людей я уничтожить взрывом,
Покончить сразу в гневě справедливом.
Жалеть ли тех, кто величал Макаку?
Наследником людей я сделаю собаку.

Новая и страшная ссора вспыхнула у Зевса с Герой на этой почве. Гера как исконная царица людей старалась воспрепятствовать Зевсу в их истреблении, но Зевс грубо отверг её вмешательство. Паллада, придя к Зевсу, застала его с собакой, лапу которой он держал в своей руке. Долго диспутировала с ним Паллада, стараясь защитить человека. Но сосредоточенная ярость Зевса, не внимавшего никаким аргументам, вышла наконец из себя. Она выругалась и ушла, хлопнув дверью.

Затем явились к Зевсу с попыткой умиловить его все боги. Но он пришёл в бешенство и пригрозил пустить молнией в первого, кто ещё раз обеспокоит его подобным ходайством.

Тоскливая тишина воцарилась на Олимпе. Богам было жаль людей. А работа минирования человеческой страны продолжалась.

Однажды, когда Зевс смотрел в сторону одетой ночью страны людей, было ему видение.

Картина развернулась пред глазами
Войны между живыми существами.

* В переводе отсутствует парный стих. — Прим. публикатора.

Гонимый голодом, который пищи жаждет,
Сосед соседа жрёт и от соседа страждет,
Растения он видел, как к подземным водам,
Соперничая, тайным протянули ходом
Кривые ноги их, в то время как махая
Душистыми ветвями, словно дети рая,
Короны их полны взаимного привета.
На самом деле воевали из-за света,
И часто, обнимая ствол вокруг,
Пил друга кровь лукаво цепкий друг.
А между тем друзей, как и врагов,
Жевали тысячи и тысячи зубов.
Всё жвачное, чему судьбой дан рот,
Их сердце молчаливое жуёт.
Вода, земля и воздух полны были
Бойцов, которые друг друга били.
И нападая, хищник злой ревел:
«Я должен, рок мне хищным быть велел!
Ананке когти мне дала, молчи же.
Я знаю – ближний ты, так будь же ближе:
На мускулы твои моё пойдёт пусть тело,
Твой мозг на нервы мне: будь мной всецело».
Сосед кричит направо: «Кто меня кусает?
За что?» И левого он тотчас же терзает.
Нет места на земле, где б ни звучали стоны:
Ад нападений злых и злобной обороны,
Ад, позлащённый солнечным лучом.
И видел Зевс, что никому ни в чём
Война та не приносит пользы: нет победы –
Все одинаково осуждены на беды.
Но кто там встал с земли? Кто это там
Главу подымет к синим небесам?
Шатается... Опоры ищет... Побеждает:
В строенье стройном тела стойкость обретает.
Открыл глаза... Глядит на ад войны.
И вздрогнул. Среди синей глубины
Небес он ищет ясными очами,
И, как светило дня, далёкими лучами
В начале утра шлёт привет вершине,
Так изгнанный, затерянный в пустыне

Дух-странник-сирота приветствует его.
И человек, как ослеплённый, своего
Поднять не смеет взора, опустил ресницы,
В себя вошёл и думает. И снится
Ему неясное, он вопрошает, судит.
И образ человека в тварях будит
Благоговенье жуткое: готовы ноги
Бежать, глаза полны тоски, любви, тревоги.
И кто-то из зверей задал, дрожа, вопрос:
«Скажи, великий незнакомец, что принёс
Ты нам? Кто ты – святой ли искупитель
Иль беспощадный и искусный истребитель?»
И с речью одарённых уст раздалось пенье –
Несчастливым тварям гимн святого утешенья:
«О, если бы сбылись мечты мои и сны,
И руки были бы спасителя даны,
Я изменил бы вашу жизнь, тогда страданье
Не стало б больше спутником существования.
Увы! – я не спаситель. Смерть и боль, и бой
Изгнать я не могу, исправив жизни строй.
Я только человек! От ног до головы
Я видом – полубог: животное, как вы.
Чтоб жить, нужна мне кровь, мне убивать вас надо
И после умереть, как всем вам. Полон яда
Великих недостатков я, в добре же слаб –
Своих страстей, своих инстинктов раб.
Один лишь дар несут вам брата руки:
То сердце, жалость, состраданье к муке!
О, знайте: в тьме больного мира я считаю
Потерянные жизни, с вами я страдаю,
О, знайте, если я, нуждой гонимый,
Иль гневом бешеным, или голодом томимый,
Душе моей назло кого из вас убью –
Над окровавленной рукой я слёзы лью» –
Так пел им человек. И отвечали клики
И счастья трепет, новый и великий:
«О, непостижное небесное явление!
Привычный к битвам слух какое слышит пенье!
В проклятый мир, где ненависть царила,
Любви и жалости нисходит чудом сила!

Несчастные, куски, возникшие для боли,
Вся эта пища без имён, числа и доли,
Затерянная в богом кинutom просторе,
Читает сострадание в братском взоре.
Есть друг у нас, который твари любит
И сердцем милует, когда рукою губит».
И благодарность переполнила им груди:
«Да здравствуют цари, да славны будут люди!»
И все спешат служить. И поднят он на плечи,
И на Олимп летят мольбы, угрозы, речи:
«Ты, кто себя назвал судьёй и королём,
Не смеешь ты у нас в безумии своём
Вождя отнять. Земля безрадостной пребудет
И жизни недостойной, если он не будет
Средь нас с своею жалостью. И если мечь
Твоя желает жертвы, окажи нам честь –
Рази средь нас! Но пусть живёт вовек
Жалеющий и скорбный человек».

Зевс был потрясён. Но вдали увидел он огненно-красные очи Эриний, вспомнил нанесённые ему оскорбления и закричал: «Нет пощады этим бесам! Ничем не поколеблется моё решение!» И он зажал уши, чтобы не слышать.

Вдруг две руки его схватили и подняли,
И руки от ушей насильно оторвали.
Он повернулся, гневом разъярённый,
И пред собой увидел лик Горгоны.
«Бунтарь! Пора кончать кипенье дикой злобы!
Иль сделала царём тебя я, чтобы в гробы
Людей ты уложил? Достойный ты судья,
Коль ненависть совсем осилила тебя!
Достойный царь, коль мыслишь истреблять народы!
Отдельного ты смеешь – в том тебе свобода,
Но уничтожить род людской, прочь руки! Нет!
Ты, кажется, противиться мне вздумал? Бред!
Тебе ль со мной бороться, Зевс? Я – сила!»
И так сказав, за плечи ухватила,
Сдавила, в кратком и глухом боренье
Поставила Зевеса на колени
И, бросив на землю, сказала: «О глупец,
Иль думаешь, прирос к тебе венец?

Ты хочешь бунтовать? Пожалуйста. Ресницей
Лишь шевельну – и изгнан ты столицей.
Уж слышу я, как фыркает нетерпеливо
Наследников твоих надежда. Похотливо
Горят из-за лесов горящие глаза:
Лишь поманю, и их примчит войны гроза».
И так грозя, Горгона развернула крылья
С звенящим шумом. Он упал в бессилье.

Наутро он был извещён, что Эринии окончили свою подземную работу. Но на приговоре он написал: «Помиловать!» И скоро до него донеслись крики всеобщей радости и благодарности. И снова непобедимый гнев овладел им.

Он двери распахнул и крикнул: «Дрянь, молчи!
Цела и радуйся, спасибо не кричи!»
Захлопнул дверь, засовы загремели;
И долго жёлчь глотал один в своей постели.

Когда Зевс пришёл в себя, страстно захотелось ему создать подобного упрямого человека, на котором мог успокоиться его взор.

Он отправился в питомник Генезиса. «Что надо?» – спросил тот. «Чистую человеческую душу». – «Поищи там, в глубине сада, в пруду». Действительно, в пруду полусонно плавали не родившиеся ещё в теле человеческие души. Зевс подошёл и стал приказывать им: «Налево! Направо!» Души повиновались. Но одна всё время плавала по-своему.

- Ты что ж, – спросил Зевес, – не поплывёшь направо?
- Не вижу для того причин, подумав здраво.
- Но ведь другие же плывут туда.
- Другие мне отнюдь не господа.
- Но я вот царь. Мы царственно повелеваем...
- Быть можешь ты царём и вместе негодяем.
- Как звать тебя? – Геракл меня зовут.

И Генезису молвил Зевс: «Я тут
Нашёл, что надо мне, его я покупаю». –
«Бери... С тебя я дорогого не пожелаю».

И, взяв с собой Геракла, как отец
Понёс его Зевес к Олимпу, в свой дворец.

Там он стал подвергать его всяким испытаниям.

«Взгляни-ка, мальчик, – говорил, – перед собою
Ты видишь дерево небесно-голубое». –

«Зелёное», – наморщив брови, отвечал парнишка.
«А так! Постой – я просвещу тебе умишко!»
И начинал Зевес греметь громами.
«Ну, говори, какое дерево пред нами?
Ведь голубое?» – «Нет. Осталось зелёным». –
«О, bravo! – восклицал Зевес, поднявшись с трона. –
Держись, Геракл, ты правды до конца!
Мне очень нравится, что мальчик – не овца».
И тысячею труб велел трубить он в уши
Нелепости потяжелей, позлей, поглуше,
И семь девиц хорошеньких и льстивых
Приставил он для уверений лживых.
И так сказал Зевс: «Я не отдам его,
Пока не научу всегда, среди всего
Отличить правду и идти её дорогой,
Хотя бы против звёзд и солнца – против бога!»

Песня 4. Гера и Смерть

Тяжело жилось Гере: раскаяние и воспоминание терзали её ожесточённое сердце.

Однажды, когда она вздыхала в одиночестве, мастер Смерть прошёл мимо её окна и нагло усмехнулся. «Фу, урод!» – крикнула Гера и захлопнула окно. Но образ Смерти словно запечатлелся в её глазах. Ни сон, ни развлечение не могли изгнать его из её души.

Дело в том, что из всех титанов на Олимпе лишь она была смертной. И вот разрядилась Гера и ласково-кокетливой усмешкой вышла навстречу Смерти, когда снова проходил пасмурный призрак.

«Куда идёшь, дружок? – она спросила льстиво. –

Как рано ты встаёшь, как ходишь торопливо.

Зайди ко мне, поговорим часок-другой». –

«Нет времени. Я парень очень занятой». –

«А то б позавтракал: есть сладости из мёда». –

«Спасибо. К сладкому не льнёт моя природа».

Стыдливо оглянувшись, Гера ухватила

Его одежды край и к уху приложила

Уста, шепча. Но Смерть, наморщив плоский нос,

Ответил: «Я давно любовь уж перерос,

Я слишком стар и к плоти равнодушен.

Прощай. Я должности своей одной послушен.

И ждут меня, – он глянул на часы. –

Ждут с болью, с нетерпеньем». Лезвием косы

Сверкнул и зашагал. И, бросившись в палаты,

Кричала Гера: «Кто желает чудо-платы?

Кто хитростью иль силой уничтожит

Смерть, тот себя назвать счастливым сможет».

И на Смерть напали слуги Геры. Но никто не смог причинить ему хоть бы царапину. Бледная Гера стояла у окна и умоляла о прощении.

Смерть поклонился с вежливой, но злой улыбкой:

– Не беспокойтесь, пустяки: такой ошибкой

Я не считаюсь. Я отлично понимаю

Все риски должности, что в мире занимаю.

Тогда Гера решила уехать на край земли, где было бы пустынно и куда, как она надеялась, Смерть не заходит.

О, горе! В первый день она его встречает.
Приплясывает он и шапкою махает.
«Ну что? Гуляем?» Поняла царица,
Что тщетно всё, что лучше возвратиться.

С каждым днём тоска смертности охватывала её сильнее. Наконец весть о тяжёлой душевной болезни Геры дошла и до Зевса. Узнав её причину, Зевс созвал врачей. «Помогите, – говорил он им. – Гера смертна, и не умереть особенно страшно ей, а умирать».

«О господин, – ответили врачи. – Кто родился смертным, тому не поможет ни ихор, ни нектар».

Чтобы утешить жену, Зевс приказал призвать мудрецов смертного рода людей.

С сомнением их принял Зевс. «Я верю мало,
Попробуем, однако». Тотчас для начала
Софист заговорил: жонглировал словами,
Понятия менял, играть хотел умами,
Доказывая: «Смерть есть лишь уничтожение,
Есть – минус, а не бытие, там, без сомненья,
Её и нет! Что есть – есть бытие!
Вам нравится ль учение моё?»
Другой пролил елей Иегуканаана
И утверждал, что тут надежда без обмана.
А третий говорил: «Я победил все бездны:
Сейчас я заведу вам мой органчик звездный».
Органчик завопил, заблеял «бабабэ!»
Про мать-природу, нашу маму-мэ!
Зевс рассердился: «Эй, зажать им рот!
Вся эта болтовня лишь тошноту даёт.
Что это? Злоба, трусость, что микстуры
Создали этих фармацевтов? Как? Весь хмурый,
Кровавый, полный муки мир Ананке
Хотят подмаслить писком глупенькой шарманки?
Побасенками? Ах, как жаль мне всё ж,
Что не прихлопнул я всю человечью ложь!»

Однажды тоскующей Гере приснился Аполлон. Снедаемая скорбью, всхлипывая, со слезами, с нежностью думала она о нём теперь.

И вот, полная раскаяния, она отправилась к его дворцу. Аполлон очень удивился, увидя её у своих дверей.

«Как мне утешить тебя, – сказал он. – Утешения счастливого приобретают едкий вкус во рту несчастного».

Однако я скажу: в Ананке тёмном мире
Спасенья не ищи ты ни в каком кумире.
Одно лишь есть спасенье – милый взор
Того, с кем дружен ты, да тихий разговор
Уст, связанных любовью, благодарным чувством.
Без этого жить в мире холодно и пусто.
Раз друг есть у тебя, есть близкий и родной,
Беги к нему! Зачем тебе страдать одной?

Тут Гера упала перед ним на колени и стала бурно выражать ему свою любовь.

«Нельзя делить женщину, – ответил он. – Ты выбрала Зевса».

«Сжался. Прости!» – «Я простил и забыл». – «Нет, нет, только не забвенье!».

И рыдая, Гера называла себя жалкой дурой, коварной змеей. «Изменчивость – имя миру Ананке, – задумчиво сказал Аполлон. – Я знаю теперь, что такое любовь. Между нами, царица, всё кончено». Как раз в эту минуту из дома вышла Артемида.

– Бывают существа, которые орлице
Предпочитают журавля, – так злобная царица
Запенившимся ртом шипела. Аполлон
В защиту руку протянул и ссору жён
Прервал: «Молчи, молчи подруга дорогая,
Войдём, на брань отчаянья не отвечая.
Желанный мой Журавль, оставь её, войдём
В наш мирный и любовью полный дом».

В полном отчаянии Гера решила идти к Автомату. Она слышала, что это Автомат даёт силу самой Ананке как высшая в бытие власть. Правда, Автомат не живёт, не мыслит – это железный механизм. И всё же она решила обратиться к нему. У всех встречных спрашивала дорогу к Автомату. Но никто не слышал даже этого имени.

Но вдруг в беседке кабачка за кружкой пива
Увидела царица Смерть. Нос плоский живо
Он поднял, воздух нюхая, и свой колпак
Приподнял перед бледной Герой: «Значит так:
Идём мы к Автомату? Скатертью дорога».

Упрямо смотрит Гера: «Я надеюсь много
На посещение. Я не скрываюсь,
Его умиласердить постараюсь.
Скажи, коль даст приказ щадить меня –
Ты пощадишь?» И спину наклоня,
Сказал ей Смерть: «Ещё бы! Как иначе?
Я подчинённый. Сам-то что я значу?» –
«А если так, то укажи мне путь к нему».
Смерть тотчас вышел в поле, зашагал к холму.
«Прислушайся», – сказал, тихонько тронув ухо.
И вдруг из-под земли гром прокатился глухо,
Как будто по миллионам рельс катились
Машин стальных мирьяды и кружились
Колёса тяжкие. Вся масса их гласила
Одно лишь слово веское и злое: «СИЛА».
Коснулся глаз ей Смерть и молвил: «Погляди!»
Тогда у горизонта в небе, впереди,
За краской дня, за солнечным сияньем
Гора поднялась чёрным изваяньем.
Она была массивней и реальней,
Чем всё, что видит глаз в округе дальней.
И нахлобучились, как шапка, тучи,
Порой зарницей освещая кручи.
И, как одежда, синеватый чад
Окуривал кругом отвес громад.
Кроваво-красный флаг чертил с вершины: «БОЛЬ».
Смерть палец поднял: «Автомат царит оттоль».

Посох в руке Геры изогнулся дугой и зашептал: «К какой
страшной цели заставляешь ты меня вести себя, царица!» –
«Хочу глянуть в чёрную пасть истины», – отвечала Гера.

Град бил её, огонь жёг её волосы, и она сама удивилась,
как могла достигнуть вершины горы. Но вот она стоит перед
дворцом Автомата. Никакая стража не преграждает
дороги. Наоборот, над воротами насмешливая надпись:
«Приходите все».

И вот тот ужас, что увидала там царица Олимпа.

На колоссальной лошади чугунной
Железный Автомат маячил в ночи лунной.
Гранитной маской скрыт был Автомата лик:
Из дыр для глаз и рта наружу не проник
Ни взора луч, ни вздох, лишь свист порой и пар
И отблеск пламени: багровых углей жар.

Вдоль круглых рельс, копыт не подымая,
Катилась лошадь тяжкая, литая,
В железном, замкнутом, бездушном круге
Безвольно вечно совершая дуги.
Но что там движется на рельсах? Вихри пыли?
Мильоны капель?.. Нет! Атомы эти жили...
То червячки... Да нет: разумные созданы
С очами, с мозгом, с миною страдания,
Подъедают голову, в руках их вьётся знамя,
О «правде» и «неправде» что-то голосами
Пискливыми кричат, и о «добре» и «зле»,
При свете «мудрости» всё ищут путь во мгле...
Но с грохотом катится Автомат:
Визг! Стон о помощи! Гудят-гремят
Колёса, давят... Крики!.. Тесто... Вонь...
И дальше катится чутунно-тяжкий конь.
Пред этим зрелищем, прикованная к месту,
Стояла Гера, взгляд уставив в тесто
Размятой жизни. Смерть плеча коснулся:
«Ну, что ж – проси. Иль ум твой не проснулся?»
И, свесив голову, подняв свой жезл дорожный,
Пошла в обратный путь царица безнадежно.

И когда она опять увидела землю и людей на ней, продолжавших жить в ожидании проезда Автомата, она воскликнула: «И они не воют от ужаса!»

Она бросалась от двери к двери, стуча в них посохом: «Возмутитесь же, не отдавайтесь палачу без сопротивления, долой Ананке, которая предала вас Автомату!» Тщетно.

Вступила на Олимп с горлом, сдавленным спазмой, и закричала к небу: «И на всём свете никого, кто пожалел бы, если бы небо обрушилось на меня, земля подо мной провалилась! А ты смеёшься, солнце!»

Два слова пришли ей на память: Я и Ты. И она сочтала их так: «Я ненавижу всё, что есть Ты».

«О, я ведь тоже Автомат, заражённый Энергией. Я тоже буду бездушной перед созданиями; я поняла, что злоба – любимое дитя того, по чьему плану построен мир. Кого называет природа здоровым? Того, кто перебьёт других. Если я страдаю – хорошо! Но только я буду и мучить. Пусть преступление и убийство станут моими целями. Жизнь коротка, но чтобы навредить другим – времени хватит».

Песня 5. Геракл идёт на землю

Геракл вырос горячим врагом массовой трусости и стадного лицемерия.

Однажды Зевс обратился к Мойре с такою молитвой: «Услышь меня, Мойра! Зевс, царь Олимпа, просит не для себя. Мне хочется слезами моими расположить тебя к состраданию. Я создал образ мой и подобие. Существо великой воли, хотя и облечённое человеческой плотью и потому земное. Хотя я – Зевс, но не смогу оберечь его от козней толпы. Он будет есть хлеб, омоченный слезами. После многих трудов и испытаний он умрёт. Я не прошу для него расположения толпы, ни власти, но пусть оскорбления не ожесточат благородного. Пусть человеческий род всё же поймёт, кто он, пусть наказаны будут те, кто обрушится на него с гонениями».

Тогда Мойра обещала исполнить три желания Зевса. Зевс сказал: «Дай ему славу». Мойра записала. «А два других желания?» – «Больше ничего не нужно», – ответил Зевс.

Игрою на арфах и сладостным пением проводил Зевс сына в трудный путь на землю скорби. Он дал ему напиток из источника Правды, из одного с ним кубка. «Сын, если в тяжкий час будешь ты нуждаться в утешении – взгляни наверх: помни – я твой союзник».

Все боги собрались и принесли дары сыну Зевса. Артемиды подарила ему благородство, Аполлон – мужество, Паллада – остроту ума, Гермес – волшебную привлекательность, а Афродита своим смехом влила весёлость в его душу. Наконец, свой дар принёс и Зевс – упорство в борьбе.

С бодрым пением вступил Геракл на землю. Дети людей, живших у самого подножия Олимпа, дружески приветствовали его.

Но девушка одна, людской породы тоже,
Но ростом, красотой почти с богиней схожа,
Пошла навстречу, странно, словно в полусне,
Остановилась, руку к левой стороне
Его груди прижала, опустив чело,
Сказала: «Ах, каким путём к тебе б смогло
Прийти моё желанье? Где к тебе дорога?

Пусть много дней, ночей тяжёлых много
Идти пришлось бы, пусть бы задыхалась
Больная грудь, я б всё ж к тебе добралась.
Пускай колючки в кровь терзали б мои ноги,
Я всё ж дошла бы до конца дороги.
Знай, родины не знаю на земле я:
Хотела б жить, где ты, в тебе царя имея», –
Так говорила дева в полусне. Качнув головой,
Взор отвела, вздохнув, пошла своей тропой.

Радовался Геракл, встречая столько любви.

Сияют мне, маня, вдали вершины,
Обет произношу я у порога ныне:
Сады роскошного Олимпа, о цветные,
О небо синее, о тучи золотые,
Вас всех, друзья, в свидетели зову:
Не для себя, для дела я живу.
Руками, сердцем, без улады, без покоя
Работать буду: мне дано свершить большое,
Закончить небывалое. О сёстры, братья,
Иду любить вас я, иду вам помогать я.
Награды не хочу, одна моя награда –
Немое одобренье дружеского взгляда.
Привет тебе, земля. Привет, мои труды!
Для долга бросил я надземные сады!

Вскоре он вступил в безлистую рощу Ате, приблизился к проклятому камню, где ночью воют шакалы, а днём кружатся грязные коршуны. Здесь Гера ждала его. Она протянула руку и сказала: «Стой! Довольно дурачиться. Возвращайтесь!» – крикнула она провожавшим его слугам Зевса.

И струсивши, покинули они Геракла. «Теперь ты мой, Геркулес, и ты узнаешь, что я сделаю с тобой», – захохотала Гера.

– Кто смеет лишить меня милости Зевса и Мойры? И кто ты, находящая удовольствие в жестокости? – спросил Геракл.

– О, я тебя вознагражу за потерянное! – отвечала она и подала ему чёрное запечатанное письмо. И Геракл попятился от запаха его рун, как жертвенный бык от топора. И позвала Сильного, и приказала ему вести на землю Геракла, а сама шла сзади и издевалась.

«Иди веселей, любимец Зевса, хорошо встретит тебя земля». И она пророчила ему всякие беды и вдруг вскипела: «Как? Ты осмеливаешься прямо смотреть мне в глаза? Прочти, прочти письмецо судеб, которое я дала тебе.

Есть камень на пути по имени Ничто,
Под ним ты сядешь. Голос раз по сто
На дню словечко «жди» быть в уши станет,
Как крылья за плечами, юность свянет,
Имея право, будешь тщетно ждать судью.
Надежду, веру медленно в тебе убью.
Десятилетия потянутся обозом,
Пути, ворота свет я завалю навозом.
Считай, как много жизнь вмещает горя,
Но, может быть, ты стерпишь, с роком споря,
И в сердце скажешь: но победа всё ж придёт.
Но танец кончился, вот смерть уж скалит рот!» –
Так злобная кричала. Спотыкаясь, шёл
Дорогою Геракл. И мрачно речь повёл:
«Не спрашиваю я, за что меня терзает
Твой коршун, злая, – пусть тебя он утешает.
От глаз, из уст твоих мне веет дух тлетворный,
Дух ненависти, для тебя самой позорный.
Но если этими делами палача
Упорство мнишь согнуть упрямого плеча,
Разочаруйся, баба: горько, несомненно,
Быть светом и погаснуть в ночи неизменной,
Имея сильный рост, быть скрюченным навек,
Ужасно признаёт во мне то человек.
Но ты, чудовище, не в силах оторвать
От сердца право силу понимать.
Я буду знать, кто я, хотя бы задушила
Мои дела ты, буду знать, что я есмь сила!
Шуми хвостом вороньим зависти тревожной:
Геракл мне имя – да: завидовать мне можно».

Гера разорвала одежду и ударила себя в лоб так, что кровь выступила: «А, так я не могу унижить даже человека! А – вот человек, который не хочет жаловаться! Мести, мести!.. Думай не только о муках, думай и о насмешках.

Даров обилие тебе дано другими,
Гордись теперь дарами и моими:
Я сердце мягкое и глупое даю,

Его влагаю в грудь надменную твою.
Глупца печальнее не видела земля,
О солнцах небывалых горестно моля,
Тоска твоя за божество признает
Телесных женщин, гордость вдруг растает,
И перед ними станешь ты
Рабом униженным жестокой красоты,
И с жалкою гримасой жеста ласки
Ждать будешь от смазливой первой маски.
Величие! Ты будешь плакать, слать ей вздохи,
Сбирать на пищу сердцу станешь крохи.
Среди насмешек след достоинства ищи,
И славу в грязь из девок ты втащи!
Ты весел сердцем, бубенцы к тебе пойдут,
Прощай, сын Зевса, смехотворный шут!»
И губы закусив, он горько ей сказал:
«Ты метко ненавидишь, твой удар попал.
Всегда правдив я, признаюсь – я побеждён.
Здесь нищий пред тобой, и Геру молит он.
Не сострадания, пристойности прошу я:
Бьёт зверя красного, дичь царскую, большую
Охотник насмертно, на смех не мучит: стыдно!
Рази оружием честным, не кусай ехидно
Во имя бога Зевса, для великих дел
Создавшего меня, и тех, кто мне в удел
Высокие дары дал, всех титанов.
Молю: жестокой будь, не строй позорных планов.
Нет, сердце глупое возьми, возьми обратно!
Мучь, как захочешь, как тебе приятно,
Но благородный враг врага не унижает –
Карай, пусть каждое проклятье вырастает,
Удвоится пусть каждая беда,
Но не хочу краснеть я краскою стыда».
Затанцевала Гера вокруг него: «О, сладко!
То голос боли был, рыданье сил упадка.
Мне слаще мёда это наслажденье –
До состраданья довести врага мученье!»
Помолодев, забыв недуг, и зная,
Что он страдает, в дом вернулась злая.
А Геркулес назад глядел и говорил:
«Отец Зевес меня в дорогу снарядил.
Его святая воля пожелала,

Чтобы в конце трудов мне солнце засияло.
Того не будет. Этот дальний луч
Исчез, погас средь ненависти туч.
Трудиться надо без надежды на награду.
Быть может, будет в деле меньше ладу,
Но пусть простит отец, поймёт и снизойдёт», –
Так он сказал. Дух слов его был горд. И вот
С молитвою упал среди дороги пыльной
Пред ним приставленный к нему богиней Сильный.

А с Олимпа бежали за ним и пели ручьи, и Зевс послал
ему ослепительный прощальный луч солнца. И приветом
отвечая на привет, сказал Гераклес:

«Гремят мне токи вод, кричат кругом орлы.
Горит Олимп – маяк среди грядущей мглы,
И в сердце мой девиз: “А всё-таки!” несу я.
Работать буду я, награды не взыскаю.
И тощий может двигаться вперёд.
Вот небо надо мной, и в небесах живёт
Бог, чьё дыхание горит в моём дыханье.
Пусть зеркало рисует очертанья,
В которых слабое, смешное мне кивают:
Приму! Дела всё это искупают.
Дразню я глупость, злобу я зову на бой.
Сын Зевса, может быть, и справится с судьбой», –
Так он сказал, и гордость ставя высшим благом,
Пошёл вперёд спокойно мерным шагом.

Геракл

Словарь-комментарий*

Авгий. Царь племени Эпеев в Элиде. Сын бога солнца Гелиоса. Отсюда значение имени Авгий — сияющий. Очищение с помощью изменения русла реки его обильно унавоженных конюшен — один из подвигов Геракла.

Автохтоны. Рождённые Землёй. Первоначальное население Афин. В современном языке — исконные жители какой-либо страны, местности.

Акролимп. Мифический акрополь (кремль) обители богов Олимпа.

Актайон (Актеон). Сын Автоноя и Аристея. Внук Аполлона и Килены. Случайно видел Артемиду нагою во время купания, тем самым невольно оскорбил её целомудрие. За это разгневанная богиня превратила Актеона в оленя, и его растерзали собственные собаки. У Шпиттелера сохранена основная нить фабулы, однако она дана в своеобразном преломлении.

Амброты, Атанаст. Синонимы понятия «бессмертные».

Амфитрита. Морское женское божество. Одна из нереид. Дочь Нерея и Дориды. Супруга Посейдона. Мчится по морю на колеснице в сопровождении нереид и тритонов. Подобно культу других морских божеств, её почитание восходит к догреческой эпохе.

Амшоспат (среднеперсидское — Амшоспанд, авестийское — Амешаспента). Бессмертные святые. В мифологии зороастризма шесть, по другим источникам семь божеств, окружающих Агурамазду (ср. «Семь ангелов, входящих пред Святого» в книге Товита). В разных источниках по-разному определяется их пол. Эти божества даровали откровение Заратустре. В комментируемой поэме они изображены в качестве дочерей Урана. Обращение к зороастризму характерно для немецкоязычной культуры конца XIX века (см. Ф.Ницше «Так говорил Заратустра»). В это время успехи востоковедения позволили отождествлять привычных для европейцев персонажей греко-римской мифологии с божествами всех времён и народов и породили своеобразное неомифотворчество (ср. прежде всего с Ф.Ницше).

Ананке. Божество необходимости, неизбежности. Мать Мойр. У Шпиттелера практически отождествляется с Роком.

Аполлон. Сын Зевса и Латоны (Лето). Его соперничество с Зевсом — плод вымысла Шпиттелера.

Арианья. Видимо, отражение образа Ариадны, дочери Миноса, возлюбленной Тезея. Ариадна помогла Тезею одолеть Минотавра и благополучно выбраться из Лабиринта. При возвращении в Афины была покинута Тезеем, по прямому желанию Диониса, чьей воз-

* Составил кандидат исторических наук А.Н. Филиппов.

любленной она стала. Образ Ариадны часто фигурирует в немецкоязычной культуре конца XIX века.

Артемиды. Греческая богиня охоты. Покровительница девства. Дочь Зевса и Латоны (Лето), сестра-близнец (а не подруга, как у Шпиттелера) Аполлона.

Асклепий, Асклеп, Эскулап. Бог врачевания. Сын Аполлона и Корониды. У Шпиттелера осмеиваемое воплощение естественнонаучного педантизма. К началу XX века уже стало ясно, что, несмотря на колоссальные успехи естественных наук, ответа на «вечные» вопросы они не дадут.

Астарота, Астарта, Ашторет, Иштар. Древнесемитическая богиня любви. Покровительница ритуальной проституции. Отождествление её с Астреей произвольно.

Астрей. Дочь Зевса и Фемиды. Богиня справедливости. Обитала и царствовала на земле в счастливый золотой век. После падения людских нравов вознеслась на небо и обретается в созвездии Дева. Отождествляется со своей сестрой Дике – богиней справедливого возмездия. Смешение девственной Астреи с развратной Астартой (Астаротой) – произвольный плод оригинального мифотворчества Шпиттелера.

Ате (Ата). В классической мифологии божество, изображающее заблуждение, помрачение ума. Иногда трактуется как богиня раздора.

Афина. Дочь Зевса. Одна из главных богинь греческого пантеона. Олицетворяет мудрость.

Афродита. Одна из главных богинь греческого пантеона. Олицетворяет красоту и любовь. Её образ практически не искажён в «Олимпийской весне».

Аякс. Имя взято Шпиттелером произвольно. Герой ничем не напоминает носящих его персонажей Гомера.

Баратрон. Пропасть. Название загородной местности в Афинах, где находилась глубокая яма, куда бросали живыми приговорённых к смерти преступников либо тела казнённых.

Борей. В греческой мифологии бог северного ветра. Сын Титанидов. Ему присущи архаические, зооморфные черты стихийного божества.

Бритомартис. Греческая богиня, дочь Зевса. Целомудренная спутница Артемиды. В некоторых версиях её ипостась. Девственность Бритомартис особенно подчёркивается Шпиттелером, строящим вокруг её образа свою мифологему своеобразного языческого монастыря.

Гадес. То же, что Аид. Сын Кроноса и Реи. Брат Зевса. Царь подземного царства, называемого также Гадесом и Аидом. То же, что Плутон (римское).

Гармонид. Полидор. Сын Кадма и Гармонии.

- Гарпалика.** 1) Дочь аркадского царя Климена. За противоестественную связь была обращена в ночную птицу халкис. 2) Фракийская воительница, дочь царя племени. У Шпиттелера скорее речь идёт о первой.
- Гарпии.** Доолимпийские архаические божества, числом от двух до пяти. Полуженщины-полуптицы отталкивающего вида, с отвратительным запахом. Летают быстро, как вихрь, похищают детей и человеческие души. Наиболее известный сюжет, связанный с гарпиями, — наказание царя Финея, которого они лишали пищи. Место пребывания гарпий — Аид.
- Гедон.** Персонифицированное наслаждение. Продукт оригинального мифотворчества Шпиттелера.
- Гера.** Жена и сестра Зевса. Богиня, а не земная царевна, как у Шпиттелера. Вокруг образа Геры построена вся мифологема в поэме нашего автора. В классической мифологии Гера (у римлян Юнона) — охранительница домашнего очага, упорядоченного законного брака. Враждебна многочисленным любовницам Зевса и их чадам. Особенную вражду она испытывает к Гераклу, самое имя которого означает «благодаря Гере», или «прославленный Герой».
- Геракл.** Сын Зевса и Алкмены, жены Амфитриона. Плод особых любовных усилий Зевса (в течение двух суток) и потому очень сильный. Бог-устроитель и спаситель. В числе его деяний особенно выделяются двенадцать подвигов. Представляется некоторыми исследователями, в частности, немецким учёным Фридрихом Пфистером, как своеобразная языческая параллель Христу (см. статью Льва Ельницкого «Геракл и миф о Христе» в альманахе «Прометей», том 7; М.: Молодая гвардия, 1969). В несколько христианизированном освещении изображён он и у Шпиттелера.
- Герменевс.** Характерный для Шпиттелера пример говорящего имени. В данном случае мудрый старец, истолкователь воли богов. (От греч. — толкование, объяснение).
- Гермес.** Сын Зевса. Бог торговли и красноречия. Олицетворяет хитрость и ловкость.
- Геронты.** Дословно — старцы. В архаических греческих полисах, особенно дорических (например, в Спарте) — члены совета старейшин, герусии.
- Гейфайст, Гефест.** Сын Зевса и Геры. Уродливый (хромоногий, но не карлик, как у Шпиттелера) бог-ремесленник, покровитель всяческих технических занятий (например,ковки металла) Карликовость его у Шпиттелера скорее всего навеяна германской мифологией, где существует образ подземных кузнецов-карликов — цвергов.
- Гог и Магог.** Несколько неожиданная у Шпиттелера библийская деталь. Гог — князь земли Магог, а также земли Роша, земли Мешеха, земли Фовея. (см. Септуагинта. Книга пророка Иезекииля). Гог

предпринимает поход с огромным войском с целью захватить Святую землю, но сокрушается Господом Богом. Считается, что Гог олицетворяет Скифию, большую степную страну к северу и северо-востоку от Кавказа. Дикие полчища скифов в древности не раз заполняли землю.

Горгона. Чудовищное порождение морских божеств. Три сестры: Сфено, Эвриала, Медуза. Здесь имеется в виду наиболее известная из них — Горгона-Медуза, чей взор обращал в камень. Горгоны, крылатые, покрытые чешуёй существа со змеями вместо волос. Медузу обезглавил Персей, смотря не на неё, а на её отражение в медном отполированном щите. Голова Медузы впоследствии украсила щит Зевса. Из крови Медузы возник Пегас, плод её связи с Посейдоном.

Дейнотерион (дейнотерий, динотерий). Гигантское млекопитающее высотой до 4 м.

Дионис. Сын Зевса. Олицетворяет винопитие и веселье.

Диоскуры. Кастор и Полидевк (Поллукс). Сыновья Зевса и Леды. По некоторым версиям сын Зевса только Поллукс, Кастор же — сын мужа Леды, царя Тиндарея. Покровители воинов, всадников, моряков, кулачных бойцов. Особенно почитались в Риме.

Елена. Дочь Зевса и Леды. Сестра Диоскуров. Непревзойдённая красавица. Похищение Елены Парисом вызвало Троянскую войну.

Ехидна (Эхидна). Титанида, дочь Форкия и Кето. Дева-змея, прекрасная лицом, но страшная по своей сути. Хтоническое божество, порождающее чудовищ. Воплощение тератоморфизма, преодолённого персонажами героической мифологии.

Зевс. Сын Кроноса и Реи. Верховный олимпийский бог. Супруг Геры.

Иегуканаан, Иоханан, Иоанн. Евангельский образ Иоанна Крестителя.

Ирена (Эйрене). В классической мифологии — богиня мира.

Ирида. Богиня радуги, вестница богов.

Ификлея. Ификл — брат Геракла, сын Амфитриона и Алкмены. Афина, покровительствующая Гераклу в его подвигах, помогает и его брату. Отсюда — Ификлея.

Ихор. В классической мифологии — жидкость, текущая в жилах у богов, их кровь.

Кронос. Сын Урана и Геи. По наущению матери оскотил отца серпом с целью прервать его нескончаемую плодovitость. Вступил в брак со своей сестрой Реей. Кронос пожирал собственных детей, зная, что, согласно древнему преданию, сын лишит его власти над миром. Однако его сын Зевс, скрытый матерью, победил его и союзных с ним титанов, заставил его извергнуть проглоченных братьев и сестёр и погрузил его в Тартар.

Меон. Не-сущее, несуществующее, небытие. Страна Меон — очевидная утопия.

- Минос.** В классической мифологии сын Зевса и Европы (финикийской царевны), отчим Минотавра. Царь Крита, глава мощной морской державы. Яркий представитель крито-микенской (минойской) цивилизации. Наряду с Эаком и своим братом Радамантом — судия подземного царства, чей приговор справедлив и неподкупен. Ряд историков считает, что Минос — это титул, даваемый критским царям, как фараон — египетским. Поэтому образ мифологического Миноса — собирательный. Интересно сравнить с этим трактовку образа у Шпиттелера.
- Мойры.** Доля, участь, судьба (то же, что и Парки) Дочери богини Ананке. В классической мифологии — вершительницы людских судеб.
- Нектар.** Напиток богов, разносимый на олимпийских пирах Гебой и Ганимедом.
- Немизид.** **Немезис.** Богиня возмездия. Дочь Никты-ночи. Близка по своей функции к Дике.
- Орейтия.** **Орифия.** **Орития.** Дочь афинского царя Эрехфея и царицы Праксифеи. Бог северного ветра Борей неоднократно просил её руки, но Эрехфей отделялся туманными обещаниями. Терпение Борея лопнуло, и во время одного из празднеств он налетел на Орифию, спрятав её под своими дымчатыми крыльями и незаметно от собравшейся толпы унёс прочь. Орифия стала его женой и родила ему двоих сыновей — Калаида и Зета.
- Орфей.** Сын фракийского речного бога Эвагра и музы Калиопы. Чудесный певец и музыкант, чьё искусство побеждало даже смерть (почти сумел вывести из Аида свою жену Эвридику). В то же время наделён чертами бога-устроителя и спасителя, бога-страдальца. Растерзан вакханками (опьянёнными женщинами). Противник всего хаотического, стихийного. Отсюда антагонизм его с Дионисом. С его именем связано религиозно-философская система орфизма, возникшая в VI веке до нашей эры в Аттике, имевшая приверженцев вплоть до эпохи Возрождения.
- Пан.** Божество стад, лесов и полей. Любимый мифологический персонаж новоевропейской неверующей интеллигенции, которая вкладывала в его образ своё представление о природе.
- Партений.** Дословно — девственницы. Нам более знакомо слово в рейхлиновском чтении — парфении. Например, храм Афины-девственницы — Парфенон. У Шпиттелера — собственно юные амазонки.
- Патос (в рейхлиновском чтении — Пафос).** Персонифицированная страсть. Название острова Афродиты. Отсюда легко перекидывается мост (опять смешение мифологий) к образу Астрайи (Астреи, Астароты, Астарты, Ашторет) — семитической богини любви.
- Пэри.** Фантастические существа в виде прекрасных девушек в персидской мифологии, позднее сохранившиеся в преданиях у тюрко-

язычных народов Малой и Средней Азии, Северного Кавказа, Закавказья, Поволжья и Южного Урала.

Персефона (Прозерпина). Супруга Аида, похищенная им с Земли. Дочь Деметры, богини земледелия. Богиня подземного царства. С ней связано чередование времён года. Персефона – одно из божеств элевсинских мистерий. Проповедница бессмертия души.

Посейдон. Сын Кроноса и Реи. Главный морской бог.

Промакос. Прозвище Афины как богини войны. Промакос – передовой боец в античном строю.

Пританы. Члены городского самоуправления в древнегреческом полисе. Наиболее яркий пример – Афины.

Протей. Морской бог, сын Посейдона. Наделён всеми традиционными чертами божеств моря: он многодетен, пасёт стада тюленей, многознающ, мудр. Обладает способностью принимать различные образы (см. «Одиссея» IV, 351-424). Отсюда «протеизм» – способность быстро меняться. Преимущественно египетский бог. Воплощением Протея являлся Аполлоний Тианский (см. Флавий Филострат. «Жизнь Аполлония Тианского»). М.: Наука, 1985). Некоторые источники говорят, что имя Протей тождественно египетскому Парути, то есть Фараон.

Сивилла. Древнеязыческая пророчица. Иногда отождествляется с Пифией. Книга Сивилл пользовалась большим почётом на государственном уровне в Риме. Известны также иудео-христианские книги Сивиллы, содержащие пророчества о Спасителе, якобы данные язычникам.

Силен. Силены – низшие божества из свиты Диониса. Иногда отождествляются с сатирами. Силен в более поздних пластах мифологии – учитель Диониса. Лысый, пузатый, добродушный старик, пьяница-мудрец. Персонификация поговорки «истина в вине». С Силеном связан мифологический рассказ о Мидасе.

«...Сия есть гора Мира и Убежище верное». Контаминация библейских мотивов, которыми завершается поэма Шпиттелера. Смутный намёк на Геракла и ещё более смутный – на Сына Божия.

Талар. Священное облачение длиной до пят.

Татис (Тетис). Древняя морская богиня. Воплощение неизведанных морских далей и глубин.

Теопомп. Феопомп. Древнегреческое имя, означающее «ниспосланный богами».

Уран. Божество Неба. Супруг Геи-Земли. Миф об Уране свидетельствует об архаических корнях классической мифологии. Уран – мужское и одновременно сыновнее начало в отношении Земли. Устранение Урана последующими поколениями богов при продолжении активного функционирования Геи указывает на изначальность мифологии именно Земли, а не Неба.

- Фавлониды. Таулониды.** Один из древнегреческих родов в Афинах. Из него в праздник Дииполии выбирался жрец, которому поручалось закалывание быка в честь Зевса, так как по преданию Таулон, родоначальник Таулоидов, первый убил быка.
- Хариты (Грации).** Богини добра, воплощение радостного начала жизни, всего прекрасного, изящного. Символ вечной юности.
- Эгида.** Шкура священной козы Амалфении, выкормившей Зевса, его броня.
- Эйдолон.** Воплощение заблуждений человеческого ума. Образ заимствован из «Республики» Платона.
- Энергия.** Здесь — божественное вдохновение или наитие, аналог святого духа.
- Эол.** В классической мифологии — владыка ветров.
- Эон.** Век, вечность. В представлениях позднего язычества — олицетворение времени. Вобрал в себя восточные (иранские и иудейские) эсхатологические представления. Особое значение термин «Эон» имел в гностицизме и других раннехристианских ересь, привлекавших к себе пристальное внимание интеллигенции в конце XIX — начале XX века.
- Эринии.** Богини мести, порождённые Геей, впитавшей кровь оскотлённого Урана, хтонические божества. Из событий, связанных с ними, наиболее известна история преследования Ореста и примирения отцовского и материнского права в приговоре Ареопага, после чего богини получили новое имя — Эвмениды. Здесь интересна передача функций наказания за преступления на суд государственной власти и упорядочение этих наказаний.

КОЛОКОЛЬНЫЕ ДЕВЫ

Слетает с колокольни
Весельем ярким полный
Дев колокольных хор.
Поёт, как ангел ясный,
Чем далее – тем прекрасней,
Несясь в немой простор.
Все держатся за ручки,
Порой грядю тучки
Так строят в небе цепь.
Танцуют в лёгкой пляске,
Рассказывают сказки,
И тихо внемлет степь.
Как ласточки весенни,
Ликут в звучном пенье:
Их голос победил!
Внимает солнце смеху;
Вмиг научилось эхо –
Песнь отзвук повторил.
И странник средь дороги
Подъемлет взор свой строгий
И замедляет шаг.
Ручей бежит с нагорья,
Волной весёлой вторя
Напеву медных саг.
Но звонарю покорны,
Внимательно проворны,
Вернулись звуки вдруг.
Всё смолкло, но – о горе! –
Забыт, отстал в просторе
Последний, младший звук.
Бежит на лёгких ножках
Хорошенькая крошка
Сестёр своих догнать.

Немножко слабы крылья,
Всё медленней усилья.
Достиг!.. Мир стал молчать...
Чу, чуткое молчанье
И воздуха дрожанье.
Умолк, но жив напев.
И всё полно надежды
Увидеть край одежды –
След колокольных дев.

Перевод А.В.Луначарского

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Красильников А.Н. Прекрасный, как Альпы</i>	6
Часть первая. <ПОДЪЕМ>	18
Песня 1. Выход из Эреба	18
Песня 2. Утренняя гора	21
Песня 3. Геба	23
Песня 4. У Урана	32
Песня 5. Семь прекрасных Амшаспад	38
Часть вторая. <ГЕРА-НЕВЕСТА>	41
Песня 1. Тоска по дому и исцеление	41
Песня 2. Женихов представляют царице	42
Песня 3. Первое соревнование: гимны и сказания	45
Песня 4. Второе соревнование: бег	54
Песня 5. Третье соревнование: гонки колесниц	61
Песня 6. Четвёртое соревнование: сновидения и пророчества	66
Песня 7. Предательство	74
Песня 8. Война и примирение	79
Часть третья. ВРЕМЯ РАСЦВЕТА	80
Песня 1. Милость Мойры	80
Песня 2. Борей	83
Песня 3. Аякс и гиганты	86
Песня 4. Актэон, дикий охотник	89
Песня 5. Аполлон открывает новый мир	95
Песня 6. Посейдон с громом	104
Песня 7. Дионис-ясновидец	110
Песня 8. Гифайст-карлик	116
Песня 9. Гилас и Калайда идут через горы и долины	121
Песня 10. Гермес-искупитель	122
Песня 11. Паллада и Пеларг	131
Песня 12. Аполлон-герой	139
Часть четвёртая. КОНЕЦ ВРЕМЕНИ РАСЦВЕТА	150
Песня 1. Афродита	150
Песня 2. Ананке говорит: «Стоп!»	160
Часть пятая. ЗЕВС	166
Песня 1. Знамя Ольбия падает	166
Песня 2. Зевс созывает богов	170
Песня 3. Люди	173
Песня 4. Гера и Смерть	184
Песня 5. Геракл идёт на землю	189
<i>Филиппов А.Н. Словарь-комментарий</i>	194
<i>Приложение. Колокольные девы (пер. А.В.Луначарского)</i>	201

Художественное издание

Карл Шпиттелер

ОЛИМПИЙСКАЯ ВЕСНА

Перевод с немецкого А.В.Луначарского

Научный редактор – В.М.Тютюнник

Художественный редактор – А.Н.Красильников

Зав. редакцией – С.А.Неезжалая

Автор сериальной обложки – А.В.Тютюнник

Технический редактор – И.С.Корскова

Корректоры – И.С.Корскова, Л.В.Головачева

ISBN 978-5-86609-201-7

9 785866 092017

Издательство Международного Информационного Нобелевского Центра
«Нобелистика»

Лицензия ЛР №070797 от 16.12.1997

Сдано в набор 15.08.2017. Подписано в печать 10.09.2017. Формат 60х100/16.

Объем 12,75 печ.л. Бум. офсет.

Тираж 500 экз.

Изд. зак. № 097. Тип. зак. № 114. Цена договорная.

Издательство МИНЦ «Нобелистика»

Россия, 392680, г. Тамбов, ул. Монтажников, 3. МИНЦ.

Тел.: +7-4752-504600. E-mail: vmt@tmb.ru